

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

№ 2(42)

2026
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2026 № 2(42)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:
С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
Н.В. Кухтова (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурценков, А.Д. Шматко
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
А.А. Стреленко, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушена, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
В.В. Окрепилов (Россия),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 33 398 50 51

E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Барышев В.А. Принципы права международных договоров 3

Киселева Л.А. К вопросу о правовом статусе научного работника
в условиях инновационной экономики 10

Василевич Д.Г. Соматические права как отражение социокультурных
и научно-технологических трансформаций современного общества 16

Тогужева А.С. Гражданство как элемент в структуре правового ста-
туса несовершеннолетнего 22

ЭКОНОМИКА

Золотарева О.А. Создание финансовой экосистемы человеческого
капитала. Часть 2 28

Шабeka В.Л. Проблемы ликвидности в фокусе современной эконо-
мической науки. Часть 2 38

Бекиш Е.И. Тенденции применения цифровых технологий в развитии
логистической деятельности 45

Гришанова С.С., Побяржина Т.П. Совершенствование системы сбы-
та предприятия через развитие маркетинговых технологий (на примере
ОАО «Вистан») 50

Забродская Н.Г., Сакович М.С., Любутский О.М. Искусственный ин-
теллект в экономике Республики Беларусь: проблемы и перспективы 59

ПСИХОЛОГИЯ

Крестьянинова Т.Ю., Морозжанова М.М., Питкевич Э.С. Влияние
экзаменационного стресса на различные сферы личности в аспекте
биопсихосоциодуховной парадигмы 67

Лакутин А.А., Смычек В.Б., Авин А.И. Модель оценки оптико-про-
странственной функции у пациентов с нарушениями мозгового крово-
обращения 74

Лауткина С.В., Мухина В.А. Инклюзивная культура как системо-
образующий феномен в образовании: определение, структура, функции
и индикаторы 83

Ховайло О.В. Феномен профессиональной идентичности в современ-
ной психологической науке 93

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2026 № 2(42)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
N.V. Kukhtova (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, A.D. Shmatko
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
A.A. Strelenko, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratsevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
V.V. Okrepilov (Russia),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 33 398 50 51
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Baryshev V.A.* Principles of the Law of International Treaties 3
- Kiseleva L.A.* On the Legal Status of Researchers in an Innovative Economy 10
- Vasilevich D.G.* Somatic Rights as a Reflection of the Social and Cultural and Scientific-Technological Transformations of Modern Society 16
- Toguleva A.S.* Citizenship as an Element in the Structure of the Legal Status of Minors 22

ECONOMICS

- Zolotareva O.A.* Creating a Human Capital Financial Ecosystem. Part 2 28
- Shabeka V.L.* Liquidity Issues in the Focus of Modern Economic Science. Part 2 38
- Bekish E.I.* Trends in the Application of Digital Technologies in the Development of Logistics Activities 45
- Grishanova S.S., Pobiarezhina T.P.* Improvement of the Enterprise Sales System Through the Development of Marketing Technologies (Using the Example of OJSC "Vistan") 50
- Zabrodskaya N.G., Sakovich M.S., Liubutski O.M.* Artificial Intelligence in the Economy of the Republic of Belarus: Problems and Prospects 59

PSYCHOLOGY

- Krestyaninova T.Yu., Morozhanova M.M., Pitkevich E.S.* The Impact of Exam Stress on Various Aspects of Personality in the Context of the Biopsychosocial and Spiritual Paradigm 67
- Lakutin A.A., Smychek V.B., Avin A.I.* Model for Assessing Optical-Spatial Function of Patients with Cerebral Circulation Disorders 74
- Lautkina S.V., Mukhina V.A.* Inclusive Culture as a System-Forming Phenomenon in Education: Definition, Structure, Functions and Indicators ... 83
- Khovailo O.V.* The Phenomenon of Professional Identity in Modern Psychological Science 93

УДК 341.241

Принципы права международных договоров

Барышев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В отраслях международного публичного права принято выделять принципы, которые определяют особенности регулируемой сферы, решаемые ею задачи. Но здесь бывают исключения: к ним относится отрасль права международных договоров, которой по непонятным причинам не повезло с принципами. Важность и значение названной отрасли в особенной части международного публичного права определяется тем, что современное международное право является уже два столетия договорным. К тому же право международных договоров кодифицировано на международном уровне. Оно имеет непосредственное отношение ко всем другим отраслям, где договоры определяют отношения между участниками. Тем более вызывает удивление тот факт, что большинство авторов учебников и учебных пособий по международному праву обходят вопрос о принципах международных договоров своим вниманием. Едва ли не единственным исключением в этом плане стало учебное пособие белорусских авторов Л.А. Васильевой и О.А. Бакиновской, несмотря на то, что принципы международных договоров в названном пособии изложены в одном разделе с понятием и источниками международных договоров.

Цель статьи — рассмотреть особенности реализации в праве международных договоров основных принципов международного права и сформулировать специальные принципы этой отрасли.

Материал и методы. Аналитическим материалом исследования послужили: Устав ООН 1945 г., Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений государств на основе Устава ООН 1970 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству государств в Европе 1975 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Венская конвенция о праве преемства государств 1978 г. и другие международные акты.

Методами работы являются: анализ, синтез, формально-логический метод, а также методы обобщения и систематизации.

Результаты и их обсуждение. В праве международных договоров действуют основные принципы международного права, а также ряд специальных принципов, но в учебной литературе по непонятным причинам авторы не рассматривают вопрос о принципах в названной отрасли. В то же время наличие принципов в праве международных договоров объективно и независимо от того, указывают на них специалисты или нет. Основные принципы действуют применительно ко всему договору и их действие приоритетно в праве международных договоров. Специальные принципы детализируют и углубляют характеристику отрасли права международных договоров, придавая ей цельность и завершенность.

Заключение. Основными принципами права международных договоров с *tutatis tutandis*, отвечающими особенностям права данной отрасли, являются следующие: суверенно равенства государств в договорах, неприменения силы или угрозы силой в отношениях договорного порядка, мирного разрешения споров, касающихся договоров, сотрудничества государств в договорной сфере, невмешательства во внутренние дела, добросовестного выполнения договорных обязательств. Их дополняют более десяти специальных принципов, отражающих отдельные особенности права международных договоров. В результате определения действия основных и специальных принципов в данной статье ликвидируется имеющийся правовой пробел в учебной и специальной литературе применительно к отрасли права международных договоров.

Ключевые слова: договор, отрасль права, право договоров, основные принципы, специальные принципы.

Principles of the Law of International Treaties

Baryshev V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In the branches of public international law, it is customary to identify principles that determine features of the regulated sphere and the tasks it solves. However, there are exceptions here, which include the branch of international treaty law, which, for unknown reasons, was unlucky with the principles. The importance and significance of this branch in a special part of public international law is determined by the fact that modern international law has been contractual for two centuries already. In addition, the law of international treaties is codified at the international level. It is all the more surprising that most authors of textbooks on international law ignore the issue of the principles of international treaties. Perhaps the only exception in this regard was the textbook by Belarusian authors L.A. Vasilyeva and O.A. Bakinovskaya, despite the fact that the principles of international treaties in this manual are outlined concisely in one section with the concept and sources of international treaties.

The purpose of the article is to consider features of the main principles of the international law implementation in the law of international treaties and formulate special principles of this branch.

Material and methods. *The research material includes the UN Charter of 1945, the Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations between States Based on the UN Charter of 1970, the Final Act of the Conference on Security and Cooperation of States in Europe of 1975, the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, and the Vienna Convention on the Succession of States of 1978.*

The research methods were: analytical, formal-logical, generalization, systematization.

Findings and their discussion. *In the law of international treaties, most of the basic principles apply, as well as more than ten special principles. However, the authors of academic literature do not, for unknown reasons, consider the issue of principles in this branch. At the same time, the presence of principles in international law is objective and regardless of whether experts point them out or not. The basic principles apply to the entire treaty and their effect takes precedence in the law of international treaties. Special principles detail and deepen the characteristics of the branch of international treaty law, giving it integrity and completeness.*

Conclusion. *The basic principles of the law of international treaties, mutatis mutandis, which correspond to the specifics of the law of this branch, are the principles of: sovereign equality of States in treaties, non-use of force or threat of force in contractual relations, peaceful settlement of disputes in the execution of treaties, cooperation between States in the contractual sphere, non-interference in internal affairs, and conscientious fulfillment of contractual obligations. They are complemented by more than ten special principles that reflect some features of the law of international treaties. The article identifies the basic and special principles and thus fills a significant gap in the academic and special literature in relation to the field of international treaty law.*

Key words: *contract, branch of law, law of treaties, basic principles, special principles.*

Практически все авторы учебников и учебных пособий в Беларуси и России первой темой в особенной части предмета «Международное право» рассматривают право международных договоров. Изложение определенной темы в предмете международного права, как правило, начинается с определения предмета регулирования, источников регулирования отрасли и их кодификации, если она присутствует. Следующий вопрос, который в обязательном порядке подлежит рассмотрению, — это действие основных принципов международного права в рассматриваемой отрасли и определение специальных принципов, характеризующих и подчеркивающих специфику регулируемой отрасли. Такой алгоритм изложения материала применяется практически при рассмотрении всех тем особенной части международного публичного права в учебной литературе. Однако при изложении темы «Право международных договоров» большинство авторов в Беларуси и России по непонятным причинам отступают от этого негласного правила и не рассматривают вопрос

о действии принципов в данной отрасли. Едва ли не единственным исключением в этом плане является учебное пособие белорусских авторов Л.А. Васильевой и О.А. Бакиновской, в котором принципы права международных договоров указаны. Автор темы «Право международных договоров» Л.А. Васильева указывает на действие принципа — договоры должны соблюдаться, который «...развит в ряде других принципов, именно: добросовестное выполнение своих международных обязательств всеми государствами; выполнение этих обязательств независимо от внешних и внутренних условий; нарушение договора не может оправдываться ссылками на внутреннее законодательство; договоры не должны противоречить друг другу; государство не вправе произвольно прекращать или пересматривать договоры; форма договора не умаляет его обязательности; разрыв дипломатических отношений государствами не препятствует соблюдению ими договоров» [1, с. 270].

Цель статьи — рассмотреть особенности реализации в праве международных договоров основных

принципов международного права и сформулировать специальные принципы этой отрасли.

Материал и методы. Аналитическим материалом исследования послужили: Устав ООН 1945 г., Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений государств на основе Устава ООН 1970 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству государств в Европе 1975 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Венская конвенция о правопреемстве государств 1978 г. и другие международные акты.

Методами исследования послужили: анализ, синтез, формально-логический метод, а также методы обобщения и систематизации.

Результаты и их обсуждение. Во всех отраслях международного права должны действовать и практически реализовываться основные принципы международного права, изложенные в Уставе Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. (ст. 2), Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г., Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.

Безусловно, что отрасль права международных договоров не может быть исключением в этом плане. Из всех основных принципов международного права на первое место в данной сфере следует поставить принцип суверенного равенства государств в договорах. Этот принцип требует полного равенства отношений между государствами во всем, что касается договоров: равенства в проявлении инициативы заключения договоров, в работе над текстом договора, равенства в выполнении обязательств по договору и контроле за его исполнением. Принцип суверенного равенства субъектов в договоре не дает права какому-либо участнику заявлять о своем особом статусе и лидерстве в договоре.

Принцип отказа от применения угрозы силой или ее применения в отношениях, связанных с договорами и их исполнением, в случае нарушения обязательств по договорам какой-либо стороной, является ключевым в разрешении противоречий между участниками. Безусловно, нарушение обязательств по договору, согласно Резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеей ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» — это «...серьезные нарушения обязательств, вытекающие из императивных норм

общего международного права» [2]. Однако названные нарушения не могут вести к ответным мерам в виде применения силы в отношении нарушителя договора, и не могут быть основанием применения силы.

Естественным и необходимым основным принципом применительно к договорам выступает принцип мирного урегулирования споров в отношениях, регулируемых договорами. Договоры не представляют собой некое идеальное средство в отношениях между государствами, которое не может вызывать противоречий и разногласий между участниками. Главное, чтобы все споры и столкновения, возможные в связи с исполнением обязательств по договору, разрешались исключительно мирными средствами.

Сотрудничество государств в сфере договорных обязательств — также необходимое условие выполнения и действительности договоров. Как отмечается в Декларации о принципах международного права: «а) государства сотрудничают с другими государствами в поддержании международного мира и безопасности; б) государства сотрудничают в установлении всеобщего уважения и соблюдения права человека...; с) государства осуществляют свои международные отношения в экономической, социальной, культурной, технической и торговой областях в соответствии с принципом суверенного равенства и невмешательства». Во всех перечисленных сферах сотрудничества государств действуют международные договоры, которые и обеспечивают на практике поддержание международного мира и безопасности, уважение и соблюдение прав человека, развитие отношений между государствами в экономической, социальной и иных областях.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств в отношениях, связанных с договором, предполагает, что никакие условия, изложенные в договоре, участником которого является государство, не дают право другим государствам вмешиваться в дела государства-участника, относящиеся к его внутренней компетенции.

Основной принцип, имеющий самое прямое отношение к договорам, — это «принцип добросовестного выполнения государствами обязательств, принятых ими в соответствии с Уставом» (формулировка Декларации о принципах международного права); или «добросовестное выполнение обязательств по международному праву» (формулировка Заключительного акта СБСЕ). Принцип добросовестности требует от сторон вести дело честно и справедливо друг с другом,

представлять свои мотивы и задачи правдиво и воздерживаться от получения несправедливых преимуществ, которые могли быть результатом буквального или не предполагавшегося толкования соглашения между ними. Добросовестность прямо запрещает какие-либо проявления скрытности, попытки ввести в заблуждение и случаи обмана партнеров по договору.

В ст. 2 Устава ООН установлено, что для обеспечения всем государствам в совокупности прав и преимуществ, вытекающих из их членства в организации, они должны «добросовестно выполнять обязательства, принятые на себя по настоящему Уставу». Ни в одном акте, содержащем основные принципы, нет слова «договоры», во всех говорится о добросовестном выполнении обязательств. Однако обязательства всегда содержатся в договорах, которые являются основной и главной формой их выражения. Следует отметить, что в международном праве могут существовать и односторонние обязательства государств, что уже было предметом исследования автора [3].

Важность и значимость принципа добросовестного выполнения обязательства трудно переоценить как в прошлом, так и в настоящем времени. Следует обратить внимание на тот момент, что «добросовестное выполнение договора» указывает на такую моральную категорию, как совесть, относящуюся непосредственно к личности. Можно привести исторический пример личной добросовестности лица, имевшего непосредственное отношение к заключению договора. Такой личностью во второй половине XVII в. в Русском государстве был глава Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин, который заключил в 1667 г. от имени Российского государства Андрусовское перемирие с Польско-Литовским государством, завершившее русско-польскую войну 1654–1667 гг. Назначенный царем Алексеем Михайловичем в 1671 г. для новых переговоров с Польшей, Ордин-Нащокин должен был по требованию царя, нарушить договор, скрепленный его клятвой. Однако в такой ситуации Ордин-Нащокин отказался от выполнения царского требования и предпочел ему пострижение в монахи, что означало конец его политической деятельности [4, с. 136].

Специальные принципы детализируют и углубляют характеристику отрасли права международных договоров. На первое место среди специальных принципов, на наш взгляд, следует поставить принцип правоспособности заключения договоров. Он означает как право, так и возможность для

субъекта международного права стать участником договора. В ст. 6 Венской конвенции о праве международных договоров установлено: «Каждое государство обладает правоспособностью заключать международные договоры» [5]. Правоспособностью заключать международные договоры обладают все 193 государства — члены ООН, международные организации, если это установлено их правилами, Ватикан и Мальтийский орден как государственно-подобные образования. Проблемным вопросом является участие в договорах не признанных и ограниченно признанных государств, которых в мире насчитывается около десяти. Отдельные из ограниченно признанных государств уже участвуют в международных договорах. Примером может служить Государство Палестина, которое присоединилось к десяткам конвенций, включая основные договоры по правам человека, а также стало участником ряда международных организаций.

Принцип добровольности участия в договоре предполагает свободу каждого субъекта определять для себя необходимость участия в нем. Это соответствует общему подходу к нормам международного права как выражающим согласованную волю его субъектов. Волеизъявление на участие в договоре не может подвергаться никакому постороннему, тем более насильственному воздействию.

Принцип полезности договора для регулирования отношений между субъектами предполагает, что любой договор должен решать конкретную и вполне определенную проблему их взаимоотношений. Можно привести пример с испытанием сверхмощной ядерной бомбы в СССР в октябре 1961 г., когда ядерный взрыв вызвал ударную волну, трижды обогнувшую планету, а ядерная вспышка продолжалась несколько минут. Это испытание показало реальную опасность для всего мира подобных демонстраций возможностей ядерной энергии. В итоге СССР, США и Великобритания заключили 5 августа 1963 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой [6].

Дипломатические отношения являются основой отношений между государствами, но их наличие или отсутствие не могут влиять на отношения государств, участвующих в договоре. В то же время отдельные государства при своем участии в договоре делают заявления о непризнании государств-членов договора, с которыми у них не установлены дипломатические отношения. Эту проблему может разрешать принцип независимости отношений по договору от наличия дипломатических

отношений между субъектами договора. Обще-признанность данного принципа может избавить участников договора от необходимости внесения соответствующих заявлений.

В п. 1 ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров установлено: «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения» [5]. Из содержания приведенной нормы следует принцип недопустимости ссылки государства на национальное право как условие его согласия на выполнение обязательств по договору.

При заключении международных договоров получила широкое распространение практика внесения оговорок к договору. Как определено в ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров: «Оговорка означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству». Практическая значимость оговорок состоит в стремлении инициаторов договора расширить количества его участников. В руководстве по практике в отношении оговорок к международным договорам, подготовленным Договорной секцией Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций, отмечаются: «Оговорка может позволить государству стать стороной в многостороннем договоре, участвовать в котором в противном случае оно либо не пожелало бы, либо не смогло» [7]. Главное ограничение, касающееся внесения оговорок, заключается в том, что они не должны нарушать цели и предмета договора. Из практики использования оговорок к договору вытекает принцип допустимости оговорок к договору, не нарушающих его цели и предмета.

В международном праве принято считать, что договор должен иметь письменную форму. Именно так он определен в Венской конвенции 1969 г.: «...международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме...». Однако

в международном праве реально применялись и применяются договоры, заключенные в устной форме, имеющие неофициальное название «джентльменских соглашений». Примером может служить наиболее острый конфликт холодной войны между СССР и США в октябре 1962 г., разрешенный в результате устной договоренности между руководителем СССР Н. Хрущевым и президентом США Д. Кеннеди. Это подтверждает равноценный статус письменного и устного договора, в чем проявляется принцип независимости формы договора от его обязательности для сторон.

Длительное время в дипломатии существовали тайные договоры, но уже в начале своей истории Советское государство первым выступило против тайной дипломатии, что означало ее открытость и недопущение заключения тайных договоров, противоречащих истинным интересам народов. Для показа реальных целей Первой мировой войны советским правительством были опубликованы в газетах тайные договоры, заключенные царским правительством со своими союзниками, главным из которых было Константинопольское соглашение 1915 г. — секретная сделка государств Антанты, по которой Великобритания и Франция согласились передать России Константинополь (Стамбул) и черноморские проливы.

Современная дипломатия должна вестись открыто и гласно, что закреплено в п. 1 ст. 102 Устава ООН: «Всякий договор и всякое международное соглашение, заключенные любым Членом Организации после вступления в силу настоящего Устава, должны быть, при первой возможности, зарегистрированы в Секретариате и им опубликованы» [8]. В ст. 32 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» установлено: «Регистрация международных договоров Республики Беларусь в Секретариате Организации Объединенных Наций или соответствующих органах других международных организаций осуществляется Министерством иностранных дел» [9]. В итоге, открытость, гласность договоров, не допускающих тайных соглашений, противоречащих международному праву, следует считать принципом права международных договоров.

В отношении третьих государств, не являющихся участниками договоров, действует ст. 34 Венской конвенции 1969 г.: «Договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия». В данном случае действует принцип ограничения действия норм договора кругом его участников.

Международные договоры могут быть объектом правопреемства. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении международных договоров 1978 г. определяет правопреемство государств как «...смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории» [10]. Правопреемство позволяет сохранять действие договоров в отношении определенной территории, если на этой территории возникает новый субъект права в лице вновь возникшего государства. Правопреемство договоров способствует закреплению стабильности договорных отношений в случае изменения субъектов международного права на территории, где уже действовал международный договор. Отношения, возникающие в связи с правопреемством договоров, с полным основанием, следует считать принципом правопреемства международных договоров.

Необходимое условие выполнения обязательств по международным договорам — контроль за их исполнением, что также является принципом отрасли права международных договоров. В международном праве особое внимание уделяется контролю за выполнением договоров по защите прав человека, для чего создаются специальные органы, наделенные соответствующими полномочиями. Так, в соответствии с п. 4 ст. 40 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Комитет по правам человека изучает доклады, представляемые участвующими в Пакте государствами. Он препровождает государствам-участникам свои доклады и такие замечания общего порядка, которые он сочтет целесообразными. Комитет может также препроводить Экономическому и Социальному Совету эти замечания вместе с экземплярами докладов, полученных им от участвующих в Пакте государств. Государство может в любое время заявить, что оно признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения о том, что какое-либо государство-участник утверждает, что другое государство-участник не выполняет своих обязательств по настоящему Пакту [11].

Необходимым условием действительности международных договоров является строгое соблюдение правовых норм при их заключении и не противоречии условий заключаемых договоров императивным нормам международного права. В Венской конвенции о праве международных договоров в ст. 48–52 перечислены ситуации возможных нарушений порядка заключения договоров, вследствие чего они могут быть признаны

недействительными. В случае противоречия договора императивной норме общего международного права (*jus cogens*), договор считается ничтожным (ст. 53). Это дает основание для признания наличия в праве международных договоров принципа недействительности договоров в случае нарушения порядка их заключения или их противоречии императивной норме общего международного права.

Реакция государств на нарушение обязательств по договору отдельными участниками также имеет особое значение. Еще при присоединении к Венской конвенции о праве международных договоров наша страна сделала следующее заявление: «Республика Беларусь заявляет, что она сохраняет за собой право принимать любые меры по охране своих интересов в случае несоблюдения другими государствами положений Венской конвенции о праве международных договоров» [12]. Противодействие нарушению международных договоров возможно путем фиксации нарушений, заявления дипломатического протеста, использование предусмотренных договором процедур: обращения в арбитраж, суды, включая Международный Суд ООН. Крайними мерами противодействия нарушению договоров является приостановление или прекращение участия в договорах, мотивируя такие действия нарушением условий договора другими участниками. Противодействие нарушению договоров является принципом права международных договоров, позволяющим добросовестным участникам международных договоров принимать меры воздействия по отношению к государствам-нарушителям с целью заставить их выполнять условия договора.

Принцип ответственности государств за нарушение договора — это необходимый и логичный принцип права международных договоров, поскольку без ответственности не может существовать международное право в целом. Его юридическим основанием является международное обычное право, а также Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Государство-нарушитель обязано полностью возместить как моральный, так и материальный ущерб, возникший в результате нарушения международного договора.

Заключение. Право международных договоров имеет правовое основание в виде действия основных и специальных принципов. Основными принципами права международных договоров с необходимыми изменениями, отвечающими

особенностям права данной отрасли, являются принципы: суверенного равенства государств в договорах, неприменения силы или угрозы силой в отношениях договорного порядка, мирного разрешения споров при исполнении договоров, сотрудничества государств по выполнению условий договоров, невмешательства во внутренние дела государств-участников договора, добросовестного выполнения обязательств. Можно утверждать, что перечень основных принципов международного права, имеющих непосредственное и прямое отношение к отрасли права международных договоров, является полным.

К специальным принципам, детализирующим и углубляющим характеристику отрасли права международных договоров, на наш взгляд, следует отнести:

- принцип правоспособности участия государств в договорах;
- принцип добровольности заключения договоров;
- принцип полезности договоров для отношений государств;
- принцип независимости договорных отношений участников от наличия дипломатических отношений между ними;
- принцип недопустимости ссылки государства на национальное право как условие недействительности его согласия на обязательность договора;
- принцип допустимости оговорок к договору, не нарушающих целей и предмета договора;
- принцип независимости формы договора от его обязательности для сторон;
- принцип открытости, гласности договоров, не допускающих тайных соглашений, направленных против каких-либо других стран;
- принцип ограничения действия норм договора кругом его участников;
- принцип правопреемства международных договоров:
 - принцип контроля за исполнением международных договоров;
 - принцип недействительности договоров в случае нарушения порядка их заключения или противоречия императивной норме общего международного права;
 - принцип противодействия нарушению договоров;
 - принцип ответственности за нарушение международных договоров.

Перечень названных специальных принципов права международных договоров не может считаться исчерпывающим. Очевидно, возможно выделение еще и других принципов. Перечисленные основные и специальные принципы, на наш взгляд, наиболее полно выражают особенности современного права международных договоров, и их выделение ликвидирует явный пробел, когда ключевая отрасль международного права в учебной литературе оказалась лишенной принципов.

Литература

1. Васильева, Л.А. Международное публичное право: учеб. пособие / Л.А. Васильева, О.А. Бакиновская. — Мн.: ТетраСистем, 2010. — 576 с.
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941379> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Барышев, В.А. Односторонние акты государства как источники международного права / В.А. Барышев // Право. Экономика. Психология. — 2023. — № 1(29). — С. 18–23.
4. Ключевский, В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В.О. Ключевский. — М.: Правда, 1991. — 624 с.
5. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 05.03.2026).
6. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf (дата обращения: 05.03.2026).
7. Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии. — URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/addendum.pdf> (дата обращения: 06.03.2026).
8. Устав Организации Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 06.03.2026).
9. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-3; в ред. от 8 июля 2024 г. № 28-3 // *илекс*: информ. правовая система (дата обращения: 06.03.2026).
10. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров: принята 23 авг. 1978 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml (дата обращения: 06.03.2026).
11. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 06.03.2026).
12. О присоединении Республики Беларусь к Венской конвенции о праве международных договоров: Указ Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 10 апр. 1986 г. № 754-XI. СЗ БССР 1986. № 11. Ст. 140.

Поступила в редакцию 24.03.2026

К вопросу о правовом статусе научного работника в условиях инновационной экономики

Киселева Л.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Важность научного знания для общества и государства, роли науки и научного потенциала страны в развитии инновационной экономики определяют актуальность исследования проблем правового положения научных работников, создания надлежащих условий для осуществления ими результативной научной деятельности.

Целью публикации является анализ правового положения научных работников, а также совершенствование их правового статуса в контексте возрастающей роли научного знания в дальнейшем экономическом и социальном развитии государства.

Материал и методы. *Материалом исследования выступают научные труды белорусских и зарубежных ученых, в которых рассматриваются отдельные вопросы правового статуса научных работников, а также законодательство Республики Беларусь и других стран. Методологическую основу работы составили диалектический, логический, аналитический, системный, исторический, описательный методы научного познания. Для сопоставления подходов и взглядов ученых применялся метод сравнительно-правового анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Статья посвящена исследованию правового статуса научных работников, в особенности всестороннему изучению их прав и обязанностей и выработке ряда предложений, направленных на совершенствование законодательства в сфере научной деятельности в соответствии с потребностями современной реальности. В данной публикации предлагается совершенствовать нормы законодательства, регулирующие правовое положение научных работников с учетом требований инновационной экономики, в части непрерывного повышения их квалификации. Особое внимание уделяется стажировке научных работников как важнейшей формы повышения их квалификации. Обосновывается необходимость в качестве одного из признаков, определяющих квалификацию научных работников, признать количество подготовленных им научных работников высшей квалификации. Анализируются работы российских и белорусских авторов по отдельным вопросам правового положения научных работников.*

Заключение. *В условиях формирования инновационной экономики, предъявляемой дополнительные требования к правовому положению научных работников, объективной необходимостью для них являются непрерывное повышение квалификации и прохождение стажировки. Инновационная направленность научного труда в современных условиях определяет количество подготовленных им научных работников высшей квалификации. Результаты исследования могут быть использованы в процессе правотворческой деятельности, а также представителями научного сообщества при проведении научно-исследовательских работ, связанных с правовым статусом научных работников.*

Ключевые слова: *научные работники, инновационная экономика, правовой статус, непрерывное повышение квалификации, научная стажировка.*

On the Legal Status of Researchers in an Innovative Economy

Kiseleva L.A.

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

The importance of scientific knowledge for society and the state, as well as the role of science and the country's scientific potential in the development of an innovative economy, determine the relevance of studying the legal status of scientists and creating appropriate conditions for them to carry out effective scientific work.

The aim of the study is to analyze the legal status of scientists and improve their legal status in the context of the growing role of scientific knowledge in the further economic and social development of the state.

Material and methods. *The study draws on the scientific works of Belarusian and foreign scholars, which examine specific issues related to the legal status of scientists, as well as the legislation of the Republic of Belarus and other countries. The methodological basis is formed by dialectical, logical, analytical, systemic, historical, and descriptive methods of scientific cognition. A comparative legal analysis was used to compare the approaches and views of the scholars.*

Findings and their discussion. *This article examines the legal status of researchers, specifically their rights and responsibilities, and develops a number of proposals aimed at improving legislation in the field of scientific activity in line with the needs of modern reality. The article proposes improving the legislation governing the legal status of researchers, taking into account the requirements of an innovative economy, with regard to continuous professional development. Particular attention is paid to internships for researchers as a crucial form of professional development. The need to recognize the number of highly qualified researchers they have trained as one of the indicators determining the qualifications of researchers is substantiated. The works of Russian and Belarusian authors on specific issues of the legal status of researchers are analyzed.*

Conclusion. *In the context of the emergence of an innovative economy, which places additional demands on the legal status of researchers, continuous professional development and internships are an objective necessity for them. The innovative focus of scientific work in modern conditions predetermines the number of highly qualified researchers they have trained as one of the indicators of a researcher's qualifications. The research results can be used in lawmaking and by members of the scientific community in conducting research related to the legal status of researchers.*

Key words: *researchers, innovative economy, legal status, continuous professional development, research internships.*

Важность научного знания для общества и государства, роли науки и научного потенциала страны в развитии инновационной экономики предопределяют актуальность исследования проблем правового положения научных работников, создания надлежащих условий для осуществления ими результативной научной деятельности.

Целью исследования является анализ правового положения научных работников, а также совершенствование их правового статуса в контексте возрастающей роли научного знания в дальнейшем экономическом и социальном развитии государства.

Труд научного работника в советское время в недостаточной степени исследовался учеными-юристами. Лишь в 80-е годы прошлого века вопросы правового статуса научных работников начали анализироваться в отдельных работах В.Г. Сойфера [1], Б.Д. Лебина, В.А. Рассудовского, Г.А. Цыпкина [2] и Л.Ф. Петренко [3].

Отдельные вопросы правового статуса научных работников стали объектом научного анализа современных российских ученых, таких как Н.В. Черных [4], Г.С. Скачковой [5], Л.А. Ломакиной [6] и др.

Представителями юридической науки Беларуси (Н.Г. Шишко, К.Л. Томашевский, В.В. Подгруша и др.) анализировались вопросы правового регулирования трудовых отношений с научными работниками, отдельные из них комментировали нормы законодательства о научной деятельности [7]. Вместе с тем белорусскими учеными уделяется недостаточно внимания проблемам правового статуса научных работников, что предопределяет необходимость всестороннего изучения правового положения рассматриваемой категории работников.

Материал и методы. Материалом исследования выступают научные труды белорусских и зарубежных ученых, в которых анализируются отдельные аспекты правового статуса научных работников, а также законодательство Республики Беларусь и других стран. Методологическую основу статьи составили диалектический, логический, аналитический, системный, исторический,

сравнительно-правовой, описательный методы научного познания.

Результаты и их обсуждение. Особый характер труда научных работников, требующий проявления научного творчества и направленный на достижение научных результатов, придает ему специфические особенности, отличает его от других видов труда, что предопределяет необходимость изучения ряда вопросов, связанных с правовым статусом научных работников. Наука в виде фундаментальных и прикладных исследований непосредственно вовлечена в инновационный процесс, являясь основой инновационной деятельности и всей инновационной системы в целом. Укрепляя свой научный потенциал, государство способствует развитию национальной экономики и повышению ее конкурентоспособности. Формирование инновационной экономики предъявляет дополнительные требования к научному работнику, выступает объективной необходимостью дальнейшего изучения правового положения научных работников, их прав и обязанностей.

Научно-технологическая безопасность является одним из видов национальной безопасности в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее — Концепция национальной безопасности). Необходимо подчеркнуть, что определение научно-технологической безопасности как состояния защищенности научно-технологического и образовательного потенциалов от угроз, препятствующих развитию научной деятельности, созданию и внедрению инноваций и передовых технологий в реальный сектор экономики и другие сферы (п. 4), отражает основные постулаты научно-технологического суверенитета и угрозы. При этом к угрозам национальной безопасности Концепция национальной безопасности включила снижение научно-технологического и образовательного потенциала до уровня, не способного обеспечить научно-технологическое и инновационное развитие, а также разрушение (прекращение) научных связей Республики

Беларусь, прежде всего со странами с высоким научно-технологическим потенциалом (п. 29).

Следует отметить, что инновационный характер научного труда имеет практическое значение для реализации четвертого приоритета Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1 (далее — Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы).

Указанное выше подчеркивает актуальность исследования правового регулирования общественных отношений в сфере науки и правового статуса субъектов, осуществляющих научную деятельность. Научный работник является главным субъектом научной деятельности. В соответствии с ч. 1 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности» (далее — Закон о научной деятельности), научный работник — физическое лицо, обладающее необходимой квалификацией и профессионально занимающееся научной деятельностью, то есть научный работник должен отвечать одновременно двум критериям: обладать необходимой квалификацией и профессионально заниматься научной деятельностью. Поэтому научным работником не может быть любое физическое лицо, а только лицо, обладающее необходимой квалификацией. Вместе с тем квалификация научного работника может определяться наличием высшего образования, получением научно-ориентированного образования, наличием ученой степени, ученого звания, академического ученого звания, объемом и уровнем опубликованных научных работ, выполненных исследований и разработок, оценками научного сообщества и специалистов в соответствующей области знаний (ст. 12 Закона о научной деятельности). При этом законодатель дает понятие научного работника высшей квалификации — научный работник, имеющий ученую степень (ч. 2 ст. 12 Закона о научной деятельности). С нашей точки зрения и логики формулирования нормы, ученая степень свидетельствует о профессиональном становлении научного работника, наличие у него научной идентичности, формирование которой осуществляется при содействии научного руководителя в процессе подготовки и защиты кандидатской диссертации. Важно отметить, что научный руководитель осуществляет роль научного наставника порой за рамками (в том числе временными) формального научного руководства. Он призван поддерживать

аспиранта (соискателя), передавать ему научные знания, способствовать адаптации, интеграции его в научное сообщество, науку. Осознание себя в науке, в производстве научного знания, соотношение себя с научным сообществом способствуют формированию у аспиранта научной идентичности, а следовательно, и реализации им своего профессионального потенциала.

Инновационный характер экономики предъявляет дополнительные требования к научному работнику (научному руководителю, наставнику), ориентирует тематику его исследований на получение новых знаний, обеспечивающих решение актуальных проблем реального сектора экономики, что предполагает его постоянное участие в научно-исследовательском процессе, подтверждаемом результатами научной деятельности, наличия у него учеников-последователей, обладающих видением современных проблем и способных эффективно производить научное знание. В этих условиях особую значимость приобретает институт научного наставничества. Как отмечается в Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров от 29 января 2021 г. № 57, институт научного наставничества должен стать важным компонентом деятельности по созданию и развитию научных школ. На совещании по вопросам развития научной сферы и деятельности Национальной академии наук Беларуси, которое провел Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 21 ноября 2025 г. в Национальной академии наук Беларуси, было особо подчеркнуто, что у каждого доктора и кандидата наук должны быть ученики-последователи [8, с. 4].

Научный работник, осуществляющий научное руководство (научное наставничество) по подготовке кандидатов наук, реализацию на практике соответствующих разработок, опубликование научных результатов формирует таким образом свою научную идентичность, которая должна надлежащим образом оцениваться со стороны общества и государства. Наличие у него учеников-последователей, являющихся в условиях инновационного характера науки составной частью научного, человеческого потенциала, основой научной школы, следует рассматривать в качестве одного из признаков квалификации научного работника. В связи с этим целесообразно в целях создания правовых основ формирования институциональной среды, стимулирующей к инновациям, определенной Программой социально-экономического

развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, признать в качестве признака, определяющего квалификацию научного работника, количество подготовленных им научных работников высшей квалификации и внести соответствующие коррективы в абзац 8 ч. 1 ст. 12 Закона о научной деятельности.

Кроме того, необходимо дополнить квалификационные характеристики (в частности, раздел «Квалификационные требования») Квалификационного справочника «Должности служащих, занятых, в научно-исследовательских учреждениях, конструкторских, технологических, проектных и изыскательских организациях», утвержденного постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 28 марта 2002 г. № 49, в отношении ряда научных работников требованием подготовки научных работников высшей квалификации.

Как известно, в содержание правового статуса научного работника включаются следующие элементы: права и свободы, среди которых основным является свобода научных исследований; обязанности; гарантии прав, свобод и обязанностей; ответственность.

Юридическую основу правового статуса лиц, занятых в сфере науки, составляют ряд известных международных правовых актов. На национальном уровне основным актом, регулирующим в определенной степени отношения, связанные со статусом научного работника, является Конституция Республики Беларусь (далее — Конституция). Согласно ст. 51 Конституции государство гарантирует свободу научного творчества и содействует развитию научных и технических исследований на благо общих интересов.

Особое место среди нормативных правовых актов занимает Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее — ТК), общие нормы которого регулируют многие вопросы правового положения научного работника. ТК не выделяет труд научного работника, вместе с тем особенности научной деятельности, творческий характер труда научных работников обуславливают дифференциацию в их правовом статусе, что определено ч. 1 ст. 319 ТК, согласно которой особенности регулирования труда научных работников устанавливаются законодательством.

Основу правового положения научного работника определяют общие нормы трудового права. Так, в ст. 11 и 53 ТК закреплены основные права и обязанности работников, которые распространяются на всех работников, в том числе и на научных. Основания и порядок привлечения научных

работников к дисциплинарной и материальной ответственности также определяются общими нормами, содержащимися в ТК.

Правовой статус научного работника конкретизируется законодательством Беларуси в сфере науки, прежде всего, Законом о научной деятельности и Законом Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-ХІІ «Об основах государственной научно-технической политики». Так, права и обязанности научного работника закреплены в ст. 9 Закона о научной деятельности. В частности, на научного работника законодательно возлагаются следующие обязанности: не нарушать права и законные интересы других субъектов научной деятельности; осуществлять научную деятельность, не нарушая права и свободы человека, не причиняя вреда жизни и здоровью других лиц, а также окружающей среде; объективно проводить экспертизу научных программ, проектов, квалификационных научных работ (диссертаций) и других результатов научной деятельности; выполнять иные обязанности в сфере научной деятельности в соответствии с законодательством.

При условии, если научный работник осуществляет научное руководство (научное консультирование) при подготовке аспирантами, адъюнктами, докторантами, соискателями квалификационной научной работы (диссертации), то на него в соответствии с п. 6 ст. 219 Кодекса Республики Беларусь об образовании возлагаются дополнительные обязанности.

В дополнение к указанным обязанностям согласно предписаниям ст. 11 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 159-З «О Национальной академии наук Беларуси» (далее — Закон о НАН Беларуси) и п. 83 Устава Национальной академии наук Беларуси (далее — Устав НАН Беларуси), утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 3 февраля 2003 г. № 56 «О некоторых вопросах Национальной академии наук Беларуси», работники Академии наук, научных организаций и иных юридических лиц, подчиненных Академии наук, обязаны: обеспечивать высокую эффективность проводимых научных исследований и разработок; постоянно повышать свою квалификацию; соблюдать нормы научной этики. Как следует из правового положения, обязанность постоянно повышать свою квалификацию распространяется только на научных работников НАН Беларуси.

Научный труд в условиях формирования инновационной экономики предполагает проявление

научного творчества, направленного на решение нестандартных задач, профессиональной мобильности научного работника, обусловленной переменной тематики в сфере научного исследования. Современный характер научного труда свидетельствует о том, что постоянное применение и развитие многогранных творческих способностей является правилом, объективной необходимостью для непосредственного эффективного процесса производства нового знания.

Стремительное развитие науки требует постоянного обучения, освоения новейших открытий и новых методов исследования и применения на практике. Приобретение новых знаний в процессе повышения квалификации позволяет улучшить качество научных исследований. В условиях динамичных научных изменений, когда знания быстро устаревают, повышение квалификации для научных работников становится необходимостью и должно быть непрерывным процессом. В связи с этим вполне обоснованно законодатель возложил обязанность для научных работников Академии наук, научных организаций и иных юридических лиц, подчиненных Академии наук, постоянно повышать свою квалификацию, что подтверждается на законодательном уровне (ст. 11 Закона о НАН Беларуси) и п. 83 Устава НАН Беларуси). Такой подход законодателя, на наш взгляд, должен найти отражение и в ст. 9 Закона о научной деятельности, устанавливающей основные обязанности научных работников не только академической, но и вузовской, и отраслевой науки.

Важной составляющей повышения квалификации, ускоренного овладения научными работниками нового знания является стажировка.

В ст. 5 Модельного закона Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2008 г. № 31–14 «О статусе ученого и научного работника» закрепляется как право, так и обязанность научного работника повышать уровень научной квалификации. В данном законе нет понятия стажировки научного работника и не определяется стажировка как форма повышения квалификации. Однако в ст. 10 указывается на то, что научные работники проходят стажировку в соответствующих научных государственных организациях, как на территории государства, так и за его пределами.

Анализ законодательства о науке отдельных государств — членов ЕАЭС показал, что в базовых законах о науке содержатся нормы, непосредственно касающиеся научной стажировки. Так, Закон Кыргызской Республики от 8 августа 2023 г. № 170 «О науке» предусматривает право

научного работника на повышение квалификации путем стажировки в ведущих научно-исследовательских организациях, в том числе за рубежом (ст. 8). В подпункте 22 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 1 июля 2024 г. № 103-VIII «О науке и технологической политике» под научной стажировкой понимается стажировка ученых в ведущих зарубежных и (или) отечественных организациях высшего и (или) послевузовского образования, научных центрах и иных организациях в целях развития профессиональных компетенций по избранному направлению научных исследований.

Порядок прохождения научных стажировок работников НАН Беларуси регламентируется Положением о порядке направления работников НАН Беларуси в командировки и научные стажировки, а также о порядке приема иностранных специалистов на стажировку в организациях НАН Беларуси, утвержденного постановлением Бюро Президиума НАН Беларуси от 1 июня 2012 г. № 213. Согласно п. 4 научная стажировка является видом непрерывного профессионального обучения и проводится в соответствии с ежегодным планом непрерывного профессионального обучения специалистов, утверждаемым организациями НАН Беларуси. Цель научной стажировки — повышение уровня теоретической и практической подготовки научных работников. Результатом стажировки признаются освоение и использование новейших и уникальных методов, оборудования и технологий, совершенствование организации научно-исследовательской и преподавательской деятельности, ознакомление с новейшими достижениями науки и техники, обмен опытом и расширение научных контактов.

При направлении научного работника организации НАН Беларуси на стажировку в организацию Республики Беларусь необходимо руководствоваться перечнем приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований в Республике Беларусь, а также прогнозировать возможное внедрение полученных знаний и навыков в практическую деятельность.

Однако, как следует из результатов исследования, правовое регулирование стажировки научного работника осуществляется только в сфере академической науки, что актуализирует вопрос о правовом закреплении научных стажировок применительно ко всем отраслям науки в рамках Беларуси.

Представляется целесообразным закрепление на законодательном уровне права научных работников всех сфер науки (академической, вузовской

и ведомственной) на стажировку как важнейшую форму постоянного повышения их квалификации в целях реализации положений ст. 51 Конституции, которыми закрепляется конституционное право на научное творчество и инновации. Кроме того, реализация такого предложения подтверждается положениями Концепции национальной безопасности о необходимости совершенствования нормативной правовой базы, направленной на повышение эффективности научной, научно-технической и инновационной деятельности,

Заключение. Таким образом, результаты исследования позволяют сделать выводы о целесообразности дополнить ряд обязанностей научных работников, содержащихся в ч. 4 ст. 9 Закона о научной деятельности, их обязанностью постоянно повышать свою квалификацию, в том числе и посредством научных, творческих стажировок.

При этом стажировка как важнейший и ускоренный способ повышения квалификации должна быть признана законодателем и закреплена в качестве права научного работника в ч. 3 ст. 9 Закона о научной деятельности.

В качестве признака, определяющего квалификацию научных работников, включить в абзац 8 ч. 1 ст. 12 Закона о научной деятельности коли-

чество подготовленных им научных работников высшей квалификации.

Литература

1. Сойфер, В.Г. Труд работников науки (правовые вопросы) / В.Г. Сойфер. — М.: Юрид. лит., 1981. — 117 с.
2. Лебин, Б.Д. Научный работник (права и обязанности) / Б.Д. Лебин, В.А. Рассудовский, Г.А. Цыпкин. — Ленинград: Наука, 1982. — 236 с.
3. Петренко, Л.Ф. Законодательство о труде научных работников / Л.Ф. Петренко. — 2-е изд. — М.: Наука, 1988. — 224 с.
4. Черных, Н.В. Правовой статус научных работников в России и зарубежных странах / Н.В. Черных // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 7(104). — С. 67–76.
5. Скачкова, Г.С. Инновации и труд ученых (научных работников) / Г.С. Скачкова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2021. — № 1(53). — С. 158–166.
6. Ломакина, Л.А. Научный потенциал страны и некоторые проблемы правового регулирования труда научных работников / Л.А. Ломакина // Журнал российского права. — 2020. — № 8. — С. 84–94.
7. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 21 октября 1996 года «О научной деятельности» / под ред. В.К. Ладутько, М.Н. Сатолиной, Д.В. Шаблинской. — Мн.: Бел. навука, 2020. — 235 с.
8. «Время конкретных дел. Потому что это время выбрало нас» // Беларусь сегодня. — 2025. — 22 нояб. — № 226. — С. 2–5.

Поступила в редакцию 03.02.2026

Соматические права как отражение социокультурных и научно-технологических трансформаций современного общества

Василевич Д.Г.

Университет Национальной академии наук Беларуси

Статья посвящена правам, касающимся распоряжения человеком своим телом. Обращается внимание на то, что революционные изменения в области генетики, а также изменения технического характера формируют целый ряд новых условий для возможного усовершенствования организма человека, отражают тенденцию антропологизации юридической науки и практики правоприменения. Категория «соматические права» еще не получила всеобъемлющего содержательного развития. Есть множество проблем в области теории и законодательства по причине наличия в нем пробелов и коллизий. Это предполагает необходимость реагирования на новый уровень общественных отношений с учетом достижений научно-технологического прогресса, национальной и международной практики.

Цель публикации — обосновать формирование новой группы прав, отличающейся своими признаками, принципами регламентации, испытывающими современную динамику социально-культурного развития и абсорбирующим достижения биомедицины, генной инженерии и тем самым масштабирующим правовой статус человека.

Материал и методы. *Материалом исследования являются позиции отечественных и зарубежных ученых относительно роли соматических прав, влияния на их содержание социально-культурных и технологических процессов. В качестве основных методов использовались методы анализа, дедукции и индукции, сравнительный метод.*

Результаты и их обсуждение. *Соматические права составляют новую самостоятельную группу прав, принципиально отличающуюся от других категорий прав. Их истоки находятся в личности человека, его праве на жизнь в современном его переосмыслении и желании. Данные права имеют свой круг общественных отношений, свою сферу проявления. На их развитие оказывают влияние общественная мораль и нравственность, достижения научного прогресса в области генетики, биомедицины. Некоторые из них отличаются многообразием правовой регламентации, на их содержание воздействуют исторические и культурные традиции народа, смена мировоззренческих установок.*

Заключение. *Под соматическими правами и свободами необходимо понимать совокупность прав и свобод по распоряжению человеком в соответствии с Конституцией и международными договорами своим телом, на объем и содержание которых оказывают влияние мировоззренческие установки, а также достижения биомедицины, генетики, трансплантологии и других наук, занимающихся исследованием в области человеческого организма, происходящие социокультурные и научно-технологические трансформации современного общества.*

Ключевые слова: *соматические права, антропологизация науки и права, биомедицина, генная инженерия.*

Somatic Rights as a Reflection of the Social and Cultural and Scientific-Technological Transformations of Modern Society

Vasilevich D.G.

University of the National Academy of Sciences of Belarus

The article is devoted to the rights related to a person's control over their own body. It draws attention to the fact that revolutionary changes in the field of genetics, as well as changes of the technical nature, create a range of new conditions for the possible improvement of the human body, reflecting the trend of anthropologization of legal science and law enforcement practice. The category of "somatic rights" has not yet received comprehensive substantive development. There are many problems in the field of theory and legislation due to the presence of gaps and conflicts. This implies the need to respond to the new level of social relations, taking into account the achievements of scientific and technological progress, as well as national and international practices.

The purpose of the article is to justify the formation of a new group of rights that differ in their characteristics, principles of regulation, and are influenced by the current dynamics of socio-cultural development, absorbing the achievements of biomedicine and genetic engineering, thereby scaling up the legal status of individuals.

Material and methods. *The material of the study is the positions of domestic and foreign scientists regarding the role of somatic rights, the influence of social and cultural and technological processes on their content. The main methods used were analysis, deduction, and induction, as well as the comparative method.*

Findings and their discussion. Somatic rights constitute a new independent group of rights that are fundamentally different from other categories of rights. Their origins lie in the human personality, their right to life in its modern reinterpretation and desire. These rights have their own set of social relations and their own sphere of manifestation. Their development is influenced by public morality and ethics, the achievements of scientific progress in the fields of genetics and biomedicine, and some of them are subject to diverse legal regulations. Their content is influenced by the historical and cultural traditions of the people, as well as changes in worldviews.

Conclusion. Somatic rights and freedoms should be understood as the set of rights and freedoms of a person to dispose of his or her body in accordance with the Constitution and international treaties, the scope and content of which are influenced by worldview attitudes, as well as the achievements of biomedicine, genetics, transplant technology, and other sciences that study the human body, and the ongoing socio-cultural and scientific-technological transformations of modern society.

Key words: somatic rights, anthropologization of science and law, biomedicine, genetic engineering.

Динамичность общественного развития отражает необходимость решения совокупности вопросов, связанных с правом человека распоряжаться собственным телом [1, с. 402]. Законодательное регулирование в этой области в различных странах обладает своей спецификой в зависимости от признания допустимого объема и содержания соматических прав. Не все из этих прав имеют абсолютный характер, на конституционном и международном уровнях допускаются определенные их ограничения или даже запреты.

Биотехническая и генная революция, как отражение новых знаний о человеке, создает новые условия для совершенствования человеческих организмов, отражает тенденцию антропологизации юридической науки и практики правоприменения.

Цель статьи — обосновать формирование новой группы прав, отличающейся своими признаками, принципами регламентации, испытывающими современную динамику социально-культурного развития и абсорбирующими достижения биомедицины, геномной инженерии и тем самым масштабирующими правовой статус человека.

Материал и методы. Материалом исследования являются позиции отечественных и зарубежных ученых относительно роли соматических прав, влияния на их содержание социально-культурных и технологических процессов. В качестве основных методов использовались методы анализа, дедукции и индукции, а также сравнительный метод.

Результаты и их обсуждение. Соматические права составляют новую самостоятельную группу прав, принципиально отличающуюся от других категорий прав. Их истоки находятся в личности человека, его праве на жизнь в современном его переосмыслении и желании. Данные права имеют свой круг общественных отношений, свою сферу проявления. На их развитие оказывают влияние общественная мораль и нравственность, достижения научного прогресса в области гене-

тики, биомедицины, некоторые из них отличаются многообразием правовой регламентации, на их содержание имеют влияние исторические и культурные традиции народа, смена мировоззренческих установок.

В определенной мере соматические права становятся своеобразным критерием антропологического вектора развития права и юридической практики. Учение о соматических правах и свободах (в дальнейшем — о правах, если не указано иное) является важным направлением развития юридической науки, различных отраслей права, которые аккумулируют весь спектр отношений по поводу соматических прав. В значительной степени речь идет об изучении физической стороны мыслящего субъекта [2]. В этой сфере очевидна взаимосвязь естественно-научного и гуманитарного (юридического) знания, в частности, новейших достижений в сфере биотехнологий, биомедицины, геномной инженерии и правовой науки. В современный период во многих странах проводятся широкомасштабные и интенсивные исследования в области геномной инженерии, крионики, трансплантологии, поиска новых методов лечения, создания более совершенных человеческих организмов (причем с заранее запрограммированными свойствами), продления жизни человека и даже полного его возрождения на основе клонирования, использования нейроинтерфейсов и иных «умных» устройств для модернизации тела человека и расширения его способностей, компенсации физических и иных недостатков человеческого организма. Возникают новые проблемы, требующие современного решения.

Усиление антропологического вектора права произошло не только по причине накопления знаний о человеке, нуждающихся в обобщении и систематизации, но и по причине складывающейся ситуации, свидетельствующей о «человеческом кризисе», что побуждает искать пути выхода из него посредством попыток раскрытия тайны тела, души, разума [3, с. 5].

Права человека — неотъемлемый элемент человеческой личности и человеческого бытия, поэтому длительный процесс формирования концепции прав человека тесно связан с историей развития общества.

По мере развития общественных отношений представления о содержании прав, свобод и обязанностей человека и гражданина изменяются. Права, свободы и обязанности взаимосвязаны и существуют системно. Права человека имеют свою историю, они являются отражением представлений различных народов о правах отдельного человека и человеческих обязанностях. Вместе с тем по мере общественного развития происходит актуализация новых прав или их совокупности, появляются новые поколения прав и свобод.

Как отмечает И.Л. Честнов, правовые институты, нормы права «с точки зрения социокультурной антропологии права характеризуется “человеческим измерением” [4, с. 24]. При этом отметим, что для соматических прав присуще, на наш взгляд, наиболее «глубокое человеческое измерение». В силу незавершенности становления теории соматических прав для них характерно многообразие юридических возможностей регламентации. На примере многих стран можно видеть разноплановые подходы к их правовому обеспечению.

Происходит пересмотр аксиологического вектора, формирование новой таксономии ценностей, ставятся вопросы о легитимизации клонирования, возлагаются новые надежды на увеличение продолжительности жизни благодаря успехам трансплантации, генной инженерии, происходит поиск гена бессмертия, развитие крионики как средства, обеспечивающего начало новой жизни после новых открытий в медицине.

Актуальной становится проблема обеспечения биологической неприкосновенности и биоидентичности, ее решение предполагает анализ принципов и норм биологического и медицинского права во взаимосвязи с институтом прав и свобод, учет правовых, моральных и религиозных норм.

На этом фоне легитимизация и «материализация» соматических прав с учетом культуры, традиций, обеспечения общественного консенсуса имеет важное значение для ответа на возникающие вопросы, риски и угрозы.

Новый взгляд на права и свободы обусловлен отказом от патерналистского характера отношения между человеком и властью, восприятием новой роли и функций государства, как субъекта, призванного создать условия для реализации людьми своих интересов. В результате процесса

глобализации происходит взаимное проникновение культур, обогащение сложившихся взглядов и традиций новыми социокультурными элементами. Однако в этом кроются риски в случае прямого заимствования опыта, противоречащего сформированному культурному коду.

Внимание научных кругов остается сконцентрированным вокруг прав, свобод и обязанностей, определения оптимального соотношения этих категорий друг с другом. На современном этапе, особенно в сфере соматических прав, наблюдается ренессанс естественного права. Оценка указанных прав и перспективы наполнения их новым содержанием происходит в результате философского, социологического, теологического и правового анализа.

Отношение к правам человека, гарантиям их реализации является концентрированным выражением сложившегося в обществе мировоззрения. В его основе, как подчеркивается в юридической доктрине, находится совокупность гуманистических ценностей [5, с. 8]. На примере соматических прав, стандарт которых еще не сформирован, наиболее часто встает вопрос об аксиологии и применения принципа таксономии.

Многие из относимых к соматическим правом не являются общепризнанными, государства отличаются дискреционными полномочиями, на международном уровне, например на европейском пространстве допускается в этом вопросе автономность государства в их регулировании, иногда не требуется консенсус. Например, признавалось право государства устанавливать национальные особенности в сфере репродуктивных прав.

В силу возникшей тенденции формирования нового поколения прав возникают вопросы о гармонизации этого поколения в рамках уже сложившегося восприятия совокупности прав и свобод. Конечно, соматические права наиболее тесно соприкасаются с такой группой прав, как личные. И соматические, и личные, традиционно понимаемые права, имеют отношение к человеку как к телесной и духовной субстанции. В центре этих прав находится право на достоинство, жизнь человека, его свободу и неприкосновенность, которые рассматриваются в качестве фундаментальных [6, с. 427].

Составной частью теории соматических прав является формируемая модель права и нравственности. Между этими категориями исключается дихотомия, при этом происходит переоценка целей развития человечества, наблюдается тенденция к их сближению в тех странах, которые привержены к сохранению устоявшихся

(традиционных) общечеловеческих ценностей. В качестве сдерживающегося начала против атомизации общества следует назвать положения ст. 14 Основного Закона Беларуси о регулировании отношений между различными социальными общностями с учетом их равенства перед законом, уважения прав и интересов [7, с. 150–154].

В силу новизны проблематики соматических прав в юридической доктрине еще не сформировано единство взглядов. Новые технологии, как результат биомедицинских, генетических исследований, позволяют улучшать качество и продолжительность жизни человека, исцелять от ранее неизлечимых болезней; поразительных успехов медицина добилась в области трансплантации органов и тканей человека, фетальной хирургии, экстракорпорального оплодотворения. В то же время возникают конфликты биоэтического характера. Представители философских и социологических наук акцентируют внимание на угрозе трансформации человека «в информационное генетическое хранилище» [8, с. 46].

Происходящий в последнее десятилетие сингулярный рост научно-технических достижений выявил явное отставание законодательства в регулировании складывающихся общественных отношений. Их юридикация и необходимость решения ряда биоэтических проблем является взаимосвязанными процессами. Отметим возрастающую роль биоэтики как области знаний, аккумулирующей биомедицинские науки в контексте комплексной социогуманитарной оценки [9, с. 57–66].

Из вышесказанного следует, что достижения таких наук, как медицина, биомедицина, генетика, цифровизация, трансформация мировоззрения оказали существенное влияние на становление соматических прав. Государство обязано, на наш взгляд, обеспечить принцип равенства и доступность тех соматических прав, которые являются жизненно важными. К таким правам следует относить репродуктивные права, трансплантацию органов и тканей человека и др. При этом в поле зрения государства должны находиться дискриминационные риски, вызванные генетическим моделированием. Манипуляции с геномом человека могут привести к делению людей в зависимости от наличия у них тех или иных генов к неравной конкуренции при трудоустройстве, реализации права на образование и др.

Процессы цифровизации привели к появлению индустрии «персональных умных устройств», способных не только оказывать помощь человеку, компенсировать физические особенности,

но и контролировать человеческое тело, влиять на функционирование человеческих органов [10, с. 90]. По мнению специалистов в сфере биоэтики, культурологии, социологии, «симбиоз человеческой плоти и оборудования, программного обеспечения» угрожает человеческой автономии, затрагивает этические принципы, является не безопасным [11, с. 140; 12, с. 253–254; 13, с. 80; 10, с. 91]. Особенно важно соблюдать требования этического и правового характера при контроле за поведением несовершеннолетних, недееспособных и лиц с особенностями развития и инвалидов.

Разрабатываемые нейроинтерфейсы позволяют реагировать на мысли человека для управления «умными устройствами». Свою миссию выполняют экзоскелеты, способствующие восполнению двигательной функции и ресоциализации. Отмечая это как позитивное явление, есть опасность внешнего влияния на когнитивную автономию человека, пользующего умными устройствами для восполнения своих физических недостатков.

В качестве общего для всех государств должен стать запрет на клонирование человека. Подчеркнем, что технологии клонирования живых существ уже отработаны. Как научная сенсация ранее воспринималась информация о клонировании животных. Можно позитивно воспринимать технологию клонирования органов человека для осуществления их трансплантации реципиенту. Однако нельзя допустить создание клонов человека, создания генетически идентичных, хотя и различающихся духовно людей. Ведь следствием таких непродуманных действий явится угроза природе человека, возникнет комплекс неразрешимых этических и правовых проблем. Отдаленные последствия для человечества вообще неизвестны [14].

В связи с этим такого рода соматические «права», как клонирование, употребление наркотиков, нелегальная продажа человеческих органов должны быть наказуемы в уголовном порядке. То есть признание на законодательном уровне легальности некоторых соматических «прав» следует исключить и в дальнейшем.

Некоторое ограничение сфере соматических прав может быть обусловлено культурными, религиозными, национальными традициями. Однако эти ограничения должны базироваться на законе и устанавливаться во имя правомерно достигаемых целей, предусмотренных в статье 23 Основного Закона нашей республики.

В качестве важнейшей характеристики государства как правового является то, насколько реально обеспечиваются права; это является

объективным его критерием [15, с. 79], ведь высшей целью и ценностью общества и государства является человек, наделенный правами и свободами, имеющий гарантии их реализации [16, с. 14–15]. Соматические права в данном случае не исключение. В условиях их становления, определения содержания этих прав, допустимых пределов ограничения и запретов следует учитывать все риски и угрозы для общественного развития и личности человека.

В обладании соматическими правами заинтересован не только отдельный человек, но в развитии многих из них заинтересовано общество и государство, то есть имеется публичный интерес. Например, государство заинтересовано в развитии репродуктивных прав, так как это непосредственно связано с решением проблемы демографической безопасности. Принимаются меры материального и правового характера для стимулирования деторождения: это выплата пособий, правовое регулирование таких вспомогательных репродуктивных технологий, как экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, если отсутствует возможность зачать ребенка естественным путем.

Исторический взгляд на динамику соматических прав показывает, что отношение общества к ним менялось. Так, касаясь репродуктивных прав, можно увидеть «движение» от крайне настороженного и критического по отношению к экстракорпоральному оплодотворению, суррогатному материнству до их широкого признания, тщательной правовой регламентации. Накопленный в данной сфере массив актов нуждается в комплексном анализе соотношения законодательных и подзаконных актов, насколько точно последние воспроизводят положения законов. Ведь, как уже было отмечено, только на основе закона (ст. 23 Конституции) допустимо ограничивать чьи-либо права, а пределы ограничений предопределяются преследуемыми законодателем целями, то есть в сфере внимания в связи с реализацией соматических прав остается вопрос об источниках юридической регламентации [17–21], определение соотношения национального и международного права.

Истоки соматических прав находятся в личности человека, самом главном праве — праве на жизнь в его широкой и современной оценке. Выделение соматических прав в отдельную группу обусловлено также спецификой их проявления и соответствующим кругом общественных отношений, их участниками.

Как и любая группа прав, соматические права могут быть классифицированы по различным критериям (признакам): в зависимости от целевого назначения — репродуктивные, трансплантация органов и тканей человека; какой субъект их реализует — донор, реципиент, взрослый, несовершеннолетний; время реализации — при жизни человека, включая внутриутробное развитие, когда прибегает к фетальной хирургии, или после его смерти; в зависимости от пределов правового воздействия — абсолютные и подлежащие ограничению соматические права; по сфере их защиты — в организации для обеспечения безопасных условий труда, в публичных местах (защита от правонарушителей), в быту и др.

Анализ публикаций по исследуемой нами теме показывает, что часто при классификации соматических прав отсутствует логика и авторы, например, российские, не придерживаются при изложении очевидно необходимой их последовательности. Так, отдельные исследователи классификацию соматических прав начинают с права на смерть. Сюда они включают право на эвтаназию, на самостоятельное решение о прекращении жизни иным способом. Такой подход категорически неприемлем. Во-первых, эвтаназия запрещена в Республике Беларусь, Российской Федерации и иных странах СНГ. Во-вторых, следует ориентироваться на природу человека, его «изначальность», то есть право на жизнь, а не на смерть, и затем указывать иные соматические права, сопровождающие это право, — репродуктивные, право на трансплантацию органов и тканей человека, достойное отношение к человеку после его смерти. «Право на смерть» — это квази-право, нельзя его пропагандировать как производное от права на жизнь. Смерть является антиподом жизни; она неизбежна, хотя юридическая регламентация здесь также необходима, например, касающаяся похоронной культуры, констатации смерти, определения ее причин. Отметим, что в значительном числе государств самоубийство, как неестественный уход из жизни, находится вне пределов правовой регламентации: законодатель прямо не запрещает, и не разрешает его. Однако предусматривается уголовная ответственность за доведение до самоубийства, содействие ему, то есть если присутствует постороннее влияние. Отдельного анализа требует вопрос о праве на эвтаназию, которую рассматривают как право на уход из жизни без боли и страданий. В отдельных странах (например, Швейцарии) она легализована, признана правомерной, в других — запрещена

под угрозой уголовной ответственности. Для нашей республики вопрос о легализации эвтаназии не стоит. Он иногда затрагивается на научных мероприятиях с точки зрения сравнительного анализа национальной и зарубежной практики.

Заключение. Подводя итог, отметим следующее. Данной группе прав присущи следующие признаки: 1) только человек вправе распоряжаться своим телом, а если идет речь о недееспособном, то его законный представитель; 2) устойчивые мировоззренческие установки определяют пределы и содержание соматических прав; 3) соматические права испытывают воздействие законодательных, этических, нравственных, религиозных факторов; 4) достижения биомедицины, генной инженерии, внедрение умных устройств оказывают влияние на содержание соматических прав; 5) трансформация моральных ценностей влияет на отношение к соматическим правам; 6) в Основном Законе фиксируются основания и цели правомерного ограничения соматических прав; 7) нормы международного права, зарубежный опыт, его критическое восприятие влияют на национальное законодательство в сфере реализации соматических прав.

В прежних публикациях автора подчеркивалось: под соматическими правами следует понимать совокупность прав по распоряжению в соответствии с Конституцией и международными договорами человеком своим телом, что на их объем и содержание влияют мировоззренческие установки, а также научно-технический прогресс в области биомедицины, генетики, трансплантологии и других занимающихся исследованиями в области человеческого организма наук. Анализ современных реалий, доктринальных источников убеждает, что происходящие социокультурные и научно-технологические трансформации современного общества — мощный фактор динамики соматических прав и свобод. Без соматических прав в современных условиях оценка правового статуса человека будет неполной. Полагаем, что концепт «соматические права» является реальностью.

Литература

1. Цалиев, А.М. Право на телесную, физическую свободу человека в контексте теории соматических прав / А.М. Цалиев, О.Т. Сланов // *Право и политика*. — 2008. — № 2. — С. 400–403.
2. Убальдо, Н. Иллюстрированный философский словарь / Н. Убальдо; пер. с ит. — М.: БММ АО, 2006. — 584 с.
3. Губин, В.Д. Философская антропология / В.Д. Губин, Е.Н. Некрасова. — М.: СПб., 2000. — 240 с.

4. Честнов, И.Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции / И.Л. Честнов // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. — 2022. — № 1. — С. 21–26.

5. Азаров, А. Права человека. Международные и российские механизмы защиты / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. — М.: Моск. школа прав человека, 2003. — 560 с.

6. Ковлер, А.И. Антропология права: учебник для вузов / А.И. Ковлер. — М.: НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. — 467 с.

7. Шахновская, И.В. Социальные общности в конституционном праве Республики Беларусь / И.В. Шахновская // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономика и юридические науки*. — 2015. — № 13. — С. 150–154.

8. Бэкси, А. Будущее прав человека. Права человека: законодательство и судебная практика : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исследований. Отдел правоведения; РАП; отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Конюхова. — М., 2009. — С. 38–47.

9. Лапаева, В.В. Права в эпоху генетической революции: прогресс геномики человека с позиции правового подхода: монография / В.В. Лапаева. — М.: Проспект, 2023. — С. 57–66.

10. Хохлов, А.Л. Этические аспекты использования медицинских изделий с технологией интернет-тела / А.Л. Хохлов, Д.Ю. Белоусов // *Качественная клиническая практика*. — 2021. — № 2. — С. 89–98.

11. Городищева, А.Н. Интернет вещей и его место в информационном обществе / А.Н. Городищева, Э.В. Замятина // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. — 2015. — № 1. — С. 134–143.

12. Губанова, А.С. Интернет-технологии как продолжение человеческого тела: социально-философский анализ / А.С. Губанова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Философия, Психология, Педагогика*. — 2018. — Т. 18, вып. 3. — С. 252–255.

13. Хохлов, А.Л. Этические аспекты применения программного обеспечения с технологией искусственного интеллекта / А.Л. Хохлов, Д.Ю. Белоусов // *Качественная клиническая практика*. — 2021. — № 1. — С. 70–84.

14. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / А.Х. Абашидзе [и др.]; под ред. Р.М. Валеева. — М.: Статут, 2011. — 830 с.

15. Тихиня, В.Г. Принципы формирования правового государства в Беларуси: теория и практика / В.Г. Тихиня // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя. 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія*. — 1996. — № 3. — С. 75–80.

16. Баглай, М.В. Конституционализм и политическая система в современной России / М.В. Баглай // *Журнал российского права*. — 2003. — № 11. — С. 10–19.

17. Василевич, Г.А. Источники белорусского права / Г.А. Василевич, С.Г. Василевич. — Мн.: БГУ, 2016. — 263 с.

18. Марченко, М.Н. Источники права: учеб. пособие / М.Н. Марченко. — М.: ТК Велби; Проспект, 2005. — 760 с.

19. Овсепян, Ж.И. Источники (формы) российского права в период международной глобализации (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование): монография / Ж.И. Овсепян. — М.: Проспект, 2016. — 464 с.

20. Сільчанка, М.У. Тэорыя крыніц беларускага права: манаграфія / М.У. Сільчанка. — Гродна: ГрГУ, 2012. — 253 с.

Поступила в редакцию 17.03.2026

Гражданство как элемент в структуре правового статуса несовершеннолетнего

Тогужева А.С.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Изучение правового статуса личности в целом и несовершеннолетних лиц в частности привлекает к себе внимание многих ученых-правоведов на протяжении достаточно длительного времени. Тем не менее единый подход к определению понятия правового статуса несовершеннолетнего и, что самое главное, его структурных элементов, до сих пор не выработан в доктрине и не имеет своего закрепления на законодательном уровне. Разработка такого подхода имеет высокое значение не только для научной сферы, но также и для правоприменительной практики, эффективность которой существенно возросла бы в сфере защиты детей.

Целью статьи является анализ такой категории, как гражданство, на предмет необходимости включения ее в структуру правового статуса несовершеннолетнего.

Материал и методы. *Базой для настоящего исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных правоведов в сфере правового статуса личности и его взаимодействия с институтом гражданства, а также законодательство Республики Беларусь, зарубежных государств, регулирующие вопросы гражданства, правового положения иностранных граждан, права и свободы несовершеннолетних. В качестве основных методов выступили формально-юридический, сравнительно-правовой, метод конкретного правового анализа, а также общенаучные методы.*

Результаты и их обсуждение. *Значимость работы заключается в комплексном изучении гражданства как элемента в содержании правового статуса несовершеннолетнего. Автор рассматривает различные подходы отечественных и зарубежных исследователей к пониманию гражданства и его связи с правовым статусом. Проводится сравнительный анализ сложившихся в отдельных государствах подходов к правовому регулированию института гражданства.*

Заключение. *Включение в содержание правового статуса несовершеннолетнего такого элемента, как гражданство, является обоснованным. Рассмотрение гражданства в качестве конституционной основы формирования правового статуса несовершеннолетнего позволяет классифицировать группы детей (несовершеннолетние, имеющие гражданство Республики Беларусь, имеющие гражданство другого государства, не имеющие гражданства) и установить их объем прав и обязанностей, что может иметь положительное влияние на правоприменительную практику и систему защиты прав детей в Республике Беларусь в целом.*

Ключевые слова: *правовой статус, гражданство, несовершеннолетние, ребенок, права и обязанности, иностранные граждане, лица без гражданства, защита детей.*

Citizenship as an Element in the Structure of the Legal Status of Minors

Toguleva A.S.

Education Establishment "Belarusian State Economic University"

The study of the legal status of individuals in general and minors in particular has attracted the attention of many legal scholars for quite a long time. Nevertheless, a unified approach to defining the concept of the legal status of a minor and, most importantly, its structural elements has not yet been developed in the doctrine and has not been consolidated at the legislative level. The development of such an approach is of great importance not only for the scientific field, but also for law enforcement practice, the efficiency of which would significantly increase in the field of child protection.

The purpose of the article is to analyze such category as citizenship aiming at its inclusion in the structure of the legal status of the minor.

Material and methods. *The scientific works of domestic and foreign jurists in the field of the legal status of a person and his interaction with the institute of citizenship, as well as the legislation of the Republic of Belarus and foreign countries that regulate citizenship issues, legal status of foreign citizens and the rights and freedoms of minors were the basis for the study. The main research methods were the formal legal method, comparative legal method, the method of specific legal analysis, as well as general scientific methods.*

Findings and their discussion. *The significance of the work lies in the comprehensive study of citizenship as an element in the content of the legal status of the minor. The author examines various approaches of domestic and foreign researchers to understanding citizenship and its relation to legal status. A comparative analysis of the approaches to the legal regulation of the institution of citizenship that have developed in some states is carried out.*

Conclusion. *The inclusion of such an element as citizenship in the content of the legal status of the minor is justified. Considering citizenship as the constitutional basis for the formation of the legal status of the minor makes it possible to classify groups of children*

(minors with citizenship of the Republic of Belarus, those with citizenship of another state, and those without citizenship) and establish their scope of rights and obligations, which may have a positive impact on law enforcement practice and the system of protection of children's rights in the Republic of Belarus as a whole.

Key words: *legal status, citizenship, minors, children, rights and obligations, foreign citizens, stateless persons, protection of children.*

Изучение правового статуса личности в целом и несовершеннолетних лиц в частности привлекает к себе внимание многих ученых-правоведов на протяжении достаточно длительного времени. В Республике Беларусь правовой статус личности с точки зрения конституционного права становился темой диссертационного исследования Н.В. Кивеля, в рамках гражданско-правовой отрасли большое внимание правовому статусу несовершеннолетнего уделено в работах И.В. Савиной, отдельные аспекты правового статуса детей встречаются в работах М.К. Чуприса, Т.В. Наумович, И.В. Шахновской, Л.А. Козыревской и др. Тем не менее единый подход к определению понятия правового статуса несовершеннолетнего и, что самое главное, его структурных элементов, до сих пор не выработан в доктрине и не имеет своего закрепления на законодательном уровне. Разработка такого подхода крайне важно не только для научной сферы, но также и для правоприменительной практики, эффективность которой существенно возросла бы в сфере защиты детей. Некоторыми учеными в Российской Федерации высказывались мнения о целесообразности разработки отдельной статьи в Конституции, посвященной правовому статусу несовершеннолетнего [1, с. 16], но по настоящее время данные идеи не были воплощены в жизнь. Целью статьи является анализ такой категории, как гражданство, на предмет необходимости включения ее в структуру правового статуса несовершеннолетнего.

Материал и методы. Базой для данного исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных правоведов в сфере правового статуса личности и его взаимодействия с институтом гражданства, а также законодательство Республики Беларусь, зарубежных государств, регулирующие вопросы гражданства, правовое положение иностранных граждан, права и свободы несовершеннолетних. В качестве основных методов выступили формально-юридический, сравнительно-правовой, метод конкретного правового анализа, а также общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение. Изучение структуры правового статуса личности в целом и несовершеннолетних в частности остается

актуальным направлением в юридической науке и вызывает дискуссии у ученых из разных стран. Наиболее часто в структуру правового статуса включают права и обязанности. Но данный подход является узконормативным по своему характеру и может быть полезен при изучении общего правового статуса несовершеннолетнего, не раскрывая его особенностей. Существуют и иные точки зрения, когда к структурным элементам правового статуса относят правосубъектность, законные интересы, гарантии прав, юридическую ответственность, принципы правового положения личности и др. Интересным для анализа представляется мнение о необходимости включения в содержание правового статуса несовершеннолетнего такого элемента, как гражданство.

Общепринятым подходом как на международном уровне, так и в рамках национальных правовых систем является то, что несовершеннолетний должен быть зарегистрирован незамедлительно после рождения и ему предоставляется право на гражданство. Данные положения закреплены, например, в ст. 7 Конвенции о правах ребенка 1989 г., ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах. Закон Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» дает следующее определение: «Гражданство Республики Беларусь — это устойчивая правовая связь человека с Республикой Беларусь, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека» [2]. Тем не менее в доктрине встречаются и иные подходы к пониманию гражданства и его связи с правовым статусом. Например, советский ученый И.Е. Фарбер относил гражданство к особому субъективному праву личности [3, с. 54–55], что кажется нам неверным. Человек приобретает определенный комплекс прав и обязанностей по закону в зависимости от наличия у него гражданства Республики Беларусь или иностранного государства. В таком случае рассматриваемое понятие служит определенной предпосылкой, указывающей на такой комплекс, но не является субъективным правом. По мнению Л.Д. Воеводина, институт гражданства «предшествует

основным правам и свободам человека и гражданина и составляет с ними единую категорию — правовой статус» [4, с. 17]. Ряд ученых (В.Я. Бойцов, О.Е. Эбзеев) отстаивают точку зрения, согласно которой правовой статус следует рассматривать как показатель, но не содержание гражданства. С.В. Черниченко утверждает: «Правовой статус гражданина характеризуется не как проявление определенной правовой связи лица с государством, а как сама эта связь» [5, с. 57]. Однако в таком случае эти два понятия фактически отождествляются, с чем сложно согласиться, поскольку это самостоятельные правовые категории. Сопутствующим элементом правового статуса личности называет гражданство Н.В. Кивель, т.к. оно наделяет «человека дополнительным объемом прав и обязанностей», позволяет «активно принимать участие в управление делами общества и государства» [6, с. 70].

Следует отметить, что понятие «гражданство» часто рассматривается в совокупности с таким понятием, как «подданство». По отношению к несовершеннолетним можно выделить следующее различие в содержании правовой связи, устанавливаемой в рамках этих двух категорий. Помимо формы правления государства принадлежности (республиканской или монархической), при институте подданства, который имеет сословную природу, над детьми устанавливается своеобразная двойная власть — родителей (законных представителей) и монарха.

Одним из первых на постсоветском пространстве комплексным исследованием по вопросам гражданства детей послужил труд О.Е. Кутафина, который посвятил данной сфере правоотношений отдельный раздел в монографии «Российское гражданство» в 2003 г. За включение гражданства в структуру правового статуса в разное время выступали А.М. Абрамович, О.В. Бутыко, В.А. Патюлин, О.В. Садина, Б.В. Щетинин и др. Н.В. Летова, рассматривая гражданство в качестве структурного элемента правового статуса несовершеннолетнего, отмечала, что оно «оказывает существенное влияние на формирование правового статуса ребенка, отражает его специфику и особенности механизма реализации прав и обязанностей» [7, с. 101]. Н.М. Савельева, исследуя гражданско-правовые и семейно-правовые аспекты правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации, приходит к выводу о необходимости включения в структуру правового статуса такого элемента, как гражданство,

при этом указывает, что его характеристика в первую очередь базируется на анализе норм конституционного, административного и международного права [8, с. 24].

Труды О.В. Бутыко по теоретико-правовому анализу правового статуса ребенка содержат мнение о том, что гражданство по всем характеристикам следует относить к обязательному элементу в содержании правового статуса несовершеннолетнего [9, с. 135]. В своих исследованиях автор также исходит из того, что гражданство как характеристику правового статуса несовершеннолетнего необходимо рассматривать в комплексе с особенностями юридической связи между несовершеннолетним и его законными представителями [9, с. 117]. Данный тезис обосновывается тем, что по общему правилу гражданство ребенка устанавливается в зависимости от гражданства его родителей или лиц их заменяющих. В качестве примера можно привести ст. 13 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь», в которой сказано, что «ребенок приобретает гражданство Республики Беларусь по рождению, если на день рождения ребенка хотя бы один из родителей ребенка состоит в гражданстве Республики Беларусь», и ст. 23, которая закрепляет, что гражданство несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет изменяется в случае изменения гражданства его законных представителей при отсутствии у последних желания сохранения белорусского гражданства за ребенком, в возрасте от 14 до 18 лет для такого изменения требуется письменное нотариально удостоверенное согласие несовершеннолетнего [2]. Стоит отметить, что тенденции к упрощению приобретения гражданства таким способом, как филиация, в целом характерны для стран нашего региона, и идут в согласованности с демографической политикой. Усилия по повышению безопасности государства в данной сфере также отражаются в приверженности принципу «учета наибольших интересов ребенка при принятии решений по вопросам гражданства» [10, с. 93].

Несколько иного взгляда придерживается А.Ю. Верин, который указывает, что возможность обладания несовершеннолетним всем набором прав и свобод, принадлежащих человеку, не зависит от наличия или отсутствия у него гражданства. Ввиду этого гражданство не является необходимым элементом правового положения несовершеннолетнего в процессе реализации его правового статуса в рамках общерегулятивных правоотношений. При этом ученый рассматривает

правосубъектность исходной предпосылкой обладания гражданством в правовом статусе несовершеннолетнего [11, с. 48].

Включение в структуру правового статуса несовершеннолетнего такого элемента, как гражданство, позволяет провести классификацию и выделить определенные группы детей в Республике Беларусь:

- дети, имеющие белорусское гражданство;
- дети, имеющие иностранное гражданство;
- дети, не имеющие гражданства (апатриды).

Следует отметить, что в государствах, признающих институт бипатризма, например, в Российской Федерации, Кыргызской Республике, можно выделить еще одну группу — дети, имеющие двойное гражданство. Такая ситуация часто возникает при усыновлении — несовершеннолетнему предоставляется гражданство усыновителя в результате принятия решения об усыновлении судом или иным уполномоченным на то органом (Великобритания, Испания и др.). В таком случае несовершеннолетний наделяется двумя одновременно существующими и взаимосвязанными правовыми статусами — общим (например, свойственным ему как российскому гражданину) и специальным (как обладающему правами и обязанностями иностранного гражданина по отношению к другим детям с российским гражданством). Большая роль в регулировании отношений с участием таких детей отведена коллизионным нормам. В качестве примера можно указать, что в рамках семейно-правовой сферы данные нормы закреплены в разделе 7 Семейного кодекса Российской Федерации, важным при этом является такой юридический факт, как проживание ребенка — в России или в другом государстве.

Тем не менее, как отмечают исследователи, многие страны СНГ отрицают признание института бипатризма (например, Армения, Туркменистан, Казахстан) [10, с. 92]. Аналогичная позиция характерна для ряда государств из других географических регионов (КНР, ОАЭ и др.). Отечественный законодатель допускает подобное признание, только если оно было достигнуто в рамках международных договоренностей [2].

В содержание общего правового статуса несовершеннолетнего входят права и обязанности, наделение которыми является следствием приобретения гражданства. Последнее в свою очередь можно рассматривать как основание для формирования общего правового статуса. Соответственно права и обязанности белорусских детей и детей с иностранным гражданством будут

различны, как и акты, лежащие в основе регулирования их правового статуса — Законы Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» и «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь». В качестве особенности правового статуса несовершеннолетнего иностранного гражданина или лица без гражданства следует выделить возможность регулирования отношений с его участием специальными нормами законодательства. Так, ст. 505 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь закрепляет, что «процессуальная правоспособность и процессуальная дееспособность иностранных граждан, лиц без гражданства определяются их личным законом» [12]. Аналогичные положения закреплены и в российском законодательстве. В том числе в этом и проявляется сложность правоприменительной практики, затрагивающей международное частное право, по отношению к такой категории лиц. Ведь она, как отмечает А.В. Егоров, «предполагает необходимую доктринальную подготовку специалистов в области установления содержания норм иностранного права», а работа по правоприменению иностранного права требует не простого знания норм зарубежного государства, но и «применения методик оценки иностранного права в целом как явления социокультурного и правового характера» [13, с. 68].

Обоснованным представляется мнение, согласно которому гражданство рассматривают в качестве необходимой основы, направленной на формирование общего правового статуса несовершеннолетнего. Такой позиции придерживается, например, Н.В. Летова, отмечая, что «именно с приобретением гражданства ребенок становится носителем равных с другими детьми этого государства правовых возможностей: общей правоспособности, основных прав, свобод и обязанностей, т.е. общего правового статуса» [7, с. 101]. При этом спецификой гражданства можно указать его характеристику как с позиции статической, так и его динамической составляющих. Например, стабильность гражданства заключается в случае, когда несовершеннолетний приобретает белорусское гражданство при рождении и не меняет его в течение всей жизни. Смена же гражданства служит примером «подвижности» данной правовой категории.

Ввиду того, что принадлежность лица к тому или иному государству обуславливает различный статус этих лиц, содержание и объем прав и обязанностей, предоставленных несовершеннолетним

как гражданам Беларуси или как иностранцам, будет различным. Так, например, согласно Кодексу об образовании Республики Беларусь иностранные граждане и лица без гражданства, временно пребывающие или временно проживающие в Республике Беларусь, при получении общего среднего, специального, профессионально-технического и среднего специального образования с одновременным получением общего среднего образования могут быть освобождены от изучения белорусского или русского языка [14]. Для более комфортной адаптации иностранцев в школе допускается проведение индивидуальных занятий, направленных на преодоление трудностей в изучении учебных предметов «Белорусский язык» и «Русский язык», для несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, временно проживающих в Республике Беларусь, а также для несовершеннолетних, которым предоставлен (или которые ходатайствуют о таком предоставлении) статус беженца, дополнительная защита или убежище в Республике Беларусь [15]. Различия в правовом статусе на основании гражданства характерны для каждого государства. Так, например, в Российской Федерации предусмотрены ограничения в праве на земельные участки сельскохозяйственного назначения — иностранцы могут обладать ими только на праве аренды [16].

Следует отметить, что различия в правовом статусе несовершеннолетних можно выявить не только на примере граждан и не граждан Республики Беларусь. Отличными друг от друга могут быть также статусы иностранцев в зависимости от условий, целей и срока их пребывания в государстве. Среди несовершеннолетних иностранцев на территории Республики Беларусь можно отдельно отметить временно пребывающих (на срок до 90 суток в календарном году), временно проживающих (на срок до 1 года), постоянно проживающих, а также лиц, которым предоставлен статус беженца, дополнительной защиты или убежища. Так, 19 ноября 2024 г. в гражданском законодательстве Республики Беларусь вступили в силу изменения, позволившие несовершеннолетним лицам, достигшим возраста 16 лет, заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с письменного согласия одного из своих законных представителей [17]. Согласно Закону Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» осуществлять предпринимательскую

деятельность без образования юридического лица вправе лишь постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы [18]. В данном случае различия в правовом статусе будут зависеть не только от наличия либо отсутствия белорусского гражданства, но также и от оснований пребывания несовершеннолетнего в стране. Подобную ситуацию можно проследить и в законодательстве Республики Казахстан, где иностранцы делятся на постоянно проживающих и временно пребывающих. Последние, в свою очередь, лишены права собственности на жилище (отдельную жилую единицу) [19]. В соответствии со ст. 252 Гражданского кодекса Республики Казахстан, если такое имущество было получено в собственность по основаниям, допускаемым законодательными актами (например, получение несовершеннолетним иностранцем наследства от гражданина Казахстана), на иностранца возлагается обязанность отчуждения имущества в течение 1 года с момента возникновения права собственности. В случае невыполнения данного обязательства происходит принудительное отчуждение такого имущества по решению суда [20].

Заключение. В результате, включение в содержание правового статуса несовершеннолетнего такого элемента, как гражданство, является обоснованным. Оно играет неоспоримую роль в определении особенностей правового статуса несовершеннолетнего, указывает на определенный механизм реализации его прав и обязанностей. Можно согласиться с авторами, рассматривающими гражданство в качестве конституционной основы формирования правового статуса несовершеннолетнего [7, с. 16]. Данный подход позволяет классифицировать группы детей (несовершеннолетние, имеющие гражданство Республики Беларусь, имеющие гражданство другого государства, не имеющие гражданства) и установить их объем прав и обязанностей, что может положительно влиять на правоприменительную практику и систему защиты прав детей в Республике Беларусь в целом.

Литература

1. Борисова, Н.Е. Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации (Проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Борисова Наталья Евгеньевна; МГЮА. — М., 2004. — 379 л.
2. О гражданстве Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 1 авг. 2002 г. № 136-З; в ред. от 5 янв. 2023 г. № 242-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.01.2026).
3. Фарбер, И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве / И.Е. Фарбер. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. — 189 с.

4. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие / Л.Д. Воеводин; под ред. Н.А. Богданова. — М.: Проспект, 2023. — 296 с.
5. Черниченко, С.В. К вопросу о значении гражданства в современном международном праве / С.В. Черниченко // Вестник Московского государственного университета. Серия X, Право. — 1963. — № 3. — С. 57–58.
6. Кивель, Н.В. Структура правового статуса личности: вопросы теории / В.Н. Кивель // Труд. Профсоюзы. Общество = Labour. Trade Unions. Society: ежеквартал. науч.-практ. журн. / Федерация профсоюзов Беларуси, Международный университет «МИТСО». — 2014. — № 1. — С. 68–70.
7. Летова, Н.В. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Летова Наталья Валерьевна; Ин-т государства и права РАН. — М., 2013. — 463 л.
8. Савельева, Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Савельева Наталья Михайловна; Самар. гос. ун-т. — Самара, 2004. — 196 л.
9. Бутько, О.В. Правовой статус ребенка (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бутько Ольга Викторовна; Кубан. гос. аграр. ун-т. — Краснодар, 2004. — 241 л.
10. Ивашкевич, Е.Ф. Институт гражданства в странах СНГ: основные тенденции развития на современном этапе / Е.Ф. Ивашкевич // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. ст. по материалам XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 19–24 сент. 2022 г. — Красноярск: Краснояр. регион. общ. организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2022. — С. 90–98.
11. Верин, А.Ю. Правовой статус несовершеннолетнего и особенности его реализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Верин Андрей Юрьевич; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. — Казань, 2016. — 186 л.
12. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: 11 марта 2024 г. № 359-З: принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г.: одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 30.01.2026).
13. Егоров, А.В. Категория «иностранный гражданин» в современной практике применения норм международного частного права / А.В. Егоров // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — 2022. — № 2. — С. 64–70.
14. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 янв. 2011 г. № 243-З: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.02.2026).
15. Аб установе агульнай сярэдняй адукацыі: пастанова М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь ад 19 верас. 2022 г. № 322: у рэд. ад 15 крас. 2025 г. № 72 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.02.2026).
16. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федер. закон от 24 июля 2002 г., № 101-ФЗ: в ред. от 29 дек. 2025 г. № 579-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 23.02.2026).
17. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.02.2026).
18. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 105-З: в ред. от 2 фев. 2026 г. № 130-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.02.2026).
19. О правовом положении иностранцев: Закон Республики Казахстан от 19.06.1995 № 2337. — URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1003764&searchId=b182a0d5-30bb-43-b5-a357-93c2d2663483&searchText=закон+о+правовом+положении+иностранцев&wp=0&we=1&pos=6;368 (дата обращения: 23.02.2026).
20. Гражданский кодекс Республики Казахстан. — URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1006061&searchId=80534d1e-297c-4231-bece-4fcb9efd606&searchText=гражданский+кодекс&wp=0&we=1&pos=6;368 (дата обращения: 23.02.2026).

Поступила в редакцию 10.03.2026

УДК 658.14:331.101.262:502

Создание финансовой экосистемы человеческого капитала. Часть 2

Золотарева О.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Основу современной экономики знаний составляет человеческий капитал, являющийся главным фактором экономического развития. Однако современная финансовая система, унаследованная от индустриальной эпохи, не способна адекватно финансировать данный нематериальный актив. Это создает системный парадокс и препятствие для экономического роста.

Целью публикации является разработка институциональной модели, преодолевающей парадокс финансирования человеческого капитала, и определение ее места в формирующейся финансовой экосистеме.

Материал и методы. *В основу работы положены методы системного и сравнительного анализа. Проанализированы глобальные тренды инвестиций в нематериальные активы (данные WIPO). Исследованы теоретические аспекты человеческого капитала и существующие альтернативные модели его финансирования, с детальным разбором международного опыта ISA (Соглашения о разделе доходов).*

Результаты и их обсуждение. *На основе анализа существующих альтернативных моделей финансирования человеческого капитала, в частности, Соглашения о разделе доходов (ISA), выявлены их потенциал и ограничения. Автором предложена оригинальная гибридная модель, интегрирующая ISA с механизмом денежной гарантии диплома вуза. Статья определяет место модели в качестве системообразующего базового слоя формирующейся финансовой экосистемы человеческого капитала. Особое внимание уделено практическим аспектам внедрения модели в Республике Беларусь.*

Заключение. *Предложенная модель создает прямые финансовые стимулы для повышения качества высшего образования, предлагает новый механизм софинансирования образования для государства и снижения риска для работодателей. Для внедрения модели в Республике Беларусь необходима пилотная апробация и адаптация нормативной базы. Это открывает перспективы для дальнейших прикладных исследований.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, финансирование образования, Соглашение о разделе доходов (ISA), гарантия диплома, финансовая экосистема, нематериальные активы, венчурный капитал, Республика Беларусь.*

Creating a Human Capital Financial Ecosystem. Part 2

Zolotareva O.A.

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

Human capital forms the foundation of the modern knowledge economy and is a key driver of economic development. However, the current financial system, inherited from the industrial era, is unable to adequately finance this intangible asset. This creates a systemic paradox and an obstacle to economic growth.

The aim of the study is to develop an institutional model that overcomes the paradox of human capital financing and determine its place in the emerging financial ecosystem.

Material and methods. *The study is based on system and comparative analysis. Global trends in intangible asset investment (WIPO data) are analyzed. The theoretical foundations of human capital and existing alternative models for its financing are examined, with a detailed analysis of the international experience of ISAs (Income Sharing Agreements).*

Finding and their discussion. *Based on an analysis of existing alternative models for human capital financing, in particular, Income Sharing Agreements (ISAs), their potential and limitations are identified. The author proposes an original hybrid model integrating ISAs with a mechanism for monetary guarantee of the university degree. The article defines the place of the model as a system-forming base layer for the emerging human capital financial ecosystem. Particular attention is paid to the practical aspects of implementing the model in the Republic of Belarus.*

Conclusion. *The proposed model creates direct financial incentives for improving the quality of higher education, offers a new mechanism for co-financing education for the state, and reduces risks for employers. Implementation of the model in the Republic of Belarus requires pilot testing and adaptation of the regulatory framework. This opens up opportunities for further applied research.*

Key words: *human capital, education financing, Income Sharing Agreement (ISA), diploma guarantee, financial ecosystem, intangible assets, venture capital, Republic of Belarus.*

В первой части данного исследования был проиллюстрирован тезис о том, что основу современной экономики знаний составляет человеческий капитал, являющийся основным фактором экономического развития. Однако современная финансовая система, унаследованная от индустриальной эпохи, не способна адекватно финансировать этот нематериальный актив, что создает системный парадокс и препятствие для экономического роста.

Таким образом, целью второй части нашего исследования является разработка институциональной модели, преодолевающей парадокс финансирования человеческого капитала, и определение ее места в формирующейся финансовой экосистеме.

В основу исследования положены методы системного и сравнительного анализа. Проанализированы глобальные тренды инвестиций в нематериальные активы (данные WIPO). Исследованы теоретические основы человеческого капитала и существующие альтернативные модели его финансирования, с детальным разбором международного опыта ISA (Соглашения о разделе доходов).

Результаты и их обсуждение. *Соглашение о разделе доходов (ISA) — анализ возможностей и институциональных барьеров.* Наиболее показательной как с точки зрения потенциала, так и ограничений альтернативного финансирования является модель Соглашения о разделе доходов (ISA). Ее недостатки и критика рельефно выявляют все препятствия, возникающие при формировании новой финансовой парадигмы.

Самым известным и масштабным экспериментом в применении ISA является опыт Университета Пердью — программа Back a Boiler, которая реализовывалась в 2016–2022 годах. Цель

программы состояла в предоставлении абитуриентам альтернативы дорогим родительским кредитам Parents PLUS¹. Основные результаты программы, доказанные авторитетными исследованиями, оказались положительными. Отмечен рост доступности обучения: для 58–74% студентов программа оказалась дешевле, чем кредиты Parents PLUS. Исследования подтвердили, что принцип «платеж только при доходе выше установленного порога» защитил выпускников на старте карьеры. Участие в ISA существенно повысило показатель завершаемости обучения, особенно среди уязвимых групп — чернокожих (+6 п.п.) и латиноамериканских (+17 п.п.) студентов. Исследования показали также, что критикуемая многими дифференциация платежей по специальностям (например, 2,57% для инженеров и 5,42% для социологов), тем не менее приводит к тому, что общая сумма платежей по разным специальностям сопоставима — более высокий доход выпускников STEM-специальностей компенсировал низкий процент выплат, и наоборот [36].

Пилотный проект Университета Пердью продемонстрировал, что ISA — это работающий инструмент финансирования человеческого капитала, повышающий доступность образования. Вместе с тем эксперимент выявил и системные ограничения ISA — прежде всего высокую операционную сложность практической реализации.

¹ Кредиты Parent PLUS — федеральные образовательные кредиты в США, которые могут выдаваться родителям для оплаты обучения их детей, обучающихся в дневной форме получения образования, покрывая расходы, не покрытые другой помощью. Они не требуют залога, но заемщик должен иметь хорошую кредитную историю. Проценты по кредитам Parent PLUS в настоящее время — 8,94%, комиссия за оформление — 4,228%.

Поскольку успех модели напрямую зависел от точности прогнозирования университетом будущих заработков своих выпускников, это превращало вуз в аналитика рынка труда, вынуждало выступать в роли актуария и заставляло брать на себя те риски, которые традиционно несут государство и банки. Все это, а также необходимость администрирования ISA — отслеживания доходов, своевременности и полноты выплат тысяч выпускников и др. — требовало сложной и дорогостоящей инфраструктуры. Именно поэтому, несмотря на успех программы, она была приостановлена в связи с уходом с рынка сервисного провайдера, аффилированного с университетом — компании Wemo Education.

Еще один серьезный недостаток пилота ISA состоял в том, что он, даже будучи математически сбалансированным, все-таки институционально закреплял неравенство между гуманитарными и STEM-специальностями, а не устранял их².

Тем не менее период конца 2010 — начала 2020-х гг. ознаменовался волной экспериментов с ISA в различных образовательных сегментах США. Так Университет Юты и Коледж Лакаванна (Lackawanna College) предлагали контракты ISA в дополнение к образовательным кредитам для покрытия остатка стоимости обучения после исчерпания студентами федеральных кредитов. Lambda School и Make School использовали контракты ISA для оплаты стоимости интенсивных курсов в сфере IT. Университет Кларксон предлагал контракты ISA ограниченному числу студентов и использовал их скорее как маркетинговый ход, позиционируя себя как университет, 97% выпускников которого сразу находят работу по специальности.

Несмотря на различия в параметрах (выплаты в процентах от дохода от 2,85 до 20%, срок выплаты от 2 до 10 лет), все программы укладывались в модель ISA: защитный порог дохода, от которого начинаются выплаты; ограничение обязательств по сумме и срокам выплаты и дифференциация условий по специальностям и программам.

Модель ISA развивалась и в других странах. Наиболее известные примеры — это международная компания Lumni, пионер модели ISA в Латинской Америке, профинансировавшая более 24 тыс. студентов в Мексике, Колумбии, Перу, Чили и США на основе ISA.

² Университет разделял специальности на 8 групп и дифференцировал платежи по ним.

Государственная система финансирования высшего образования Австралии (HECS-HELP) очень напоминает модель ISA. Она начала действовать с 1989 года, и большинство австралийских студентов пользуется этой схемой. Государство финансирует обучение студента, формируя тем самым его обязательство. Выпускник начинает возвращать деньги после окончания вуза только при достижении определенного порога дохода³. Возмещение осуществляется через налоговую систему. Установлен прогрессивный процент выплат из дохода (от 1 до 10%), то есть увеличивается по мере роста дохода. Каждый год сумма задолженности индексируется с учетом изменения стоимости жизни. В 2023–2024 годах должниками по этой программе являлись 2,93 млн человек на сумму 81,05 млрд австрал. долл.

Государственная система HECS-HELP не является классической моделью ISA. Это государственная программа условно-возвратного финансирования, однако ее успех и долговечность часто используются как аргумент в пользу моделей ISA.

В Германии компания CareerConcept, позже реструктурированная в кооперативный фонд CHANCENEg, управляет ISA в основном в сферах с высокой отдачей (IT, дизайн).

Таким образом, модели, аналогичные ISA, несмотря на свой потенциал, развиваются преимущественно как нишевые инициативы или государственные программы. Частные ISA не стали массовым явлением ни в США, ни в других странах мира. Успешной реализации модели препятствует отсутствие единой системы оценки рисков, а также регуляторная неопределенность ISA относительно того, как трактовать это соглашение — как кредит, инвестиционный контракт или ценную бумагу. Как отмечают исследования, контракты ISA без стандартизированного регулирования могут усилить те самые неравенства, которые призваны решать [37]. Контракты часто критикуют также за недостаточную прозрачность, которая проистекает из того, что оценка будущих доходов выпускников носит вероятностный и скрытый характер. В масштабном исследовании Jobs for the Future прямо указано, что «отсутствие четкого регулирования в отношении андеррайтинга, основанного на результатах, и финансовых инструментов, зависящих от дохода, не только препятствует реализации рынком его полного трансформационного

³ В 2025/2026 уч. году — 56156 австрал. долл.

потенциала, но и подвергает обучающихся риску злоупотреблений» [38]. Неопределенность отпускает ответственных институциональных инвесторов, оставляя пространство для провайдеров, чьи соглашения создают лишь видимость переноса риска со студента, не делая этого на деле.

Основной вывод из исследования моделей ISA состоит в том, что их эффективность и устойчивость критически зависят от внешних условий. Ограничения ISA можно свести к следующим трем пунктам:

1. Без стандартизации контракты ISA сами по себе не решают проблему асимметрии на рынке труда и могут даже усиливать неравенство выпускников разных специальностей.

2. Отсутствует единая система оценки рисков. Прогноз рынка труда и оценка будущих доходов, осуществляемые университетами и аффилированными инвесторами, носят вероятностный и непрозрачный характер и также не в полной мере снижают асимметрию на рынке и риски провайдеров.

3. Долгосрочный успех модели ISA зависит от развития регуляторных рамок и институциональной инфраструктуры. Их отсутствие увеличивает транзакционные издержки университетов и частных инвесторов и препятствует универсализации и масштабированию этой модели.

Модель денежной гарантии диплома вуза и ее интеграция с ISA. В рамках решения комплексной задачи преодоления этих ограничений предлагается модель денежной гарантии диплома вуза. Она снимает ключевые ограничения ISA: решает проблему стандартизации актива посредством верифицированного цифрового профиля; создает систему оценки рисков с помощью индивидуальных планов развития выпускников и независимой экспертизы; закладывает регуляторно-институциональную основу через типовой договор, институт разрешения споров, КРП для вуза. Рассмотрим эти элементы модели подробнее.

Основой гарантии диплома должен стать верифицированный многомерный цифровой профиль (Паспорт компетенций) студента, формируемый вузом в течение всего срока обучения. Он включает академические достижения, данные о проектной и исследовательской деятельности, оценки гибких навыков от преподавателей и другие параметры. Современные технологии (блокчейн, цифровые подписи) смогли бы в перспективе обеспечивать достоверность и сохранность данных. Этот профиль является объективной основой для предоставления гарантии.

В зависимости от источника финансирования обучения можно выделить два типа гарантий: гарантии выпускникам, обучавшимся на платной основе, и гарантии так называемым «бюджетникам» — студентам, обучавшимся за счет средств республиканского бюджета.

Если выпускник обучался на платной основе, гарантия оформляется трехсторонним договором, в котором вуз гарантирует, что выпускник обладает компетенциями, указанными в образовательном стандарте, и обязуется выплатить работодателю оговоренную сумму в случае, если выпускник в гарантированный период проявит профессиональное несоответствие, подтвержденное независимой оценкой. В дополнение к цифровому профилю вуза, потенциальный работодатель и выпускник разрабатывают Индивидуальный план развития выпускника (ИПР) на период, указанный в гарантии, — конкретные задачи, цели развития и ключевые показатели эффективности выпускника. ИПР разрабатывается до подписания трудового договора (контракта) и активации гарантии. Он фиксирует ожидаемые результаты профессиональной деятельности выпускника на конкретном рабочем месте в течение гарантийного срока и определяет траекторию его карьерного роста с конкретными, измеримыми этапами, соответствующими начальным ступеням карьерной лестницы. По сути, ИПР должен стать «дорожной картой» роста для выпускника, снижающей неопределенность первых лет его работы.

Эффективность предлагаемой модели «гарантии дипломов» зависит, прежде всего, от ясного и транспарентного механизма разрешения споров по гарантийному контракту. Запуск процедуры претензии со стороны работодателя начинается с документально оформленной рекламации о профессиональном несоответствии выпускника. Вина вуза устанавливается в том случае, если выпускник объективно не владеет знаниями и навыками, зафиксированными в образовательном стандарте. Например, выпускник инженерной специальности не может выполнить расчет по методике, обязательной в соответствии с учебным планом.

Вина работодателя выявляется в случае, если он не создал условий, оговоренных в ИПР, таких как назначение наставника, предоставление необходимых ресурсов, доступ к обучению, корректность постановки задач, соответствие должности и ИПР.

Вина выпускника устанавливается, если выпускник, обладая всеми необходимыми компетенциями

и имея все необходимые условия для нормальной работы, систематически не выполняет трудовые обязанности и критерии ИПР без уважительных причин.

Для объективного расследования таких случаев должна быть создана постоянно действующая независимая комиссия из представителей реального сектора экономики, профессиональных ассоциаций и академического сообщества.

Пошагово процедура выставления претензии выглядит следующим образом.

Шаг 1 — работодатель направляет в независимую комиссию и вузу-гаранту обоснованную рекламацию.

Шаг 2 — комиссия запрашивает у вуза и работодателя все необходимые для разбирательства документы: гарантийный договор, трудовой договор (контракт), цифровой профиль (Паспорт компетенций), детализированный ИПР и другие документы и информацию.

Шаг 3 — комиссия проводит собеседование со всеми сторонами спора для разъяснения формирования Паспорта компетенций (вуз), оценки качества поставленных задач на производстве и предоставления поддержки (работодатель), выяснения точки зрения выпускника и оценки его понимания профессиональных задач. При необходимости комиссия может осуществить выездную проверку.

Шаг 4 — комиссия анализирует собранные данные и выносит свое решение. Если установлена вина вуза, он выплачивает компенсацию по гарантии. Размер гарантии может коррелировать со степенью выявленного дефицита компетенций. При этом выплата носит целевой и компенсационный характер и должна быть направлена на устранение конкретного выявленного недостатка. Объектом компенсации должны стать затраты на доведение квалификации выпускника до заявленного в паспорте компетенций уровня⁴. Поэтому

⁴ Для исключения правовой коллизии паспорт компетенций выпускника должен быть структурирован на два блока. Первый блок представляет собой набор компетенций в рамках государственного образовательного стандарта соответствующей специальности и образовательной программы вуза. Этот блок должен быть единственным и исчерпывающим предметом финансовой гарантии. Вторым блоком — это индивидуальная карта достижений выпускника, фиксирующая дополнительное образование, проектную и инновационную активность студента. Данные этого блока не являются предметом гарантии, а служат средством повышения конкурентоспособности выпускника на рынке труда и основой разработки ИПР.

вуз не перечисляет денежные средства непосредственно работодателю, а оплачивает услуги по целевой переподготовке выпускника у другого аккредитованного провайдера образовательных услуг. Программу переподготовки, соответствующую выявленному дефициту навыков, выбирает работодатель, а вуз осуществляет прямую оплату счетов за обучение из гарантийного фонда вуза. Такой механизм выплат по гарантии создаст адресность компенсации, сохранит кадровый потенциал предприятия, создаст непосредственные финансовые стимулы для вуза к повышению качества образовательных услуг и объективному оцениванию знаний.

Если установлена вина работодателя, претензия отклоняется, и работодателю предписывается устранить недостатки в организации труда и наставничества.

Если установлена вина выпускника, претензия также отклоняется, гарантийные обязательства вуза прекращаются, а к выпускнику применяются меры, предусмотренные трудовым законодательством.

Для выпускников, обучавшихся на платной основе, гарантия является рыночным инструментом, напрямую связывающим вуз с работодателем. Здесь возможна непосредственная интеграция с ISA.

В условиях специфики финансового рынка Беларуси, где классическая модель ISA отсутствует, предлагается не копирование зарубежных схем, а создание гибридной модели ISA, встроенной в контур гарантии диплома. По соглашению между студентом, вузом и инвестором (которым на пилотной фазе может выступить Банк развития или венчурный фонд с государственным участием) последний предоставляет средства на обучение студента в обмен на обязательство выплачивать процент от дохода после трудоустройства. Новацией является то, что условия ISA не фиксированные на весь срок соглашения. Они могут пересматриваться в сторону улучшения для студента при достижении им определенных показателей, фиксируемых в его Паспорте компетенций. Это могут быть высокие академические достижения, получение дополнительного образования, победы на конкурсах, олимпиадах. После достижения этих показателей студенту может быть предоставлено право подать заявку на снижение процента по ISA или увеличение порога дохода, с которого начинаются выплаты. Изменение условий ISA предлагается сделать возможным и на этапе карьеры, то есть после окончания вуза.

Таблица 2 — Сопоставление ограничений альтернативных моделей финансирования человеческого капитала и инструментов их преодоления в модели «Гарантия дипломов»

Основные ограничения альтернативных моделей финансирования человеческого капитала (на примере ISA)	Инструмент в модели «Гарантия диплома»	Механизм преодоления ограничений
1. Отсутствие стандартизации и прозрачности (верификации актива)	Верифицированный цифровой профиль выпускника (Паспорт компетенций)	Подтверждаемая, накапливаемая в процессе обучения студента информация (академические достижения, исследовательская и проектная работа, дополнительное обучение). Потенциально на блокчейне. Заменяет вероятностные прогнозы вуза/инвестора верифицированными результатами
2. Отсутствие единой системы оценки и хеджирования рисков	Индивидуальный план развития (ИПР) и независимая экспертная комиссия	ИПР формализует карьерные ожидания выпускника и определяет критерии успеха. Комиссия объективно оценивает несоответствия, определяя долю ответственности вуза, работодателя, выпускника
3. Незрелость регуляторной базы и институциональной инфраструктуры	Типовой трехсторонний договор, КРІ для вузов, взаимодействие с государственными органами	Создает институциональные рамки — типовой контракт, систему стимулирования вузов, процедуру взаимодействия с заказчиками кадров

Примечание. Разработка автора.

Основанием для пересмотра могут стать успешное выполнение ИПР в течение гарантийного срока, получение повышения или положительные оценки работодателя. Например, выпускник может получить опцион на досрочное погашение ISA со скидкой.

Для инвестора интеграция ISA с гарантией диплома кардинально меняет расчет рисков. Данные из ИПР и системы мониторинга трудоустройства позволяют инвестору более точно моделировать потоки выплат. Кроме того, механизм независимой экспертизы из модели гарантии может быть использован для разрешения возможных споров между выпускником и инвестором.

В таблице 2 представлены инструменты преодоления недостатков альтернативных инструментов финансирования человеческого капитала посредством модели «Гарантия диплома».

Учитывая отсутствие прецедентов, внедрение предлагаемой модели в Беларуси следует начать с ограниченного пилотного проекта на базе 1–2 университетов по 2–3 специальностям с четкими карьерными траекториями

и высоким спросом (IT, финансы, инженерные специальности). Для запуска пилота необходима разработка нормативного акта, определяющего статус ISA как инвестиционного, а не кредитного договора, и регламентирующего порядок взаимодействия с системой гарантии диплома.

Для выпускников, подлежащих обязательному распределению, «бюджетников», гарантия предоставляется не непосредственно конкретному предприятию, а государству. В основе лежит идея о том, что государство, в лице Министерства образования или отраслевого ведомства, выступает покупателем образовательной услуги у вуза. При этом выпускник распределяется на предприятие. Ключевое отличие состоит в том, что претензию о несоответствии направляет не напрямую предприятие, а государственный орган на основании жалобы от предприятия или по итогам мониторинга.

Предложенная система работает не только на отрицательных стимулах. Она автоматически формирует бонусный механизм за успех. Для этого необходимо разработать КРІ успеха для вуза,

Таблица 3 — Роль и взаимосвязь инструментов финансирования в экосистеме человеческого капитала

Инструмент	Объект финансирования	Основной принцип	Место в предлагаемой экосистеме
ISA+Гарантия диплома	Массовое высшее образование	Прямые инвестиции в человеческий потенциал. Разделение рисков между вузом, студентом и инвестором	Системообразующий базовый слой. Создает стандарты оценки, верифицированный актив, институты доверия, снижая транзакционные издержки для всех последующих инструментов
Венчурное финансирование	Стартапы, коммерциализация идей выпускников/студентов	Инвестиции в бизнес-идею и команду. Высокий риск, но и возможность получения высокого дохода	Вспомогательный канал. Направлен на применение и монетизацию уже накопленного человеческого капитала. Инвестор может использовать данные цифрового профиля выпускника/студента для юридической экспертизы и принятия решения об инвестировании
Краудинвестинг/краудфандинг	Конкретные креативные, технологические и социальные проекты	Монетизация убежденности сообщества в ценности идеи/проекта и репутации автора	Дополнительный канал финансирования. Эффективен для проектов, где основным активом является репутация автора проекта, информацию о которой можно получить из цифрового профиля
Облигации социального воздействия (SIB)	Социальные программы, связанные с развитием человеческого капитала (переобучение, адаптация уязвимых групп)	Государственно-частное партнерство по принципу «оплата за успешный социальный результат»	Специализированный инструмент для решения социальных задач. Вуз может выступать провайдером образовательных услуг и источником верифицированных данных для оценки результатов
Исламское финансирование	Малый бизнес, стартапы	Партнерство, разделение прибыли и убытков между инвестором и предпринимателем	Альтернативная этическая модель. Разделяет риски по схожему с ISA принципу, предлагая религиозную альтернативу традиционному банкингу

Примечание. Разработка автора.

такие, например, как доля выпускников-бюджетников, которые через 3 года продолжают работать по специальности; доля выпускников, получивших повышение или повысивших категорию; доля получивших положительную оценку работодателя и др. Вузы, чьи показатели окажутся выше среднеотраслевых, могут иметь более низкие нормативы гарантийного фонда, а также получать выплаты от вузов-аутсайдеров за переподготовку их выпускников. Кроме того, установленные KPI могут стать основой для Министерства образования для принятия решений о суммах финансирования, выделяемых вузам на развитие материально-технической базы, установлении вузу контрольных цифр приема, открытии специальностей, аккредитации.

Наблюдаемая в настоящее время «инфляция оценок» (завышение баллов) является одной из глубинных причин недоверия рынка труда к диплому, выдаваемому вузом. Предлагаемая модель «гарантии дипломов» ломает эту тенденцию. Если вуз присвоит необоснованно высокий гарантийный рейтинг студенту, он прямо рискует деньгами из гарантийного фонда. Завышение оценок становится финансово невыгодным. Если раньше вуз, завышая оценки, ухудшал лишь свою репутацию, не неся за это прямых финансовых потерь, то с введением гарантии дипломов вуз несет финансовую ответственность за завышение рейтинга. Кроме того, гарантия будет основываться не только на среднем балле диплома, а на многомерном цифровом рейтинге, данные которого сложно

сфальсифицировать: прохождение курсов, владение иностранными языками, участие в студенческих стартапах и пр.

В результате высокий гарантийный рейтинг становится для студента реальным капиталом, финансовой оценкой его человеческого капитала. Для «платника» это может означать лучшие условия ISA, более крупный размер гарантии и более высокую конкурентоспособность на рынке труда. Для бюджетников означает приоритетное распределение на престижные места с лучшими условиями, лучшие перспективы карьерного роста. Студент понимает, что участие в Республиканском конкурсе студенческих научных работ, конкурсе студенческих стартапов и др. является инвестицией в персональный цифровой рейтинг, который в последующем трансформируется в карьерные преимущества и более высокие доходы.

Предоставление вузом гарантии диплома выполняет сигнальную функцию для рынка труда, а ее размер является количественным индикатором уверенности вуза в уровне сформированных у выпускника компетенций. Тем самым система запускает новый репутационный механизм, где объективные оценки успеваемости, инициативности и креативности студента становятся конкурентным преимуществом самого вуза.

Место модели в финансовой экосистеме человеческого капитала. Предложенная гибридная модель (ISA+Гарантия диплома) решает основную проблему финансирования базового человеческого капитала. Но для создания полноценной финансовой экосистемы эта модель должна быть интегрирована с другими альтернативными инструментами финансирования человеческого капитала, каждый из которых занимает свое место в экосистеме в зависимости от объекта финансирования и уровня риска (таблица 3).

Заключение. В результате исследования, проведенного в данной статье, доказано, что преодоление парадокса финансирования человеческого капитала требует не просто набора специальных финансовых инструментов, а создания комплексной институциональной инфраструктуры (экосистемы). В качестве основы такой экосистемы предложена гибридная модель, интегрирующая Соглашение о разделе доходов (ISA) с денежной гарантией диплома вуза.

Основными элементами предлагаемой модели являются: 1) верифицированный цифровой профиль (Паспорт компетенций) выпускника как стандартизированный актив; 2) индивидуальная программа развития выпускника (ИПР) и независимая

экспертиза как механизм оценки и распределения рисков; 3) типовой трехсторонний договор и КРІ для вузов как основа регуляторной базы для предлагаемой модели. Эти элементы позволяют преодолеть выявленные в статье системные недостатки существующих альтернативных моделей финансирования человеческого капитала.

Реализация модели в национальную практику создаст прямые рыночные стимулы для высшей школы Беларуси, поскольку качество подготовки кадров будет непосредственно увязано с финансовой ответственностью вузов. Для государства модель предлагает новый механизм финансирования высшего образования, сочетающий государственное финансирование и частные инвестиции. Для работодателей она обеспечит информационную прозрачность о компетенциях выпускника, снижая издержки и риски поиска и адаптации персонала.

Внедрение предлагаемой модели требует плотной апробации, адаптации существующей нормативной базы. Это открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке финансов, образовательной политики и информационных технологий.

Литература

1. World Intangible Investment Highlights 2025 / World Intellectual Property Organization (WIPO). — 2025. — URL: <https://www.wipo.int/web-publications/world-intangible-investment-highlights-2025/en/world-intangible-investment-highlights-2025.html> (дата обращения: 20.01.2026).
2. Mincer, J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution / J. Mincer // Journal of Political Economy. — 1958. — Vol. 66, № 4. — P. 281–302. — URL: <https://www.unife.it/economia/economia/insegnamenti/economia-del-lavoro/materiale-corso-a-a-2019-20/materiale-di-approfondimento/Mincer-1958.pdf> (date of access: 16.01.2026).
3. Schultz, T.W. Investment in Human Capital / T.W. Schultz // The American Economic Review. — 1961. — Vol. 51, № 1. — P. 1–17. — URL: <https://la.utexas.edu/users/hcl/eaver/330T/350kPEESchultzInvestmentHumanCapital.pdf> (date of access: 16.01.2026).
4. Schultz, T.W. Theodore W. Schultz — Prize Lecture / T.W. Schultz // NobelPrize.org. — Nobel Prize Outreach, 2025. — URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1979/schultz/lecture/> (date of access: 27.12.2025).
5. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / G.S. Becker. — 1964. — URL: <http://digamo.free.fr/becker1993.pdf> (date of access: 16.01.2026).
6. Romer, P.M. Endogenous Technological Change / P.M. Romer // Journal of Political Economy. — 1990. — Vol. 98, № 5. — P. 71–102. — URL: https://web.stanford.edu/~klenow/Romer_1990.pdf (date of access: 18.01.2026).
7. Lucas, R. On the Mechanics of Economic Development / R. Lucas // Journal of Monetary Economics. — 1988. — Vol. 22. — P. 3–42. — URL: <https://extranet.parisschoolofeconomics.eu/docs/>

darcellona-thibault/lucasmechanicseconomicgrowth.pdf (date of access: 18.01.2026).

8. Капелюшников, Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р.И. Капелюшников. — М.: Высш. школа экономики, 2012. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5281> (дата обращения: 30.12.2025).

9. Капелюшников, Р.И. Экономические очерки: методология, институты, человеческий капитал / Р.И. Капелюшников. — М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2016. — 574 с.

10. Нуреев, Р.М. Человеческий капитал и проблемы его развития в современной России / Р.М. Нуреев. — URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/333.pdf> (дата обращения: 28.12.2025).

11. Критский, М.М. Человеческий капитал / М.М. Критский. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. — 120 с.

12. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. — СПб.: Наука, 1999. — 309 с.

13. Дятлов, С.А. Человеческий капитал в системе социальных сетей цифровой экономики / С.А. Дятлов, А.В. Маликов // Известия СПбГЭУ. — 2021. — № 6(132). — С. 129–135. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-v-sisteme-sotsialnyh-setey-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 28.12.2025).

14. Сценарии роста российской экономики с учетом вклада человеческого капитала: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Н.В. Акиндинова, Е.Г. Ясин, Д.А. Авдеева [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2019. — 52 с.

15. Человеческий капитал руководителей корпораций: особенности, структура, измерение: монография / А.Т. Ахмедиева, П.П. Дерюгин, С.И. Росенко [и др.]. — СПб.: Медиана, 2023. — 218 с.

16. Тихонова, Н.Е. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы: монография / Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова [и др.]; отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2023. — 488 с.

17. Юнусова, Г.Р. Человеческий капитал в развитии экономики региона: высококачественное высшее образование как инвестиции в человеческий капитал / Г.Р. Юнусова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2021. — № 88. — С. 190–203.

18. Корчагин, Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?: монография / Ю.А. Корчагин. — Воронеж: ЦИРЭ, 2005. — 252 с.

19. Курганский, С.А. Структура человеческого капитала и его оценка на макроуровне / С.А. Курганский // Известия БГУ. — 2011. — № 6. — С. 15–22. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-chelovecheskogo-kapitala-i-ego-otsenka-na-makrourovne> (дата обращения: 26.01.2026).

20. Еремина, И.Ю. Эффективность инвестирования в человеческий капитал с учетом влияния современных экономических условий на рынке труда / И.Ю. Еремина, М.Н. Филатова, Л.И. Бабаева // Мир труда в XXI веке: состояние и динамика человеческого капитала: сб. ст. участников IX междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 сент. 2023 г. / Акад. труда и соц. отношений [и др.]; под науч. ред. С.А. Шапиро. — М.: АТиСО, 2023. — С. 113–119.

21. Аббасов, А.Я. Особенности формирования и использования человеческого капитала в России / А.Я. Аббасов // Вест-

ник Евразийской науки. — 2023. — Т. 15, № 1. — URL: <https://esj.today/PDF/52FAVN123.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).

22. Евхута, Н.А. Организационно-экономические инструменты интенсификации человеческого капитала РФ / Н.А. Евхута, О.С. Жарикова, Н.Ю. Зильбербранд [и др.] // Московский экономический журнал. — 2023. — № 4. — С. 631–638. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-instrumenty-intensifikatsii-chelovecheskogo-kapitala-rf> (дата обращения: 28.12.2025).

23. Селезнев, П.С. От повышения статуса носителя человеческого капитала к улучшению исследовательского климата в стране / П.С. Селезнев, А.А. Хоконов // Социально-политическая наука. — 2022. — № 6. — С. 37–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-povysheniya-statusa-nositelya-chelovecheskogo-kapitala-k-uluchsheniyu-issledovatel'skogo-klimata-v-strane> (дата обращения: 28.12.2025).

24. Богатырёва, В.В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала: теория, методология, моделирование: автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10 / Богатырёва Валентина Васильевна. — Мн., 2014. — 50 с. — URL: <https://vak.gov.by/node/2222> (дата обращения: 26.01.2026).

25. Богдан, Н.И. Инновации и человеческий капитал Республики Беларусь / Н.И. Богдан // Социальные новации и социальные науки. — 2021. — № 1. — С. 35–45. — URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/> — DOI: 10.31249/snsn/2021.01.04.

26. Друк, В.Ю. Человеческий капитал как важнейший фактор активизации научно-инновационной деятельности вуза / В.Ю. Друк, О.А. Золотарева, О.А. Румак // Молодой ученый. — 2013. — № 5(52). — С. 292–296. — URL: <https://moluch.ru/archive/52/6839> (дата обращения: 30.12.2025).

27. Кристиневич, С.А. Институциональное развитие человеческого капитала в Республике Беларусь / С.А. Кристиневич // Журнал экономической теории. — 2011. — № 4. — С. 206–209. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-razvitiye-chelovecheskogo-kapitala-v-respublike-belarus> (дата обращения: 26.01.2026).

28. Ванкевич, Е.В. Оценка эффективности инвестиций в человеческий капитал Беларуси / Е.В. Ванкевич, В.Л. Шарстнев, И.А. Войтеховская // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — 2009. — № 4. — С. 43–50.

29. Головчанская, Е.Э. Развитие интеллектуальных ресурсов Республики Беларусь: теория, методология, практика: монография / Е.Э. Головчанская. — Минск: БГУ, 2018. — 227 с.

30. Ковалев, М.М. Человеческий капитал — фундамент экономики знаний / М.М. Ковалев, Е.Г. Господарик // Проблемы управления. — 2011. — № 3 (Серия А). — С. 46–56.

31. Корнеевец, И.В. Человеческий капитал: теория, методология, приоритеты развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Корнеевец Ирина Васильевна. — Мн.: 2009. — 55 с.

32. Брасс, А.А. Человеческий капитал организации / А.А. Брасс // Кадровик. Управление персоналом. — 2014. — № 11. — С. 58–64.

33. Гануш, Г.И. Эволюция теории и практики управления человеческим капиталом в аграрной сфере / Г.И. Гануш, Т.А. Тетеринец // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия аграрных наук. — 2022. — Т. 60, № 1. — С. 35–45. — URL: <https://doi.org/10.29235/1817-7204-2022-60-1-35-45> (дата обращения: 30.12.2025).

34. Енин, Ю.И. Человеческий капитал и его значение для экономического развития страны / Ю.И. Енин,

А.Г. Боброва // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы: сб. науч. тр.: к 90-летию Белорусского государственного экономического университета / Белорус. гос. экон. ун-т, Иркут. нац. исслед. техн. ун-т, Центр по изучению производ. сил и природ. ресурсов Грузии имени И. Жордания Груз. техн. ун-та; под общ. ред. В.С. Голика. — Мн.: А.Н. Варакин, 2023. — С. 44–48.

35. Солодовников, С.Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста / С.Ю. Солодовников // Экономика и банки. — 2015. — № 1. — С. 32–41. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta> (дата обращения: 30.12.2025).

36. Mumford, K.J. Distribution of Returns to a College Income Share Agreement: Evidence from Administrative Data / K.J. Mumford. — June 2025. — URL: [\[a-College-Income-Share-Agreement-2025.pdf\]\(#\) \(date of access: 29.12.2025\).](https://kevinjmumford.com/wp-content/uploads/2025/06/Distribution-of>Returns-to-</p></div><div data-bbox=)

37. Jing, Y. The Comparative Analysis of Income Share Agreements and Traditional Loans in Education Financing / Y. Jing // Advances in Economics, Management and Political Sciences. — 2025. — Vol. 196. — P. 190–196. — URL: <https://doi.org/10.54254/2754-1169/2025.BJ24927> (date of access: 29.12.2025).

38. How Can Innovative Finance Expand Training Opportunities and Transform the Postsecondary Education System? / Jobs for the Future. — 2023. — URL: https://www.jff.org/wp-content/uploads/2023/12/FTF_InnovativeFinance_LandscapeAnalysis_ExecutiveSummary_120623.pdf (date of access: 29.12.2025).

Поступила в редакцию 28.01.2026

Проблемы ликвидности в фокусе современной экономической науки. Часть 2

Шабека В.Л.

Белорусский национальный технический университет,
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Приведен обзор исследований по проблеме ликвидности активов и результаты логического анализа современных представлений о ликвидности как об экономической категории. Исследуется трансформация смысла категории для активов различных уровней системной экономики. В первой части статьи дан обзор за последние двадцать лет профильных тем академических исследований отечественной научной школы и по странам со схожими практиками научных исследований и историческим опытом; представляется предварительное заключение по результатам исследования. Во второй части статьи продолжают рассматриваться более ранние из выявленных исследований (до 2001 года), что определяется темой статьи, целью работы, а также доступными техническими возможностями использовавшейся поисковой системы; приводится обобщающее заключение по результатам исследования.

Цель работы — выявить наименее изученные объекты-носители свойства ликвидности и актуальные направления научного исследования.

***Материал и методы.** Материалом стали результаты профильных академических исследований. Техническим средством сбора, систематизации являлась поисковая система Национальной библиотеки Беларуси. Применены методы: сравнение, логический анализ и синтез, обобщение, аналогия, перенос результатов эксперимента.*

***Результаты и их обсуждение.** С середины XIX века понятие ликвидности появляется в экономике, но его смысл продолжает развиваться по настоящее время. Сейчас ликвидность — одна из ключевых экономических категорий. Выявлены завершённые за последние десятилетия одиннадцать профильных исследований на постсоветском пространстве. В первой части статьи рассмотрены теоретические и практические аспекты ликвидности для активов разного масштаба. Проведен анализ отличий смыслового наполнения понятия «ликвидность» от их масштаба. Во второй части статьи, с учетом материалов первой части, установлены наиболее универсальные дефиниции понятия. Обоснованы причины смысловой трансформации понятия от масштаба активов в системной экономике. Обосновываются перспективные направления для научных исследований.*

***Заключение (итоговое).** Дана сравнительная характеристика глубины проработки проблематики в отечественной научной школе и странах со схожими научными практиками и историческим опытом. Получены сопоставительные сведения об уровне проработанности проблемы в родственных научных школах.*

Выявлена несоотносимая с теоретической значимостью и потенциалом как управленческого критерия методическая неразработанность вопросов ликвидности активов. Определены методические основания для трансформации понятия ликвидности от масштаба актива. Методическая проработанность характеристики ликвидности активов микро- и макроэкономики определена как наиболее низкая, требующая развития.

***Ключевые слова:** ликвидность, экономическая категория, триггер, управление активами.*

Liquidity Issues in the Focus of Modern Economic Science. Part 2

Shabeka V.L.

Belarusian National Technical University,
Education Establishment "Belarusian State Economic University"

This article presents a review of research on asset liquidity and the results of a logical analysis of modern concepts of liquidity as an economic category. The transformation of the category meaning for assets at various levels of the systemic economy is explored. The first part of the article presents an overview of the past twenty years of academic research on this topic within the Russian scientific school and across countries with similar historical experience and research practices; a preliminary conclusion is presented. The second part of the article continues to examine the earlier of the identified studies (before 2001), which is determined by the topic of the article, the purpose of the work, as well as the available technical capabilities of the used search engine; a general conclusion on the results of the study is presented.

The purpose of the study is to identify the least studied objects that bear the property of liquidity and promising areas for scientific research.

***Material and methods.** The material is the results of relevant academic research. The search engine of the National Library of Belarus served as the technical means for collection and systematization. The following methods were used: comparison, logical analysis and synthesis, generalization, analogy, and the transfer of experimental results.*

Findings and their discussion. The concept of liquidity has been present in economics since the mid-19th century, but its meaning continues to evolve to this day. Liquidity is now a key economic category. Eleven relevant studies completed in recent decades in the post-Soviet space are identified. The first part of the article, using studies conducted before 2005 as an example, examines the theoretical and practical aspects of liquidity for assets of varying scale. An analysis is provided of the differences in the semantic meaning of the concept of “liquidity” and their scale. The second part of the article, drawing on the materials of the first part, identifies the most universal definitions of the concept. The reasons for the semantic transformation of the concept based on the scale of assets in a systemic economy are substantiated. Promising directions for scientific research are substantiated.

Conclusion. A comparative analysis is provided for the depth of research on this issue in Belarusian scientific school and for countries with similar historical experience and scientific practices. Comparative data is obtained on the level of elaboration of this issue in related academic schools.

The methodological underdevelopment of asset liquidity issues is revealed, which is inconsistent with their theoretical significance and potential as a management criterion. Methodological foundations for transforming the concept of liquidity based on asset scale are defined. The methodological elaboration of asset liquidity characteristics in nano- and microeconomics is identified as the least developed and requires further development.

Key words: liquidity, economic category, trigger, asset management.

Первая часть статьи опубликована в № 1(41) от 17.03.2026.

В 2003 году в Российской Федерации были окончены 2 профильных исследования.

7. Так, например, исследование **«Ликвидность как основной фактор финансовой стабильности коммерческого банка»** проведено в Кубанском государственном университете Коноваловой Юлией Владимировной¹.

Проблема ликвидности в рамках ее исследования рассматривается на фоне поразившей российскую банковскую систему в 1995 и 1998 годах череды банкротств, среди причин которых называется «недостаточное внимание к мониторингу и управлению ликвидностью». Акцентируется внимание на меньшей, относительно столичных, диверсификации структуры пассивов и активов региональных банков и их незначительном размере капитала, т.е. повышенном риске ликвидности; ограниченности «западных методов поддержания стабильности» применительно к российским условиям (опять же пронациональную, восточно-европейскую специфику). Этим обосновывается необходимость «формирования концепции управления коммерческими банками».

Применительно к объекту исследования ликвидность рассматривается как первичный экономический фактор стабильности, «формируемый ростом долгосрочных вложений, увеличением доли просроченной задолженности, оттоком средств со счетов и т.д.». Здесь же отмечается, что в условиях бурного развития финансовой

системы изменяется экономическая сущность самого понятия ликвидности, задач и приемов управления банковской ликвидностью под воздействием факторов внешнего и внутреннего порядка. Говоря о моменте исследования, автор учитывает современное ему состояние российского финансового рынка с невысоким уровнем ликвидности, а ликвидность банка тогда как способность своевременно и в полном объеме отвечать по своим обязательствам, т.е. указывается на влияние состояния более высокого масштаба объектов на ликвидность объектов меньшего масштаба. Факторы внутреннего порядка — «крепкая капитальная база, качество депозитной базы, зависимость от внешних источников, сопряженность активов и пассивов по срокам и суммам, уровень управления банком, имидж банка, фактор времени, качество активов».

Таким образом, по Ю.В. Коноваловой, состояние объекта-носителя свойства ликвидности более высокого масштаба (банковская система) влияет на ликвидность объектов меньшего масштаба (банк) как элементов системы.

8. Исследование **«Ликвидность и проблемы ее обеспечения в рыночной экономике»** было реализовано также в 2003 году в Московской гуманитарно-социальной академии Борисовой Ириной Анатольевной².

Проблема ликвидности здесь рассматривается глубинно в контексте теоретических проблем как экономической категории в условиях современной рыночной экономики на всех ее уровнях от обычных жизненно-бытовых ситуаций

¹ Коновалова Ю.В. Ликвидность как основной фактор финансовой стабильности коммерческого банка: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Коновалова Юлия Владимировна; Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2003. 23 с.

² Борисова И.А. Ликвидность и проблемы ее обеспечения в рыночной экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Борисова Ирина Анатольевна; Моск. гум.-соц. акад. М., 2003. 20 с.

(«озабоченности члена домашнего хозяйства сохранением своей собственности в той или иной форме») до ее понимания в различных школах экономической науки (меркантилисты Ж. Воден, Д. Лонк; классики Д. Юм, А. Смит, Дж. Милль; неоклассики А. Маршал, И. Фишер, А. Пигу, Дж. Кейнс; монетаристы М. Фридмен).

Автор отмечает двойственность ситуации по рассмотрению проблемы ликвидности и ее обеспечения в рыночной экономике в моменте исследования. Указывается, что уже «сформулировано немало теоретических положений и отработано не меньшее количество практических способов и методов обеспечения на микро- и макроуровнях», но, «с другой стороны, экономическая наука находится в самом начале пути рассмотрения проблемы ликвидности»... Характеризуя ситуацию по состоянию на 2003 год, И.А. Борисова отмечает наибольшую неразработанность «теоретической проблемы финансово-экономической сущности ликвидности и ее обеспечения в условиях современной рыночной экономики на всех ее уровнях», что предопределило как цель ее исследования «разработку теоретических положений и практической модели на основе анализа современной рыночной экономики и обобщения деятельности различных субъектов хозяйствования».

Для разрешения обозначаемых проблем автором развивается представление о ликвидности как о классической экономической категории через предлагаемые классификации и, в первую очередь, на основе группы таких критериев, как 1) по объектам; 2) по времени расчета; 3) по степени полноты выполнения обязательств; 4) по форме платежных средств. В свою очередь объекты предлагается распределить на микро- (от товаров и финансовых активов, ..., до домохозяйств, предприятий, организаций и банков) до макроуровня (от финансового рынка, банковской системы региона, ..., до экономика страны, государства). «Приземляются» эти теоретические разработки по классификации в разрезе понимания «банковской ликвидности» преимущественно на основе предложенного критерия временного интервала расчета: статистическая/стационарная ликвидность («запас»), динамическая/текущая ликвидность («поток») и перспективная ликвидность («прогноз»).

Таким образом, по И.А. Борисовой, суть ликвидности как экономической категории рассматривается в зависимости от масштаба объекта в системной экономике, этапа жизненного цикла актива, по степени полноты выполнения обяза-

тельств объектом и по форме реализуемых платежных средств.

9. Единственным из выявленных исследований по проблематике ликвидности, посвященным рынку как носителю свойства ликвидности и характеристике его состояния, является работа Ермакова Александра Ильича, выполненная в 2002 году в Российской академии имени Г.В. Плеханова по теме «*Ликвидность российского рынка государственных ценных бумаг*»³. Пусть как объект-носитель свойства ликвидности рынок государственных ценных бумаг весьма специфичен (высокоразвитый и высокоорганизованный) и распространение этого опыта, например, на товарные рынки, имеет объективные ограничения. Однако это единственное исследование, затронувшее активы микро- и наноэкономики.

Здесь ликвидность рынка государственных ценных бумаг состоит в предоставляемой возможности участникам рынка «быстро заключать сделки с большими объемами государственных ценных бумаг различных выпусков без значительного воздействия на сложившиеся рыночные цены, при этом оценка влияния заключенных сделок берется применительно не к цене облигации одного выпуска, а к сложившимся рыночным ценам различных выпусков государственных ценных бумаг». Иными словами, ликвидный рынок позволяет обеспечить любой спрос и предложение и при этом сделки, заключенные по конкретным позициям, не должны оказать существенного влияния на иные «товарные» позиции. Соглашаясь с автором, или уточним, что, на наш взгляд, для рассматриваемого объекта выражением сути его ликвидности, во-первых, является его «емкость», т.е. «степень развития» (количество устойчиво предоставляемых котировок спроса и предложения «товарных позиций» этого рынка и их разнообразие: очень развитый, развитый, умеренно развитый, ограниченно развитый); во-вторых, «степень активности» (частота/количество совершаемых сделок за базовый период): очень активный, активный, умеренно, активный) и, в-третьих, «степень уравновешенности» (соотношение спроса и предложения): дефицитный, уравновешенный/равновесный, профицитный, в смыслах сложившейся отечественной практики независимой оценки стоимости и в формулировках этих признаков состояний и аспектов функ-

³ Ермаков А.И. Ликвидность российского рынка государственных ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Ермаков Александр Ильич; Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова. М., 2002. 20 с.

ционирования рынков (см. терминологию СТБ, ТКП 52-й группы «Оценка стоимости объектов гражданских прав»⁴).

Автор отмечает, что нужно различать понятия «ликвидность актива» (ценной бумаги), «ликвидность организации» (предприятия, банка) и «ликвидность рынка» (здесь рынка ценных бумаг). Исследователь поддерживает и продвигает идею трансформации сути категории «ликвидность» от масштаба объекта ее носителя. Характеризуя же ликвидность ценной бумаги, необходимо учитывать возможность ее продажи/покупки как таковой и денежные издержки, связанные с совершением сделки. В развитие утверждения автора, на наш взгляд, еще необходимо различать ликвидность объектов в составе «комплекса» (например, оборудование в составе производственной линии, тягач и полуприцеп к нему в составе транспортной сцепки) при совершении сделок с «массивом» активов по схеме «россыпью» («розница») и «поток» («опт»), что соотносится с положениями теории оценки стоимости.

Говоря же о ликвидности сегмента рынка (отдельного выпуска ценных бумаг), указывается на его: 1) глубину (depth) — количество ценных бумаг данного выпуска, с которым могут быть заключены сделки по текущей цене, а значит, объем спроса и предложения по ним; 2) плотность (tightness) — на сколько цены спроса и предложения ценных бумаг данного выпуска отклоняются от средней рыночной цены, и, соответственно, издержки участника при заключении сделки; 3) устойчивость (resilency) — индикатор скорости восстановления нормальных рыночных условий (таких как, цены, объемы сделок и среды) после совершения сделки, которая вызвала изменение рыночной цены в процессе торгов. Состояния составляющих детализируются автором от одного до шести уровней (А.И. Ермаков, 2001 [1]).

Таким образом, по А.И. Ермакову, суть ликвидности рассмотрена как на уровне конкретных «единиц» активов, так и на уровне рынка. В первом случае ее содержание отражает

возможность быстро заключать сделки с большими объемами «товаров» без значительного воздействия на сложившиеся рыночные цены (на примере ценных бумаг), а во втором — масштаб, спрос и предложение на эти «единицы» активов как товары, обеспечивающие его функционирование. Характеризуется тремя составляющими: глубиной, плотностью, устойчивостью.

В 2001 году в Москве были окончены 2 профильных исследования.

10. Первая работа была выполнена Левиной Юлией Борисовной в Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова на тему **«Ликвидность как основа финансовой устойчивости коммерческого банка»**⁵.

Ликвидность рассматривается как «экономический фактор, определяющий способность банка выполнять свои функции и оказывающий дополнительное влияние на его финансовую устойчивость через тесную взаимосвязь с эффективностью операций» и как «критерий для оптимизации процесса стратегического и тактического управления банковскими операциями», иначе говоря, как критерий управления, и характеристики эффективности деятельности банка (Ю.Б. Левина, 2001 [2]).

Таким образом, по Ю.Б. Левиной, ликвидность есть составляющая — критерий для управления и характеристика эффективности функционирования коммерческого банка.

11. Вторая работа **«Ликвидность коммерческих банков в системе денежно-кредитного регулирования экономики»** выполнена Гусевой Анной Евгеньевной на базе Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации⁶.

В рамках работы установлены уровни соподчиненности и взаимосвязей понятий «ликвидность», «кредитоспособность», «платежеспособность», «надежность», «устойчивость», «экономическая состоятельность» банка как критериев характеристики эффективности функционирования банка. Также разделяются как самостоятельные понятия «ликвидность объекта» (качественная характеристика любого товара, финансового актива)

⁴ 1. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Общие положения: СТБ 52.0.01-2017. Введ. 13.01.2017. Мн.: Госком. по имуществу Респ. Беларусь, 2017. 21 с.; 2. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Термины и определения: СТБ 52.0.02-2017. Введ. 13.01.2017. Мн.: Госком. по имуществу Респ. Беларусь, 2017. 24 с.; 3. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Определение ликвидационной стоимости: ТКП 52.0.03-2020. — Введ. 30.12.2020. Мн.: Госком. по имуществу Респ. Беларусь, 2020. 26 с.

⁵ Левина Ю.Б. Ликвидность как основа финансовой устойчивости коммерческого банка: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Левина Юлия Борисовна; Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова. М., 2001. 23 с.

⁶ Гусева А.Е. Ликвидность коммерческих банков в системе денежно-кредитного регулирования экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Гусева Анна Евгеньевна; Фин. акад. при Правительстве РФ. М., 2001. — 24 с.

и «ликвидность субъекта» (качественная характеристика хозяйствующего субъекта).

Под ликвидностью банка понимается «возможность быстрого и беспрепятственного использования активов, а также мобилизации денежных средств из внешних источников на приемлемых условиях с целью своевременного и полного исполнения обязательств».

Таким образом, по А.Е. Гусевой, ликвидность есть составляющая и инструмент оценивания эффективности функционирования коммерческого банка. При этом суть понимания ликвидности «объекта» (актива) и «субъекта» (у которого актив на балансе) различается.

За период с июня 2024 по октябрь 2025 года сведения по иным академическим исследованиям, связанным с изучением ликвидности, средствами поисковой системы Национальной библиотеки Беларуси выявить не удалось.

Заключение. О многоаспектности ликвидности как экономической категории. Обобщая проанализированные результаты выявленных профильных исследований, отметим следующее.

Во-первых, ликвидность всеми исследователями однозначно рассматривается как важная экономическая категория; как некоторое экономическое свойство объекта, обладающего им в той или иной степени (Д.А. Грицкевич, 2018 [3], 2020 [4]; и др.). Вместе с тем, принимая во внимание ее важную роль в экономической теории и значимость для управленческой и иных профессиональных практик, активность разработки проблемы ликвидности в академической науке в России, Украине и Беларуси в количестве 11 единиц за период 20+ лет характеризуется нами как недостаточная. Отсутствие или неточное, неоднозначное нормирование понятия «ликвидность» в нормативно-правовых актах обуславливает сложности для управления активами и применения понятия в иных профессиональных практиках (З.А. Кучкаров [и др.], 2017 [5]). Таким образом, есть признаки как теоретической, так и практической актуальности, целесообразности дальнейшей разработки вопросов ликвидности активов на разных уровнях системной экономики, для разных отраслей макроэкономики.

Во-вторых, в ряде случаев исследователи указывают на трансформацию смысла ликвидности как экономической категории в зависимости от масштаба объекта-носителя этого свойства, места в системной экономике (Р.Ю. Пятаков, 2005 [6]; Ю.В. Коновалова, 2003; И.А. Борисова, 2003; А.И. Ермаков, 2001 [1]; Ю.Б. Гусева, 2001).

Таким образом, социально-экономическая суть ликвидности единицы актива домашнего хозяйства и единицы актива предприятия как хозяйственного комплекса или ликвидности самого хозяйственного комплекса различаются. Содержание самой категории «актив» также меняется для разных уровней системной экономики (В.Г. Гусаков, 2018 [7]). Автомобиль как актив наноэкономики — это предмет потребления, а для микроэкономики — это орудие труда.

В-третьих, ликвидность есть составляющая и инструмент для характеристики эффективности использования объекта исследования (Ю.Б. Левина, 2001 [2]; А.Е. Гусева, 2001 и др.). Таким образом, показатель ликвидности в количественном выражении может быть использован для обеспечения управленческих решений по достижению наилучшего и наиболее эффективного использования актива. Однако уровни проработанности методик количественной характеристики («измерения») ликвидности и, как следствие, использования ее методического потенциала для объектов различных уровней системной экономики сегодня существенно отличаются. Так, например для активов нано- и микроэкономики достаточная проработка показателей количественной характеристики ликвидности отсутствует, работа по сбору данных и их отслеживанию не имеет систематического характера, как минимум в отечественной практике (В.Л. Шабека), а вопросы ликвидности, уникальные в своем роде, по своему функциональному назначению активов в методическом плане порой трудноразрешимы для практиков в принципе (В.Л. Шабека, 2003 [8]). Наиболее проработанная методология по характеристике ликвидности мезо- и макроэкономических активов (на примере банковского сектора) может быть перенесена и применена, во-первых, для активов иных отраслей (например, транспорт, промышленность и др.) и, во-вторых, других как более «низких» (нано- и микроэкономика), так и более «высокого» (мегаэкономика) уровней системной экономики.

В-четвертых, ликвидность — свойство динамичное, ее степень меняется в ходе жизненного цикла актива под воздействием как внутренних, так и внешних факторов (Б.Л. Буваев, 2017 [9]); происхождение факторов влияния на свойство ликвидности может быть связано с объектами как более низкого, так и более высокого масштаба (К.А. Узких, 2005 [10]; И.А. Борисова, 2003 и др.), а методики характеристики уровня ликвидности объектов требуют понимания и адаптации

к национальной (З.А. Кучкаров [и др.], 2017 [5]), региональной и отраслевой практикам (А.Р. Ваниева, 2011 [11]).

В-пятых, объекты-носители свойства ликвидности можно и нужно классифицировать по степени и природе проявления самого признака с точки зрения специфики управления их ликвидностью на разных этапах жизненного цикла с целью достижения наилучших результатов функционирования, использования активов (А.А. Кубарь, 2011 [12]; И.А. Борисова, 2003).

В-шестых, содержание ликвидности как общенаучной экономической категории может существенно преломляться в зависимости от осуществляемых различными профессиональными практиками на потребность современного социума нужд, т.е., например, суть (качество) и величина (количество) ликвидационной стоимости (как одного из возможных инструментов «измерения» ликвидности) для финансиста, страховщика, оценщика и управленца будет отличаться (Е.С. Романова, 2020 [13]; В.Л. Шабeka, 2018). И может отличаться даже «внутри» сферы профессиональной деятельности, например, при независимой оценке стоимости (в зависимости от реализуемой пользователем оценки юридически значимого действия/цели оценки и фактического состояния самого актива): стоимость ликвидационная, стоимость ликвидации, стоимость при вынужденной продаже, стоимость утилизационная и стоимость скраповая.

Таким образом, содержание понятия ликвидности активов для различных уровней системной экономики (от нано- и до мегаэкономики) нужно различать, при этом обеспечить по возможности единообразный подход к его нормированию в законодательстве, регулирующем соответствующие профессиональные сферы использования понятия.

На наш взгляд, неожиданным и потенциально привлекательным с точки зрения научного исследования является установленное в ходе существенного анализа минимальное количество работ, где 1) проблема управления активами рассматривается на основе ликвидности (в качестве триггерного критерия); 2) вопрос о ликвидности активов рассматривается в условиях санкционной экономики. Ведь даже исходя из общих положений экономической теории понятно, что ликвидность активов выступает одним из ключевых условий и критерием для эффективного управления ими (наряду с такими управленческими критериями, как рыночная стоимость, совокупные затраты на владение активом, соотношение

«затраты-выпуск») и одновременно сама является функцией — «зависимой переменной» для ряда объясняющих и формирующих ее изменяющихся факторов, которые можно и нужно контролировать, а на некоторые можно и влиять в зависимости от принимаемого варианта управленческих решений. Следует признать, что в отдельных из рассмотренных работ аспект существования как таковой возможности управления ликвидностью активов дискутируется (Р.Ю. Пятаков, 2005 [6]; А.И. Ермаков, 2001 [1]; Ю.Б. Левина, 2001 [2]; Ю.В. Рожков, 2005 [14]) или даже как один из результатов исследования обосновывается необходимость «формирования концепции управления коммерческими банками» (Ю.В. Коновалова, 2003). Рассмотрение этих работ и характеристика потенциала их интеграции в проблематику ликвидности непосредственно в управленческом ракурсе представляется интересным для исследования как самостоятельный материал на основе не только дескриптивно-го, но и конструктивного анализа.

Литература

1. Ермаков, А.И. Ликвидность рынков государственных ценных бумаг и методология ее исследования / А.И. Ермаков // Финансовый бизнес. — 2001. — № 10. — С. 19–22.
2. Левина, Ю.Б. Схема построения анализа ликвидности в коммерческом банке / Ю.Б. Левина // Банковские услуги. — 2001. — № 5. — С. 11–16.
3. Грицкевич, Д.А. Теоретические аспекты ликвидности бюджета / Д.А. Грицкевич // Финансы. Учет. Аудит. — 2018. — № 2. — С. 49–51. — URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/81340/1/Gritskevich_s_49_51.pdf. (дата обращения: 08.11.2025).
4. Грицкевич, Д.А. Технологические процессы казначейского исполнения республиканского бюджета и их влияние на ликвидность / Д.А. Грицкевич // Финансы. Учет. Аудит. — 2020. — № 11. — С. 43–46.
5. Кучкаров, З.А. Логический анализ понятия «ликвидность» в нормативной правовой базе Российской Федерации / З.А. Кучкаров, Д.Д. Дербенцев [и др.] // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2017. — № 7(111). — Изд-во: АНО ДПО «Южный ин-т повышения квалификации», ИП Дудов Д.А. — Кисловодск, 2017. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logicheskiy-analiz-ponyatiya-likvidnost-v-normativnoy-pravovoy-baze-rf> (дата обращения: 08.11.2025).
6. Пятаков, Р.Ю. Ликвидность в анализе финансового состояния сельскохозяйственного предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12; 08.00.10 / Пятков Роман Юрьевич; Воронеж. гос. агр. ун-т. — Воронеж, 2005. — 24 с.
7. Гусаков, В.Г. Основы системной экономики / В.Г. Гусаков // Докл. НАН Беларуси. — 2018. — Т. 62, № 4. — С. 488–494. — URL: <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2018-62-4-488-494> (дата обращения: 08.11.2025).
8. Шабeka, В.Л. Интерполяционная модель оценки редкостных автотранспортных средств / В.Л. Шабeka // Бюллетень Автоэксперт. Всерос. изд-во Нац. ассоциации

экспертных компаний на автотранспорте и Межрегион. общ. организации ООО «Лига автоэкспертов». — 2003. — № 2(7). — С. 24–31.

9. Буваев, Б.Л. Макроэкономические факторы ликвидности / Б.Л. Буваев Экономическая теория // Инновации и инвестиции. — 2017. — № 9 — С. 35–38. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makroekonomicheskie-faktory-likvidnosti> (дата обращения: 08.11.2025).

10. Узких, К.А. Аналитический подход к оценке и управлению ликвидности коммерческого банка / К.А. Узких // Вестник Ассоциации белорусских банков. — 2005. — № 1–2(309–310). — С. 24–30. — URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/894.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

11. Ванієва, А.Р. Ликвідність та платоспроможність будівельних підприємств: оцінка і прогнозування (на прикладі автономної Республіки Крим): автореф. дис. ... канд. екон. наук: 08.00.08 / А.Р. Ванієва; Київ. нац. торг. екон. ун-т. — Київ, 2011. — 20 с.

12. Кубарь, А.А. Ликвидность в российском банковском секторе и ее влияние на денежный оборот страны : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Кубарь Алексей Александрович; Моск. гос. ун-т экон., статистики и информатики. — М., 2011. — 37 с.

13. Романова, Е.С. Глава 17. Основные средства и их эффективность / Е.С. Романова // Экономика организации (предприятия): учеб. пособие; под ред. Л.И. Нехорошевой; БГЭУ. — Минск, 2020. — С. 228–229.

14. Рожков, Ю.В. Использование ликвидинга как категории банковского менеджмента / Ю.В. Рожков / Банки и финансы // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. — 2020. — № 3(104). — С. 61–64. — URL: DOI 10.38161/2618-9526-2020-3-12 (дата обращения: 08.11.2025).

Поступила в редакцию 29.10.2025

Тенденции применения цифровых технологий в развитии логистической деятельности

Бекиш Е.И.

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

Стремительное развитие цифровых технологий в сфере логистики вызвало глубокую трансформацию всей ее деятельности. Компании вынуждены осваивать современные цифровые технологии для повышения своей эффективности и конкурентоспособности.

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе трансформирующихся тенденций применения цифровых технологий в логистической деятельности для повышения безопасности грузоперевозок и конкурентных преимуществ компании.

Цель публикации — проведение анализа воздействия применения цифровых технологий для увеличения эффективности логистической сети и ее адаптации к турбулентности рыночных условий.

Материал и методы. *Методологической основой явился анализ материалов и статей по изучаемой проблеме, графический метод, сравнительный анализ, наблюдение. Исследование применения цифровых технологий в развитии логистической деятельности осуществлялось на примере Витебского филиала РУП «Белтаможсервис».*

Результаты и их обсуждение. *В статье проанализированы современные тенденции применения цифровизации в сфере логистики. Исследования показывают, что предприятием в статусе 4PL-оператора основная доля грузоперевозок в 2024 году осуществлялась железнодорожным транспортом — 65,85 %, что составило 9844 успешных сделок с сотрудничающими организациями. В ходе анализа показателей выручки по видам деятельности организации за 2024 г. было установлено, что больше всего выручки получено за счет деятельности транспортно-логистического центра. В работе выявлено, что программное обеспечение <https://declarant.by/ru/software/> предоставляет клиентам широкий спектр услуг. Обосновано использование цифровых систем для эффективности таможенно-логистических процессов. Уделено внимание значению и успешности использования электронных навигационных пломб на территории Союзного государства. Рост выручки от предоставления данной услуги свидетельствует о ее влиянии на эффективность логистической деятельности.*

Заключение. *Применение цифровых технологий подтверждает их положительное влияние на развитие логистической деятельности и рост финансовых результатов Витебского филиала РУП «Белтаможсервис».*

Ключевые слова: логистика, компания, цифровые технологии, навигационная пломба.

Trends in the Applicatin of Digital Technologies in the Development of Logistics Activities

Bekish E.I.

Vitebsk Branch of International University MITSO

The rapid development of digital technologies in the field of logistics has caused a profound transformation of all its activities. Companies are forced to master modern digital technologies to increase their efficiency and competitiveness.

The scientific novelty of the work lies in the comprehensive analysis of the transforming trends in the use of digital technologies in logistics activities to improve the safety of cargo transportation and the competitive advantages of the company.

The purpose of the article is to analyze the impact of the application of digital technologies to increase the efficiency of the logistics network and its adaptation to the turbulence of market conditions.

Material and methods. *The methodological basis was the analysis of materials and articles on the problem under study, the graphical method, comparative analysis, and observation. The study of the use of digital technologies in the development of logistics activities was carried out on the example of the Vitebsk branch of RUE Beltamozhservice.*

Findings and their discussion. *The article analyzes current trends in the application of digitalization in the field of logistics. Studies show that the company in the status of a 4PL operator carried out the bulk of cargo transportation in 2024 by rail — 65.85%, which amounted to 9844 successful transactions with cooperating organizations. When analyzing revenue indicators by type of activity of the company for 2024, it was found that most of the revenue was received due to the activities of the transport and logistics center. The paper reveals that the software <https://declarant.by/en/software/> provides customers with a wide range of services. The use of digital systems for the efficiency of customs and logistics processes is substantiated. Attention is paid to the importance and success of the use of electronic navigation seals on the territory of the Union State. The growth of revenue from the provision of this service confirms its impact on the efficiency of logistics activities.*

Conclusion. *The use of digital technologies confirms their positive impact on the development of logistics activities and the growth of financial results of the Vitebsk branch of RUE Beltamozhservice.*

Key words: logistics, company, digital technologies, navigation seal.

Цифровизация является важнейшей тенденцией, от которой зависит динамика развития предприятий. В настоящее время цифровые модели, платформы, алгоритмы обработки информации проникли во все сферы экономики и управления [1, с. 73].

В эпоху стремительного развития цифровых технологий в сфере логистики происходит также глубокая трансформация всей ее деятельности. Компании вынуждены искать и применять новые подходы и инновационные методы воздействия для повышения своей эффективности и конкурентоспособности. Считается, что использование цифровизации в логистике позволит обеспечить прозрачность и ускорить процессы доставки товаров, снизить риски мошенничества, сократить затраты и в целом повысить эффективность управления цепями поставок [2, с. 51].

В итоге предприятия все чаще обращаются к цифровым технологиям для оптимизации своих логистических процессов [3, с. 237].

Этим обусловлена актуальность рассмотрения вопросов применения цифровых технологий для оптимизации логистической деятельности компаний.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе трансформирующихся тенденций применения цифровых технологий в логистической деятельности для повышения безопасности грузоперевозок и конкурентных преимуществ компании.

Цель публикации — проведение анализа воздействия применения цифровых технологий для увеличения эффективности логистической сети и ее адаптации к турбулентности рыночных условий.

Материал и методы. Методологической основой явился анализ материалов и статей по изучаемой проблеме, графический метод, сравнительный анализ, наблюдение.

Изучение применения цифровых технологий в развитии логистической деятельности проведено на примере Витебского филиала РУП «Белтаможсервис».

Результаты и их обсуждение. В настоящее время деятельность Витебского филиала основывается на применении логистической системы по оказанию таможенных и логистических услуг в статусе 4PL-оператора при наличии собственного подвижного парка большегрузных автомобилей, предоставляя развитую торговую и складскую инфраструктуру за счет внедрения новейших современных IT-технологий [4, с. 127].

В логистике здесь приоритет отдается потребностям потребителя, поэтому качество обслуживания

и его соответствие требованиям клиента считаются главными показателями эффективности. Обеспечение высококачественного обслуживания клиентов является основополагающим элементом логистической деятельности на всех ее стадиях.

С этой целью, используя новейшие цифровые технологии в отрасли, компания стремится предложить комплексные решения для своих клиентов, чтобы поддерживать бесперебойные и своевременные доставки товаров [5, с. 10].

При этом цель логистики заключается в эффективном перемещении товаров, что требует применения различных видов транспортных средств согласно установленным технологиям в цепочках поставок.

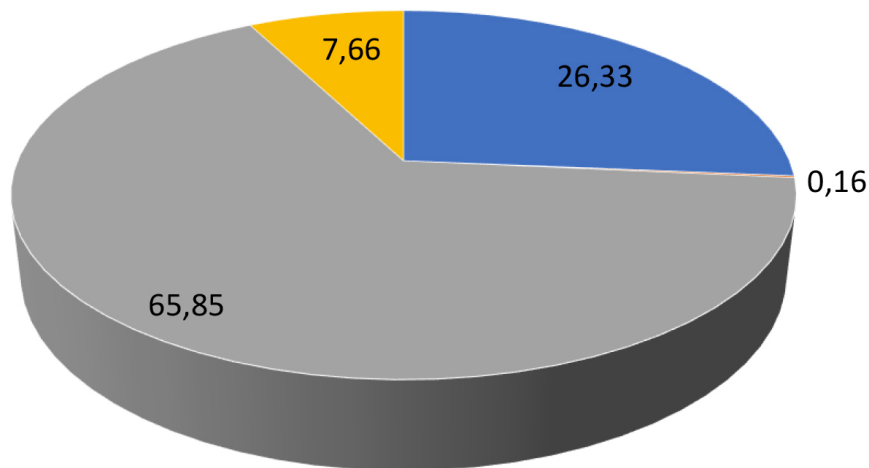
Ключевой задачей логистического сервиса в настоящий период является выявление оптимального варианта транспортировки грузов для заказчика с использованием одного или нескольких видов транспорта.

Витебский филиал предоставляет транспортно-логистические услуги организациям по различным видам перевозок. Их структура представлена на рисунке 1.

Данные структуры используемых видов перевозок предприятием в статусе 4PL-оператора показывают их возможность выбора для клиентов. Основная доля грузоперевозок в 2024 году осуществлялась железнодорожным транспортом — 65,85%, что составило 9844 успешных сделок с сотрудничающими организациями. Это объясняется тем, что одним из главных достоинств железнодорожного транспорта является его экономическая эффективность, обусловленная невысокой стоимостью перевозки и наличием системы скидок. В результате ряд отраслей применяют железнодорожный транспорт в качестве важнейшего базового перевозчика товарной продукции [6, с. 9].

Однако железнодорожный транспорт имеет и некоторые ограничения. К ним относятся ограниченный выбор перевозчиков и трудности с доставкой грузов до конечных пунктов назначения в случае отсутствия железнодорожных подъездных путей. В таких ситуациях необходима дополнительная доставка автомобильным транспортом. Для этой цели филиалом используются большегрузные автомобили собственного подвижного парка. Количество сделок по перевозкам автотранспортом составило 24 622 или 26,33%.

Самый низкий процент в доставке грузов занимают авиаперевозки — 0,16% или 61 сделку. Это вызвано тем, что в сфере международных

■ Автомобильные ■ Авиаперевозки ■ Железнодорожные ■ Мультимодальные

Рисунок 1 — Структура транспортно-логистических услуг по видам перевозок, оказанных организациям в 2024 г., %

грузоперевозок авиационное сообщение характеризуется высокими тарифными ставками и зависимостью от метеорологических условий, что может негативно сказаться на их поставке. Однако в 2024 году авиаперевозки при максимальной скорости доставки и высоком уровне сохранности грузов увеличились на 49%. Среди всех видов перевозок это самый высокий темп роста за год. Следует отметить также увеличение спроса на мультимодальные перевозки, которые осуществляют доставку грузов до двери. Количество их за год выросло примерно на 30%.

В условиях современной глобальной экономики процесс доставки товаров выходит за рамки простого физического перемещения. Он охватывает комплекс дополнительных мероприятий, операций и услуг, призванных обеспечить эффективную дистрибуцию продукции.

Поэтому логистический сервис филиала представляет собой комплексную систему, охватывающую широкий спектр услуг, оказываемых в соответствии с системным подходом. Он способствует оптимизации экономических отношений между предприятиями-производителями и потребителями, играя ключевую роль в стимулировании торговой деятельности. Организация эффективного логистического сервиса невозможна без наличия развитой транспортной инфраструктуры и различных видов деятельности, от которых организация

получает выручку. Для рассмотрения и оценки показателей выручки представлен рисунок 2.

Из представленных данных рисунка 2 следует, что спектр видов деятельности организации для эффективного перемещения товаров включает услуги таможенного агента или представителя (ТА), склады с развитой инфраструктурой, транспортно-логистический центр (ТЛЦ), транспортно-экспедиционную деятельность (ТЭД), международные автомобильные перевозки (МАП) и внутривересубликанские автомобильные перевозки (ВАП) собственным транспортом, использование при перевозке грузов навигационной пломбы — ЭПУ (устройство электронное пломбировочное).

Больше всего выручки было получено за счет деятельности транспортно-логистического центра, который в свою очередь предоставляет комплекс транспортно-логистических услуг. Выручка ТЛЦ в 2024 году составила 91 416,33 тыс. руб. Меньше всего выручки получено за счет внутривересубликанских автомобильных перевозок грузов — 1 640,85 тыс. руб. Это объясняется тем, что многие предприятия страны для доставки грузов внутри страны используют собственный транспорт. В целом выручка Витебского филиала РУП «Белтаможсервис» за 2024 год составила 274 994,26 тыс. руб. За год она увеличилась на 17%.

В настоящее время в связи с переориентацией транспортных потоков из-за закрытия западных

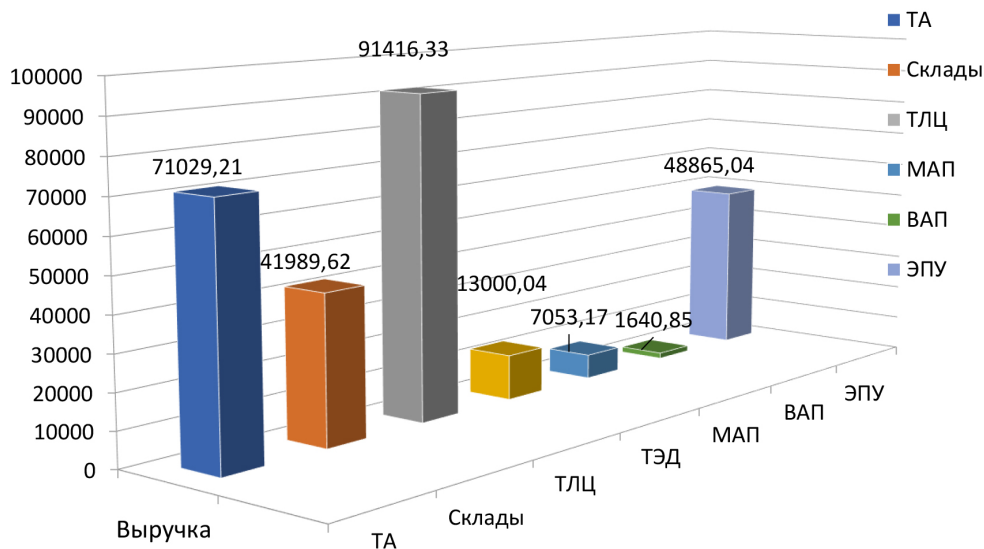

Рисунок 2 — Показатели выручки по видам деятельности организации за 2024 г., тыс. руб.

границ для предоставления услуг в повышении экспорта продукции белорусских предприятий в Витебском районе строится новый торгово-логистический центр (ТЛЦ), который будет оснащен современными цифровыми технологиями и станет одним из лучших в стране. Ввод в эксплуатацию нового ТЛЦ обеспечит эффективность роста логистической и экономической деятельности предприятий региона.

Для эффективного функционирования логистической системы весь комплекс транспортно-логистических услуг по продвижению товара от производителя к покупателю осуществляется с помощью цифровых инструментов и сервисов [7, с. 40].

Витебский филиал РУП «Белтаможсервис» в качестве структурного подразделения РУП «Белтаможсервис» для предоставления широкого спектра услуг по хранению грузов, формированию и их отправки при нанесении маркировки и акцизных марок использует современные информационные цифровые системы, которые позволяют повысить эффективность и прозрачность таможенных и логистических процессов, а также повышения безопасности и защиты границ. Программное обеспечение компании представлено на сайте <https://declarant.by/ru/software/>.

Партнеры и клиенты при желании для мониторинга хода всех таможенных и иных операций с грузами в процессе их перемещения имеют возможность воспользоваться функционирующим

информационным сервисом компании «Мониторинг событий» (<https://mon.declarant.by/>). Сервис состоит из шести разделов, включающих полную информацию по оформлению таможенных документов, о этапах оформления расположенных товаров на СВХ, о очереди транспортных средств в пунктах пропуска, о статусе контейнера. Применение данного цифрового сервиса, обеспечивающего прозрачность всей информации, увеличивает доверие клиентов и конкурентные преимущества компании.

Для ускорения документооборота и доставки товаров компанией успешно используется электронная международная накладная e-CMR при перевозках грузов без использования бумажных накладных [8].

В Беларуси РУП «Белтаможсервис» с 2020 года начали применять электронные навигационные пломбы для отслеживания транзитных грузоперевозок, обеспечивая их сохранность и качество. Пломба применяется при непосредственном импорте, а также при «сквозном» транзите [9].

С начала 2025 года единые навигационные пломбы успешно используются при перемещении грузов по территории Беларуси и России. Опыт и взаимодействие Союзного государства по применению навигационных пломб при перевозке грузов использован при подготовке к их внедрению на всей территории Евразийского экономического союза [10].

В Витебском филиале количество установленных пломб на грузы ежегодно увеличивается, что

сопровождается ростом выручки от данной услуги, которая в 2024 году составила 48865,04 тыс. бел. руб. Ее рост в сравнении с 2023 годом составил 4432,21 тыс. бел. руб. или 10%. При этом в общем объеме полученной выручки компании ее доля составляет около 18%.

Заключение. Анализ структуры используемых видов перевозок показал, что основная доля грузоперевозок компанией производится железнодорожным транспортом. При изучении показателей выручки по видам деятельности установлено, что в целом выручка Витебского филиала РУП «Белтаможсервис» за 2024 год увеличилась на 17% и составила 274 994,26 тыс. руб. Среди видов деятельности организации больше всего выручки было получено ТЛЦ.

В ходе исследований выявлено, что для предоставления таможенно-логистических услуг используется программное обеспечение <https://declarant.by/ru/software/>. Многофункциональный сервис «Мониторинг событий» (<https://mon.declarant.by/>) обеспечивает прозрачность всей информации по передвижению грузов, увеличивая доверие клиентов и конкурентные преимущества компании.

При изучении применения навигационных пломб при перевозке грузов установлена успешность их использования на территории Союзного государства, что подтверждается подготовкой к их внедрению на всей территории Евразийского экономического союза, а также ростом выручки от данной услуги.

Таким образом, применения цифровых технологий подтверждает их положительное влияние в современный период на развитие логистической деятельности и рост финансовых результатов Витебского филиала РУП «Белтаможсервис».

Литература

1. Жокабине, Н.Ф. Умные технологии в управлении режимными объектами / Н.Ф. Жокабине, Е.В. Щербакова // *Journal of Monetary Economics and Management*. — 2024. —

Vol. 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umnye-tehnologii-v-upravlenii-rezhimnymi-obektami> (дата обращения: 25.10.2025). — DOI: 10.26118/2782-4586.2024.76.42.017.

2. Кархова, И.Ю. Применение цифровых технологий в логистике / И.Ю. Кархова // *Российский внешнеэкономический вестник*. — 2025. — № 7. — С. 45–56. — DOI: 10.24412/2072-8042-2025-7-45-56.

3. Пулатов, М.М.У. Цифровые технологии в логистике: преобразование сферы и воздействие на эффективность / М.М.У. Пулатов // *Цифровая экономика*. — 2023. — № 4. — С. 236–248.

4. Бекиш, Е.И. Тенденции совершенствования логистической системы предприятия / Е.И. Бекиш, Д.А. Трифонов // *Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф.; под ред. А.В. Минаева*. — Киров: Межрегион. центр инновационных технологий в образовании, 2025. — С. 126–129.

5. Бекиш, Е.И. Тенденции функционирования логистики транспортной компании в современный период / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // *Вестник Сургутского государственного университета*. — 2025. — № 13(1). — С. 8–15. — URL: <https://elib.surgu.ru/fulltext/SCIENCE2/1123> — DOI: 10.35266/2949-3455-2025-1-1.

6. Гаджиев, Н.Г. Роль транспортной составляющей в экономической безопасности государства / Н.Г. Гаджиев, С.А. Коноваленко, М.Н. Трофимов // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки*. — 2023. — № 38(1). — С. 7–14. — DOI: 10.21779/2500-1930-2023-38-1-7-14.

7. Бекиш, Е.И. Влияние цифровых технологий на повышение эффективности деятельности предприятия / Е.И. Бекиш, В.Д. Мантур // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки*. — 2025. — № 40(1). — С. 39–44. — DOI: 10.21779/2500-1930-2025-40-1-39-44.

8. У Беларуси большой потенциал в транспортно-логистической сфере — депутат Комаровский. — URL: <https://declarant.by/ru/news/tsifrovizatsiya-i-logistika/> (дата обращения: 12.10.2025).

9. Цифровизация и логистика // *Цифровизация и логистика*. — 2025. — URL: <https://declarant.by/ru/news/tsifrovizatsiya-i-logistika/> (дата обращения: 16.10.2025).

10. Опыт Беларуси по применению навигационных пломб использован при их внедрении в ЕАЭС // *Опыт Беларуси по применению навигационных пломб использован при их внедрении в ЕАЭС*. — 2025. — URL: <https://belta.by/economics/view/opyt-belarusi-po-primeneniju-navigatsionnyh-plomb-ispolzovan-pri-ih-vnedrenii-v-eacs-744088-2025> (дата обращения: 11.10.2025).

Поступила в редакцию 18.12.2026

Совершенствование системы сбыта предприятия через развитие маркетинговых технологий (на примере ОАО «Вистан»)

Гришанова С.С., Поляржина Т.П.

Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»»

Глобальные изменения в мировой экономике и геополитике, стремительная цифровизация общества обуславливают необходимость использования новых подходов и технологий в сбытовой деятельности и распределительной логистике предприятий. Промышленные предприятия вынуждены реформировать свои бизнес-процессы, перестраивать логистику, искать новых партнеров, учитывая обстоятельства и тренды времени. Несмотря на наличие негативных факторов внешней среды, белорусские предприятия успешно противостоят вызовом современности и повышают эффективность своей производственно-хозяйственной деятельности, совершенствуют распределительную логистику. Конкурентные преимущества белорусских производителей — это высокое качество, демократичные цены, безупречная репутация. Однако проблемы в реализации товаров имеются, но активно разрабатываются мероприятия по их разрешению.

ОАО «ВИСТАН» — единственное предприятие в Республике Беларусь, производящее оборудование различного технологического назначения и уровня автоматизации, от простых станков до станков с числовым программным управлением и автоматических линий. Кроме того, завод может оказывать послепродажный сервис своим клиентам. Это экспортно ориентированное предприятие, способное производить и продавать конкурентоспособную продукцию как в страны СНГ, так и в страны дальнего зарубежья.

Цель публикации — разработать мероприятия по совершенствованию системы сбыта ОАО «ВИСТАН» через развитие маркетинговых технологий.

Материал и методы. *Материалом для анализа являются данные нормативно-технической, распорядительной, бухгалтерской и статистической документации ОАО «ВИСТАН». Методология исследования строилась на общенаучных методах экономического и статистического анализа, обобщения, сравнения, синтеза.*

Результаты и их обсуждение. *В статье выявлены проблемы системы сбыта ОАО «ВИСТАН», а также найдены пути их решения. В частности, разработана дорожная карта проекта оптимизации системы сбыта. Одним из этапов карты является внедрение перспективных маркетинговых инструментов и технологий. Для ОАО «ВИСТАН» выбран комплекс эффективных маркетинговых технологий и инструментов для повышения эффективности сбытовой деятельности предприятия. Дано экономическое обоснование эффективности внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов.*

Заключение. *Внедрение выбранных для предприятия маркетинговых технологий будет способствовать гибкости и эффективности маркетинговой стратегии, что приведет к повышению эффективности сбыта. А поэтапное выполнение разработанных мероприятий по оптимизации системы сбыта будет способствовать устойчивому росту и развитию предприятия в современных условиях.*

Ключевые слова: *маркетинговые технологии и инструменты, система сбыта, управление сбытом, маркетинг, цифровизация, автоматизации процессов, цифровые технологии, эффективность, рентабельность.*

Improvement of the Enterprise Sales System Through the Development of Marketing Technologies (Using the Example of OJSC “Vistan”)

Grishanova S.S., Pobiarchina T.P.

Vitebsk Branch of International University MITSO

Global changes in the global economy and geopolitics, as well as the rapid digitalization of society, necessitate the use of new approaches and technologies in sales and distribution logistics. Industrial enterprises are forced to reform their business processes, restructure logistics, and seek new partners, taking into account the circumstances and trends of the times. Despite the presence of negative external factors, Belarusian enterprises are successfully confronting modern challenges, increasing the efficiency of their production and business operations, and streamlining distribution logistics. The competitive advantages of Belarusian manufacturers include high quality, affordable prices, and an impeccable reputation. However, challenges in product distribution do exist, but measures are being actively developed to address them.

OJSC “VISTAN” is the only enterprise in the Republic of Belarus that manufactures equipment for various technological applications and at various levels of automation, from simple machines tools to complete machines and automated production lines. Furthermore, the plant can provide after-sales service to its customers. It is an export-oriented enterprise capable of producing and selling competitive products both to the CIS and non-CIS countries.

The purpose of the article is to develop measures to improve the sales system of OJSC "VISTAN" through the development of marketing technologies.

Material and methods. *The analysis was based on data from regulatory, technical, administrative, accounting, and statistical documentation of JSC "VISTAN". The research methodology was based on general scientific methods of economic and statistical analysis, generalization, comparison, and synthesis.*

Findings and their discussion. *The article identifies the challenges facing OJSC "VISTAN" sales system and develops solutions. Specifically, a roadmap for a sales optimization project has been developed. One of the stages of this roadmap is the implementation of promising marketing tools and technologies. OJSC "VISTAN" has selected a set of effective marketing technologies and tools to improve the company's sales performance. An economic justification for the implementation of these marketing technologies and tools is provided.*

Conclusion. *Implementing the selected marketing technologies will facilitate the flexibility and efficiency of the marketing strategy, leading to increased sales efficiency. The phased implementation of the developed measures to optimize the sales system will lead to sustainable growth and development of the enterprise in today's environment.*

Key words: *marketing technologies and tools, sales system, sales management, marketing, digitalization, process automation, digital technologies, efficiency, profitability.*

Развитие экономики Республики Беларусь осуществляется с учетом глобальных тенденций в мировом сообществе. Интенсивная цифровизация экономики и общества в целом обуславливает необходимость трансформации бизнес-процессов предприятий Республики Беларусь. Информационно-коммуникационные технологии становятся основной движущей силой экономического развития в рамках VI технологического уклада [1].

В современных условиях рыночной экономики эффективность деятельности предприятия во многом определяется уровнем развития его сбытовой системы, в частности маркетинговых технологий. Усиление конкуренции, рост требований потребителей к качеству продукции и сервисному обслуживанию, а также активное внедрение цифровых инструментов в бизнес-практику делают маркетинг ключевым фактором устойчивого развития организации.

Совершенствование системы сбыта для предприятия имеет особое значение, так как именно она обеспечивает непосредственный контакт предприятия с рынком и формирует основу для достижения стратегических целей. При этом развитие маркетинговых технологий в сбытовой деятельности позволяет не только повысить объемы продаж, но и укрепить позиции предприятия на рынке, создать долгосрочные отношения с клиентами и повысить их лояльность.

В современных трудах аналитиков [2–6] неоднократно были проведены доказательства эффективности маркетинговых технологий в системе сбыта предприятий разных отраслей промышленности, однако проблемы внедрения и адаптации маркетинговых инструментов и механизмов в каждом конкретном случае остаются всегда открытыми.

Несмотря на то, что теоретические аспекты и методические подходы к организации работы

службы маркетинга на предприятиях давно разработаны, практическое применение многих маркетинговых технологий сталкивается со следующими основными сложностями:

- » недостаток финансовых ресурсов;
- » недостаток квалифицированных кадров для продвижения инноваций;
- » специфика деятельности предприятия и выпускаемой продукции;
- » недоверие руководящего звена современным информационным технологиям.

Рассмотрим проблему глубже на примере ОАО «ВИСТАН».

ОАО «ВИСТАН» является одним из старейших станкостроительных предприятий Республики Беларусь. Специализируется на производстве станков для технологического обеспечения автотракторной, электротехнической, аэрокосмической, сельхозмашиностроения и других ведущих отраслей машиностроительного комплекса.

ОАО «ВИСТАН» — единственное предприятие в Республике Беларусь, производящее круглошлифовальное и суперфинишное оборудование различного технологического назначения и уровня автоматизации, от простых станков до станков с числовым программным управлением (ЧПУ) и автоматических линий. Накопленный за прошедшие годы опыт позволяет создавать и экспортировать конкурентоспособную продукцию как в страны СНГ, так и в страны дальнего зарубежья. Кроме того, завод способен производить капитальный ремонт и модернизацию зубообрабатывающих станков.

Для ОАО «ВИСТАН» актуальность развития маркетинговых технологий в системе сбыта обусловлена необходимостью адаптации к современным рыночным условиям, внедрения инновационных маркетинговых инструментов

Таблица 1 — Проблемы системы сбыта ОАО «ВИСТАН» и пути их решения

Проблема/ ограничение	Суть проблемы	Возможные пути решения
Высокая стоимость рекламных кампаний	Наружная реклама и участие в выставках требуют значительных финансовых вложений	Оптимизация бюджета, переход к более доступным цифровым каналам (таргетинг, соцсети)
Недостаточная координация отделов	Маркетинг и продажи действуют разобщенно, что снижает эффективность	Создание единой стратегии, внедрение CRM для синхронизации действий
Ограниченные кадровые ресурсы	Недостаток специалистов по интернет-маркетингу и аналитике	Повышение квалификации сотрудников, привлечение новых специалистов
Недостаточный уровень автоматизации	Отсутствие полной интеграции CRM и аналитических систем	Внедрение современных IT-решений, автоматизация процессов взаимодействия с клиентами
Недостаток информации о рынке	Ограниченные данные о конкурентах и клиентах	Проведение маркетинговых исследований, использование Big Data и аналитики
Усиление конкуренции	Рост числа конкурентов снижает эффективность традиционных методов	Развитие уникальных предложений, акцент на цифровых технологиях и персонализации
Экономическая нестабильность	Снижение покупательной способности клиентов	Разработка гибкой ценовой политики, внедрение программ лояльности

и повышения эффективности сбытовой политики. В условиях цифровизации экономики и роста конкуренции предприятие должно использовать современные технологии маркетинга — CRM-системы, интернет-продвижение, аналитические платформы — чтобы обеспечить устойчивое развитие и конкурентоспособность.

В результате анализа системы сбыта ОАО «ВИСТАН» установлены проблемы в данной функциональной области, а также разработаны пути решения этих проблем (таблица 1).

Несмотря на то, что структура системы сбыта признана удовлетворительной, ее деятельность требует совершенствования. Одной из основных проблем системы сбыта является недостаточное применение современных маркетинговых инструментов и технологий, а также недостаточный уровень автоматизации и цифровизации процессов.

Развитие маркетинговых технологий в системе сбыта в ОАО «ВИСТАН» ограничивается финансовыми, организационными, кадровыми и внешними факторами. Решение этих проблем возможно за счет усиления цифрового маркетинга, внедрения современных аналитических инструментов, повышения квалификации персонала и интеграции маркетинговых и сбытовых процессов в единую систему.

Цель статьи — разработка мероприятий по совершенствованию системы сбыта предприятия через развитие маркетинговых технологий.

Материал и методы. Материалом для анализа являются данные нормативно-технической, распорядительной, бухгалтерской и статистической документации ОАО «ВИСТАН». В исследованиях использованы: методы экономического и статистического анализа, аналитический метод, методы сравнения и синтеза.

Результаты и их обсуждение. ОАО «ВИСТАН» как динамично развивающееся предприятие сталкивается с необходимостью оптимизации системы сбыта и маркетинговых стратегий для повышения конкурентоспособности и удовлетворенности клиентов.

Современные условия хозяйствования характеризуются высокой динамикой рынков, усилением конкуренции и необходимостью постоянного поиска новых инструментов для повышения эффективности системы сбыта. В этих условиях маркетинг перестает быть вспомогательной функцией и превращается в стратегический инструмент управления развитием предприятия. Для ОАО «ВИСТАН» внедрение комплекса маркетинговых технологий является не только способом повышения продаж, но и возможностью укрепления позиций на рынке, расширения

Таблица 2 — Дорожная карта проекта оптимизации системы сбыта

Номер и наименование этапа	Цели и задачи
I. Анализ и подготовка	<ol style="list-style-type: none"> 1. Провести аудит текущих каналов продаж (выставки, дилеры, сайт, реклама). 2. Определить ключевые рынки: внутренний рынок Беларуси, экспорт (Россия, ЕС, Азия). 3. Сегментировать клиентов: машиностроительные предприятия, заводы, сервисные компании
II. Цели и стратегия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение числа экспортных контрактов. 2. Сокращение цикла сделки (от первого контакта до подписания договора). 3. Повышение узнаваемости бренда на международных рынках
III. Внедрение технологий	<ol style="list-style-type: none"> 1. CRM-система для управления клиентами и сделками. 2. Автоматизация маркетинга: email-рассылки, персонализированные предложения. 3. SEO и сайт: многоязычный сайт с каталогом станков, техническими характеристиками, кейсами. 4. Соцсети и B2B-платформы: LinkedIn, отраслевые порталы, каталоги производителей. 5. Аналитика: прогнозирование спроса, анализ конкурентов, мониторинг цен
IV. Продвижение	<ol style="list-style-type: none"> 1. Участие в международных выставках (Ганновер, Москва, Минск). 2. Публикация технических статей и кейсов в отраслевых журналах. 3. Видеопрезентации станков и онлайн-демонстрации. 4. Программа лояльности для дилеров и сервисных центров
V. Обучение и интеграция	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обучение отдела продаж работе с CRM и аналитикой. 2. Подготовка маркетологов к работе с digital-инструментами. 3. Интеграция маркетинга и производства (быстрая реакция на запросы клиентов)
VI. Тестирование и пилотные проекты	<ol style="list-style-type: none"> 1. Запуск пилотных кампаний на одном экспортном рынке. 2. Оценка эффективности: количество лидов, стоимость привлечения клиента (CAC), конверсия. 3. Корректировка стратегии
VII. Масштабирование	<ol style="list-style-type: none"> 1. Расширение кампаний на новые рынки. 2. Интеграция маркетинга с ERP-системой завода. 3. Постоянное обновление технологий (AI-аналитика, AR-каталоги станков)
VIII. Мониторинг и оптимизация	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мониторинг KPI: рост контрактов, ROI маркетинга, сокращение цикла сделки. 2. Ежеквартальные отчеты и корректировка стратегии. 3. Постоянное внедрение инноваций.

географии поставок и формирования устойчивых конкурентных преимуществ.

В сложившихся условиях совместно с сотрудниками ОАО «ВИСТАН» разработана дорожная карта проекта оптимизации системы сбыта (таблица 2). Причем одним из этапов, которой является внедрение перспективных маркетинговых инструментов и технологий, — это этап III.

Дорожная карта проекта оптимизации системы сбыта позволяет систематизировать мероприятия, определить последовательность шагов, и в случае одобрения руководством оценить ресурсы и назначить сроки реализации. Такой

подход обеспечивает прозрачность процесса, снижает риски и делает возможным контроль достижения целевых показателей.

В условиях усиливающейся конкуренции и динамичных изменений рыночной среды предприятиям необходимо не только поддерживать текущий уровень маркетинговой активности, но и внедрять современные инструменты, способные обеспечить долгосрочный рост продаж и укрепление позиций на рынке. Для ОАО «ВИСТАН» актуальность данного направления обусловлено необходимостью цифровой трансформации, повышением требований клиентов к качеству

Таблица 3 — Перспективные инструменты и технологии маркетинга и их ожидаемый эффект для ОАО «ВИСТАН»

Инструмент	Суть применения	Ожидаемый эффект
Таргетированная реклама в соцсетях	Продвижение продукции через Facebook, Instagram, TikTok с точным выбором аудитории	Рост продаж за счет точного попадания в целевой сегмент, снижение затрат на рекламу
SEO и контент-маркетинг	Оптимизация сайта, публикация экспертных материалов, ведение корпоративного блога	Повышение узнаваемости бренда, формирование имиджа эксперта, рост доверия клиентов
Видеомаркетинг	Создание видеороликов, презентаций, обзоров продукции	Увеличение вовлеченности аудитории, повышение доверия и интереса к продукции
CRM-системы	Автоматизация работы с клиентами, хранение истории взаимодействий	Повышение лояльности, рост повторных покупок, сокращение времени обработки заказов
Маркетинговая автоматизация	Автоматические рассылки, чат-боты, сценарии продаж	Снижение затрат на коммуникации, ускорение отклика клиентов
Big Data и аналитика	Сбор и анализ данных о клиентах, прогнозирование спроса	Более точное планирование, выявление новых сегментов рынка
Оmnikanальные продажи	Интеграция онлайн- и офлайн-каналов, внедрение «click & collect»	Удобство для клиентов, рост продаж за счет расширения каналов взаимодействия
Программы лояльности нового поколения	Персонализированные бонусы, геймификация, кросс-маркетинговые акции	Увеличение числа постоянных клиентов, рост вовлеченности и повторных покупок

обслуживания и стремлением к оптимизации затрат на продвижение.

Для ОАО «ВИСТАН» определены перспективные инструменты и технологии маркетинга, которые представлены в таблице 3.

Развитие маркетинговых технологий в современных условиях требует внедрения инновационных инструментов, которые позволяют предприятиям не только увеличивать объемы продаж, но и формировать долгосрочные отношения с клиентами.

Разработка пошагового плана внедрения перспективных маркетинговых технологий и инструментов позволяет систематизировать процесс модернизации, определить приоритетные направления развития и оценить ожидаемые результаты. Такой подход обеспечивает последовательность действий, минимизацию рисков и рациональное использование ресурсов предприятия.

Предлагаемый план внедрения рассчитан на один год и включает несколько этапов: подготовительный, внедрение CRM-системы и автоматизации, развитие контент-маркетинга, использование аналитики и Big Data, а также интеграцию omnikanальных продаж и программ лояльности.

Каждый этап направлен на решение конкретных задач и достижение измеримых результатов, что делает план практически инструментом повышения эффективности маркетинговой деятельности.

Разработка и реализация пошагового плана внедрения перспективных маркетинговых технологий и инструментов в ОАО «ВИСТАН» имеет не только теоретическую, но и высокую практическую ценность. План позволяет предприятию:

- » систематизировать процесс модернизации маркетинга: каждый этап имеет четкие задачи и сроки, что исключает хаотичность действий;
- » рационально распределять ресурсы: финансовые и кадровые вложения направляются на наиболее приоритетные инструменты (CRM, контент-маркетинг, автоматизация);
- » оценивать эффективность внедрения: благодаря поэтапному подходу можно отслеживать результаты и корректировать стратегию;
- » укреплять конкурентные позиции: использование современных технологий позволяет компании адаптироваться к изменениям рынка и формировать устойчивые отношения с клиентами;

Таблица 4 — План внедрения перспективных маркетинговых технологий и инструментов в систему сбыта ОАО «ВИСТАН»

Этапы	План применения	Ожидаемый результат
1. Подготовительный (1–3 месяца)	Анализ текущей маркетинговой системы: выявление сильных и слабых сторон	Готовность к внедрению цифровых инструментов, наличие плана и команды
	Формирование проектной команды: назначение ответственных за внедрение CRM, контент-маркетинга и автоматизации	
	Выбор платформы CRM и инструментов для автоматизации рассылок и аналитики	
2. Внедрение CRM и автоматизации (3–6 месяцев)	Настройка CRM-системы: база клиентов, история взаимодействий, сегментация	Сокращение времени обработки заказов, рост лояльности и повторных покупок
	Интеграция CRM с каналами продаж (сайт, e-mail, соцсети)	
	Запуск автоматических рассылок и чат-ботов для поддержки клиентов	
3. Развитие контент-маркетинга (6–9 месяцев)	Оптимизация корпоративного сайта (SEO)	Рост узнаваемости бренда, формирование имиджа эксперта, увеличение посещаемости сайта
	Запуск регулярных публикаций: экспертные статьи, блоги, кейсы	
	Создание видеоконтента (обзоры продукции, интервью, презентации)	
4. Аналитика и Big Data (9–12 месяцев)	Внедрение инструментов аналитики для прогнозирования спроса	Точное планирование производства и продаж, выявление новых сегментов рынка
	Мониторинг поведения клиентов и конкурентной среды	
	Использование данных для персонализации предложений и программ лояльности	
5. Омниканальные продажи и программы лояльности (параллельно, 6–12 месяцев)	Интеграция онлайн- и офлайн-каналов (сайт, соцсети, торговые точки). Внедрение «click & collect» и мобильных сервисов	Рост числа постоянных клиентов, увеличение повторных покупок, удобство взаимодействия

» повышать экономическую отдачу: внедрение цифровых инструментов снижает затраты на продвижение и увеличивает возврат инвестиций (ROI).

Таким образом, предложенный план может быть использован в реальной деятельности ОАО «ВИСТАН» как практическое руководство по развитию маркетинговых технологий, обеспечивающее рост продаж и долгосрочную устойчивость предприятия.

В таблице 4 представлен пошаговый план внедрения перспективных маркетинговых инструментов и технологий в систему сбыта ОАО «ВИСТАН», рассчитанный на год.

В течение года ОАО «ВИСТАН» сможет перейти от традиционных методов маркетинга к комплексной цифровой системе, основанной на CRM, автоматизации и контент-маркетинге. Это обеспечит устойчивый рост продаж, укрепление конкурентных позиций

Таблица 5 — Исходные данные для расчета экономической целесообразности внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов

Наименование показателя	Значение показателя
Годовая выручка до внедрения согласно показателям 2024 года, тыс. руб.	11839
Ожидаемое увеличение выручки после внедрения, %	20
Дополнительные затраты на внедрение инструментов согласно маркетинговому анализу предприятия и стоимости первоначальных вложений без учета рекламного бюджета, который может варьироваться, тыс. руб.	350
Ожидаемое снижение затрат на привлечение клиента (CAC), %	10
Количество новых клиентов в год	23
Средняя выручка на клиента, тыс. руб.	800
Исходные затраты на привлечение клиента, тыс. руб.	16

Таблица 6 — KPI до/после внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение	Темп роста, %
Годовая выручка, тыс. руб.	11839,0	14 206, 8 руб.	+2367,8	120,0
Затраты на привлечение 1 клиента (CAC), тыс. руб.	16,0	14,4 руб.	-1,6	90,0
Общие затраты на привлечение клиентов (23 клиента), тыс. руб.	368,0	331, 2	-36,8	90,0
Дополнительные затраты на внедрение, тыс. руб.	—	350,0	—	
Общий экономический эффект, тыс. руб.	—	2054, 6	—	
Рентабельности инвестиций (ROI), %	—	587	—	

Таблица 7 — Изменения основных показателей деятельности ОАО «ВИСТАН» после внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов в систему сбыта

Показатель	До внедрения	После внедрения	Абсолютное изменение	Темп роста, %
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, тыс. руб.	11 839	14 206,8	+2 367,8	120,0
Прибыль от реализации продукции, товаров, работ, услуг, тыс. руб.	505	2 054,6	+1 549,6	406,8
Рентабельность продаж, %	4,27	5,87	+1,6 п.п.	

и формирование долгосрочных отношений с клиентами. Для оценки эффективности внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов целесообразно рассмотреть их влияние на ключевые показатели деятельности предприятия.

Согласно отраслевым показателям в машиностроении и станкостроении прирост выручки от внедрения маркетинговых технологий обычно колеблется в диапазоне 15–25% (по данным отраслевых исследований). Выбор 20% отражает средний реалистичный уровень, который

не является завышенным, но и демонстрирует значимый эффект.

Анализ клиентской базы показывает, что планируется привлечение 23 новых клиентов. При средней выручке на клиента 800 000 рублей, даже частичная реализация контрактов дает прирост, сопоставимый с 20% от текущей выручки. Таким образом, показатель согласуется с ожидаемым ростом клиентской базы.

Снижение затрат на привлечение клиента (САС) на 10% повышает эффективность маркетинга и позволяет перераспределить ресурсы в пользу дополнительных продаж. Это косвенно поддерживает прогноз прироста выручки на уровне 20%.

20% выбрано как консервативный сценарий:

» оптимистичный прогноз мог бы быть выше (25–30%);

» пессимистичный — ниже (10–15%);

Следовательно, 20% — это «средний реалистичный» вариант, который может быть одобрен руководством и инвесторами.

Таким образом прирост выручки на 20% выбран исходя из: отраслевых ориентиров (средний уровень роста при внедрении маркетинга), планируемого увеличения числа клиентов, эффекта от снижения затрат на привлечение, консервативного подхода к прогнозированию.

Это делает прогноз обоснованным и реалистичным, а не завышенным.

Исходные данные для расчета экономической целесообразности внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов сведены в таблицу 5.

Результаты расчетов представлены в виде таблицы 6 «КРІ до/после внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов».

Выводы по таблице 6:

1. Полученный ROI составляет 587%, что указывает на то, что каждый вложенный рубль в инструменты маркетинга возвращает 5,9 рублей прибыли. Это свидетельствует о высокой рентабельности инвестиций.

2. Внедрение инструментов маркетинга приведет к увеличению годовой выручки на 2367,8 тыс. рублей, что значительно улучшает финансовые показатели компании.

3. Снижение затрат на привлечение клиентов (САС). Снижение САС на 10% позволит сэкономить 36,8 тыс. рублей на затратах на привлечение клиентов, что дополнительно усиливает финансовую устойчивость.

4. С учетом всех факторов общий экономический эффект составит 2054,6 тыс. рублей, что подтверждает целесообразность инвестиций в маркетинг.

Данные результаты доказывают, что дальнейшие инвестиции в маркетинг могут привести к еще большему увеличению выручки и снижению затрат. После внедрения разработанных мероприятий рекомендуется продолжить мониторинг эффективности маркетинговых технологий и рассмотреть возможность расширения маркетинговых стратегий для достижения еще более высоких результатов.

Внедрение выбранных маркетинговых технологий и инструментов может оказаться выгодным шагом для предприятия. Высокий уровень ROI и значительное увеличение выручки подчеркивают верно выбранный вектор в совершенствовании системы сбыта через развитие маркетинговых технологий.

В таблице 7 представлен расчет изменения основных показателей деятельности ОАО «ВИСТАН» после внедрения выбранных маркетинговых технологий и инструментов в систему сбыта.

Как видно из данных таблицы 7, предложенные мероприятия позволят увеличить выручку от реализации продукции, товаров, работ, услуг на 2 367,8 тыс. руб., прибыль от реализации продукции, товаров, работ, услуг на 1 549,6 тыс. руб., рентабельность продаж на 1,6 п.п.

Заключение. Стремительное развитие рыночной среды, усиление цифровизации, изменение потребительских предпочтений и рост конкурентного давления требуют от предприятия постоянной адаптации и внедрения инновационных подходов к продвижению продуктов и услуг.

Как средство борьбы за потребителя на первый план выходит неценовая конкуренция, основными компонентами, которой, как правило, являются: инновационная продукция, обратная связь с потребителями, гибкая политика продаж, эффективные маркетинговые стратегии, предпродажный и послепродажный сервис [7].

В таких условиях выбранные для предприятия маркетинговые технологии и инструменты будут способствовать гибкости и эффективности маркетинговой стратегии, обеспечат рост узнаваемости бренда и привлечение новых потребителей. А поэтапное выполнение разработанных мероприятий по оптимизации системы сбыта приведет к расширению каналов сбыта за счет партнерства, прямых продаж, обеспечит участие в международных

выставках и проникновение на новые рынки, что увеличит объемы реализации продукции. Повышение автоматизации позволит повысить не только эффективность сбытовой политики, но и эффективность производства, минимизировать затраты и улучшить контроль качества продукции. Обучение сотрудников новым технологиям и стратегическим методам продаж укрепит конкурентные позиции предприятия и обеспечит высокий уровень сервиса для клиентов. Таким образом оптимизация системы сбыта может обеспечить устойчивый рост и развитие промышленного предприятия в современных условиях.

Литература

1. Побяржина, Т.П. Развитие цифровой экономики в Республике Беларусь / Т.П. Побяржина // Право. Экономика. Психология. — 2020. — № 1(17). — С. 39–45.

2. Смирнова, Е.А. Тенденции развития в маркетинговых коммуникациях в 2020–2022 гг. / Е.А. Смирнова // Вестник Челябинского экономического университета. — 2020. — № 10(444). — Экономические науки. Вып. 70. — С. 203–209.

3. Международный маркетинг: учебник и практикум для вузов / под ред. И.В. Воробьевой, К. Пецольдт, С.Ф. Сутирина. — М.: Изд-во Юрайт, 2023. — 398 с.

4. Официальный сайт портала Маркетинг.бай — 2025. — URL: <https://marketing.by> (дата обращения: 17.12.2025).

5. Эффективный маркетинг: стратегии и инструменты. Агентство интернет-маркетинга Exiterra. — 2025. — URL: <https://exiterra.ru/blog/marketing-blog/effektivnyu-marketing-strategii-i-instrumenty/#close> (дата обращения: 20.12.2025).

6. Святохо, Н.В. Стратегия сбытовой деятельности предприятия: сущность, виды, принципы формирования и управления / Н.В. Святохо // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. — 2021. — № 1. — С. 152–161.

7. Гришанова, С.С. Развитие распределительной логистики РУПТП «Оршанский льнокомбинат» / С.С. Гришанова, Т.П. Побяржина // Право. Экономика. Психология. — 2025. — № 2(38). — С. 46–53.

Поступила в редакцию 29.01.2026

Искусственный интеллект в экономике Республики Беларусь: проблемы и перспективы

Забродская Н.Г., Сакович М.С., Любутский О.М.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»

Использование искусственного интеллекта в современном мире это не просто модный тренд, а стратегическое направление развития и хорошая возможность превратить данный инструмент в основное преимущество. Чтобы не оказаться отстающими, важно изучить преимущества и недостатки искусственного интеллекта, для возможного дальнейшего использования и создания прочной основы для устойчивого развития страны.

Цель публикации — исследовать воздействие искусственного интеллекта (ИИ) на экономику Республики Беларусь, рассмотреть экономические и социальные проблемы, связанные с его применением, определить перспективы и возможности дальнейшего использования ИИ для устойчивого экономического развития страны.

Материал и методы. Для написания данной статьи изучены материалы опросов и статистики на тематических онлайн-ресурсах для проведения анализа, выявления влияния и закономерностей, а также сравнения прохождения начального этапа интеграции ИИ в экономику Республики Беларусь. Методологическую основу работы составили аналитический и экономико-статистический методы.

Результаты и их обсуждение. Аналогично мировой тенденции в Республике Беларусь в настоящее время происходит рост использования ИИ, при этом влияя как положительно, так и отрицательно. С одной стороны стимулируется рост высокотехнологичных секторов, а с другой — создается угроза стабильности традиционных отраслей. Главные проблемы возникают на этапе внедрения: нехватка высококвалифицированных кадров и вычислительных мощностей, недостаток законодательной и нормативной базы, а также недоверие к ИИ, безопасности и конфиденциальности данных.

Заключение. Исследование показывает последовательную работу в Беларуси над решением проблем с внедрением и созданием условий для внедрения ускоренного развития информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экономика, бизнес, рынок, организации, компании, проблемы, перспективы.

Artificial Intelligence in the Economy of the Republic of Belarus: Problems and Prospects

Zabrodskaya N.G., Sakovich M.S., Liubutski O.M.

Education Establishment "Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics"

The use of AI in the contemporary world is not just a trend but a strategic development direction and a good opportunity to turn this instrument into a basic advantage. Not to lag behind it is necessary to study advantages and disadvantages of AI to further use it and create a stable base for the country sustainable development.

The purpose of the article is to study the impact of AI on the economy of the Republic of Belarus, to consider economic and social problems connected to its application, to identify prospects and opportunities of its further use for the country sustainable development.

Material and methods. Materials of the surveys and statistics at thematic on-line resources were studied with the aim of conducting an analysis, finding out the impact and regularities as well as of the comparison of the first stage of AI integration into the economy of the Republic of Belarus. The methodological basis of the work was formed by analytical and economic-statistical methods.

Findings and their discussion. Within the global trend, the growth of AI application in the Republic of Belarus takes place at present with both positive and negative impacts. On the one hand, the growth of high technological sectors is stimulated, on the other, a threat to the stability of traditional branches is created. Main problems emerge at the stage of introduction: the lack of highly qualified workers and computing facilities, shortage of the legal and normative bases as well as distrust in AI, data safety and confidentiality.

Conclusion. The study shows consistent work ongoing in Belarus at solving the problems with the introduction and creation of the conditions for fast development of information and communication technologies and AI.

Key words: AI, economy, business, market, companies, problems, prospects.

Для развивающихся стран, таких как Беларусь, где технологии искусственного интеллекта активно внедряются не только в IT-секторе, но и во все отрасли экономики, необходимо анализировать и прогнозировать последствия

автоматизации экономики, что свидетельствует об актуальности темы.

Цель статьи — исследовать воздействие искусственного интеллекта на экономику Республики Беларусь, рассмотреть экономические

и социальные проблемы, связанные с его применением, определить перспективы и возможности дальнейшего использования искусственного интеллекта для устойчивого экономического развития республики.

Материал и методы. Для написания данной статьи изучены материалы опросов и статистики на тематических онлайн-ресурсах для проведения анализа, выявления влияния и закономерностей, а также сравнения прохождения начального этапа интеграции ИИ в экономику Республики Беларусь. Методологическую основу работы составили аналитический и экономико-статистический методы.

Результаты и их обсуждение. Информационные технологии стали важнейшим драйвером экономического роста в современном мире. Два государства — Республика Беларусь и Соединенные Штаты Америки — демонстрируют различные модели развития ИТ-сектора, обусловленные размерами экономики, численностью населения и историческими особенностями. В статье рассматриваются ключевые показатели развития ИТ-индустрии в обеих странах с акцентом на конкретные статистические данные [1].

ИТ-сектор Республики Беларусь

1. Исторический контекст и Парк высоких технологий. Белорусская ИТ-индустрия начала активное развитие после создания в 2005 году Парка высоких технологий (ПВТ) в Минске. Этот проект был задуман по образцу Кремниевой долины и предоставил ИТ-компаниям существенные налоговые льготы: сниженную ставку подоходного налога (9% вместо стандартных 13%), освобождение от НДС и других налогов. Такие условия создали благоприятную среду для развития отрасли.

К 2020 году в ПВТ было зарегистрировано более 1000 компаний, а общее количество ИТ-компаний в стране достигло 3574. Занятость в секторе выросла до 85 000–100 000 специалистов. Белорусские разработчики создали такие известные продукты, как игра World of Tanks (более 100 миллионов игроков по всему миру), мессенджер Viber и приложение MSQRD [2].

2. Экономические показатели и вклад в ВВП. В период с 2018 по 2021 год белорусский ИТ-сектор пережил фазу стремительного роста. Доля отрасли в ВВП страны увеличилась с 3,6% в 2018 году до 5,7% в 2021 году, а по некоторым оценкам достигала 6,4%. Экспорт ИТ-услуг продемонстрировал впечатляющую динамику: с 1,025 миллиарда долларов в 2017 году до рекордных

3,2 миллиарда долларов в 2021 году, что составило около 30% от общего экспорта услуг страны.

Важно отметить, что более 90% программного обеспечения, произведенного в ПВТ, предназначалось для экспорта, причем основными покупателями были компании из Западной Европы и США. Это свидетельствует о высокой конкурентоспособности белорусских ИТ-специалистов на международном рынке [3].

3. Современное состояние (2022–2024). После 2022 года ситуация в белорусском ИТ-секторе значительно изменилась в связи с меняющейся геополитической обстановкой. Это привело к оттоку специалистов и релокации в другие страны ряда крупных компаний, таких как Wargaming, PandaDoc, EPAM Systems и других.

Несмотря на трудности, сектор адаптировался к новым условиям. По данным на 2024 год:

» Доля ИТ в ВВП снизилась с 6% в 2021 году до 4,7–4,9% в 2024 году.

» Экспорт ИТ-услуг составил около 1,8 миллиарда долларов в 2023 году (снижение с 3,2 миллиарда в 2021) (рисунок 1).

» Рынок ИТ-услуг оценивается в 174,1 миллиона долларов с прогнозом роста до 247,6 миллиона к 2029 году (CAGR 7,3%).

» Беларусь сохраняет позиции одного из крупнейших экспортеров ИТ-услуг на душу населения [3].

4. Заработная плата и занятость. Средняя зарплата ИТ-специалистов в Беларуси составляет около 1300 долларов в месяц (по данным Национального статистического комитета), что примерно в три раза выше средней зарплаты по стране (около 450 долларов). Для senior-разработчиков средний годовой доход составляет около 45 000 долларов, что значительно выше по сравнению с другими отраслями экономики, но существенно ниже, чем в США [4].

Использование искусственного интеллекта становится все более распространенной практикой в сфере бизнеса, открывая перед ним новые возможности для оптимизации, роста и получения конкурентного преимущества на рынке, беря на себя как рутинные, так и креативные задачи: от автоматизации процессов до прогнозирования и аналитики. Использование нейросетей для решения различных задач бизнеса становится конкурентным преимуществом на глобальном рынке.

По оценкам Nvidia, к 2030 году общий объем инвестиций в ИИ достигнет 3–4 трлн долларов, суммы сопоставимой с ВВП крупнейших мировых экономик. Бизнес воспринимает его не как

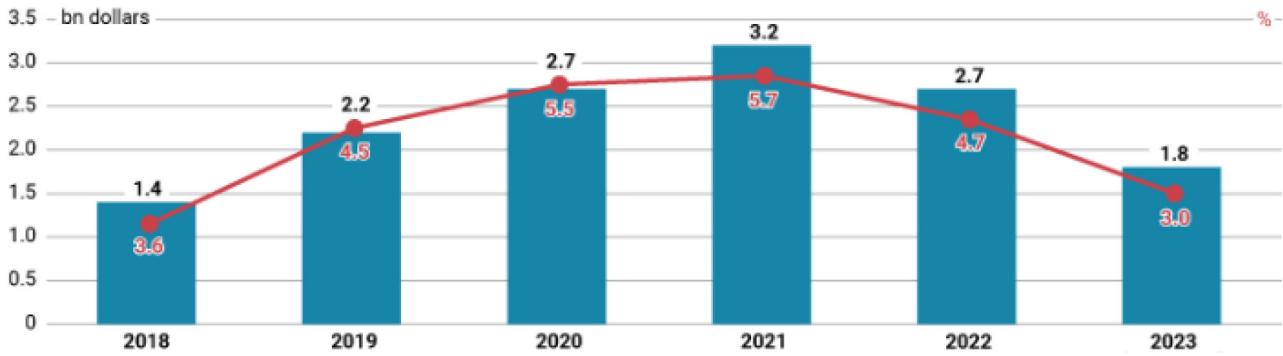

Рисунок 1 — График экспорта IT-услуг и доли IT-сектора в ВВП Беларуси

эксперимент, а как стратегическое направление развития. Проблема определения влияния искусственного интеллекта на бизнес актуальна в настоящее время. Отстающие компании накапливают технологический долг, отдавая рынок более решительным конкурентам. В ближайшие годы передовые компании превратят ИИ в стратегическое преимущество, другие останутся догоняющими.

В настоящее время цифровизация, искусственный интеллект становятся универсальным инструментом экономического и социального развития, использование нейросетей в бизнесе помогает достигать конкурентных преимуществ. По данным Доклада Программы развития ООН (ПРООН) о человеческом развитии 2025 года, за последние четыре года глобальные инвестиции в ИИ утроились, и в пять раз увеличилось число стран с национальными стратегиями в сфере ИИ за прошедшие шесть лет [1].

Беларусь активно наращивает свой потенциал в сфере искусственного интеллекта по следующим направлениям:

- » активно развивается электронное правительство, цифровизация экономики, предоставляющие гражданам и бизнесу онлайн-доступ к государственным услугам;
- » в здравоохранении применяются роботизация и искусственный интеллект для диагностики и лечения пациентов;
- » в образовании внедряются электронные ресурсы, дистанционное обучение, онлайн-платформы;
- » в градостроении внедряются системы умных городов;
- » на транспорте автоматизируется логистика, значительно сокращая эксплуатационные расходы;

» внедряются цифровые и инженерные решения в городскую и коммунальную инфраструктуру.

В современном мире искусственный интеллект обеспечивает конкурентоспособность национальной экономики и суверенитет страны.

В Беларуси использование искусственного интеллекта бизнесом с каждым годом расширяется. Результаты опроса бизнесменов онлайн-сервисом для управления бизнесом «Битрикс24» показали: 76% респондентов считают нейронные сети полезными в их профессиональной деятельности; 53% отмечают их влияние на ускорение рабочих процессов.

Опрашивались сотрудники 327 белорусских компаний разнообразных респондентов по статусу в организации: владелец бизнеса (директора) — 41%, руководители отделов — 38%, линейные сотрудники — 21%. По данным опроса специалисты используют в работе следующие технологии ИИ:

- » разработка, создание и редактирование текстов — 58%;
- » чат-боты и виртуальные помощники — 56%;
- » создание и редактирование изображений — 39%;
- » систематизация почтовых сообщений — 32%;
- » коррекция лица, фона и 3D-аватары в видеозвонках — 17% [2].

Исследование свидетельствует о постепенном проникновении в бизнес-процессы белорусских компаний технологий машинного обучения, но говорить о массовом внедрении ИИ еще не приходится.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь использование

Таблица 1 — Использование цифровых технологий в организациях на территории Республики Беларусь за 2022–2024 годы, %

Виды технологий	2022	2024
1. «Большие данные»	12,3	13,7
2. «Интернет вещей»	18,5	21,5
3. Искусственный интеллект	3,6	5,8
4. Радиочастотная идентификация (RFID)	13,7	15,3
5. «Цифровой двойник»	0,6	0,5

Примечание. Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

цифровых технологий в организациях ежегодно увеличивается (таблица 1) [3].

За последние 2 года использование искусственного интеллекта в организациях Республики Беларусь увеличилось на 1,6 процентных пункта и составило 5,8%. Внедрение технологий ИИ характерно для предприятий с высоким уровнем цифрового развития (например, система IMS ОАО «БелАЗ», система контроля искусственным интеллектом средств индивидуальной защиты УП «Витебскоблгаз» и др.).

В Беларуси искусственный интеллект применяется во многих отраслях экономики: начиная от космоса, заканчивая сельским хозяйством и социальной сферой. В Минске разработана нейросеть «ДиаГноз», анализирующая рентгеновские снимки с точностью 97% — выше, чем у среднего врача-рентгенолога. Система внедрена в 15 поликлиниках, выявляет ранние стадии туберкулеза и пневмонии. Ученые из Белорусского государственного университета создали ИИ-модель для прогнозирования осложнений COVID–19, которая по 23 параметрам (от уровня лейкоцитов до данных КТ) предсказывает риск цитокинового шторма за 48 часов до его начала [4].

Стартап OneSoil из Гродно использует спутниковые снимки и ИИ для анализа состояния посевов. Алгоритмы экономят фермерам до 30% удобрений, точно определяя проблемные участки полей. В сотрудничестве с Минским тракторным заводом разрабатывается автопилот для белорусских комбайнов — система тестируется на опытных сельскохозяйственных угодьях в Гомельской области и умеет объезжать препятствия без участия человека. В Правительстве Республики Беларусь определили семь организаций для внедрения и эксплуатации первой очереди информационно-аналитической системы «Цифровая платформа точного земледелия» в 2025–2026 годах

с последующей оценкой эффективности ее применения.

Белорусский автомобильный завод является флагманом мирового машиностроения и пионером внедрения новых технологий. Предприятие последовательно автоматизирует все стадии производства: от проектирования и создания техники с роботизированной системой управления, переходя к технологиям «интеллектуального» карьера с роботизируемым карьерным самосвалом БелАЗ-7558R и дистанционно управляемым погрузчиком БелАЗ-7825D. Информация с бортовых устройств передается и анализируется на серверах интеллектуальной системы. По этим данным строятся многофакторные математические модели характерных состояний карьерного транспорта и параллельно осуществляется мониторинг и анализ состояния техники. Участие человека в управлении техникой отсутствует — его функции выполняет специальный интеллектуальный модуль [5].

Согласно проекту «Национальной стратегии устойчивого развития страны до 2040 года» технологии искусственного интеллекта станут неотъемлемой частью всех отраслей белорусской экономики. ПРООН и Министерством связи и информатизации Республики Беларусь провели в 2024–2025 гг. комплексную оценку готовности Беларуси к цифровой трансформации, выявив следующие проблемы при внедрении ИИ.

Отмечено отставание республики по ключевым параметрам: инновации, инфраструктура, доступность данных и человеческий капитал. 43% белорусов никогда не пользовались ИИ-технологиями, и лишь 20% регулярно их используют. По адаптации к искусственному интеллекту в мировом рейтинге страна занимает 113-е место из 160. Приведенные показатели сопоставимы с глобальной статистикой ПРООН: 36% жителей

планеты никогда не взаимодействовали с ИИ. Белорусское общество демонстрирует технооптимизм: 57% опрошенных верят в помощь ИИ в решении социальных, экономических и экологических проблем. Однако 21% выражают опасения создания новых проблем цифровыми технологиями [1].

Двойственность современного развития ИИ обусловлена тем, что, с одной стороны, он способствует экономическому росту, а с другой — усиливает социальное неравенство. Автоматизация и роботизация заменяют труд людей в промышленности, транспорте, логистике, финансах и в сфере услуг. Рабочие с низкой квалификацией теряют работу, а высококвалифицированные специалисты в сферах ИИ, цифровых и информационно-коммуникационных технологий становятся все более востребованными.

Согласно данным сайта rabota.by в Беларуси растет число вакансий для специалистов, способных использовать нейросети и алгоритмы. Только за первые месяцы 2025 года размещено 802 вакансии и 3551 резюме с упоминанием ИИ — больше, чем за весь 2022 год. Работодатели чаще всего ищут специалистов, способных использовать нейросети и алгоритмы в следующих областях: информационные технологии (48,6% вакансий с ИИ), маркетинг, реклама и PR (37,3%), строительство и недвижимость (18,7%), искусство и масс-медиа (16,2%), продажи и клиентский сервис (8,3%). Медианная зарплата в вакансиях с упоминанием ИИ на 22% выше средней по рынку. Однако ожидания соискателей превышают предложения на 19%, свидетельства о высокой оценке собственной квалификации и растущем спросе на таких специалистов [6].

Специалисты, владеющие ИИ и технологиями, становятся все более востребованными, а рабочие с низкой квалификацией теряют работу. Следовательно, образовательные проекты являются важным элементом адаптации к изменениям рынка труда. Согласно государственной программе «Цифровая трансформация Беларуси–2030» планируется переподготовка и повышение квалификации 50 тыс. работников в IT-академии и через онлайн-курсы. Но в Программе развития ООН отмечается недостаточный охват IT-технологиями малых городов и сельских регионов, создаются риски роста социального цифрового неравенства и новой волны роста урбанизации.

Ключевая проблема в Беларуси — неравномерное распределение благ от внедрения ИИ, так как 80% IT-специалистов сконцентрированы

в Минске, а в регионах сохраняется дефицит кадров, обладающих цифровыми компетенциями. В регионах высококвалифицированные специалисты сталкиваются с проблемой достойной оплаты, усиливающей их миграцию в областные центры и столицу. Широко распространен уход программистов во фриланс и работа их на зарубежные компании, что негативно отражается на экономическом развитии Беларуси [7].

Правоохранительные органы противостоят вызовам, связанными с незаконным оборотом персональных данных, их утечкой и фейками. Определение достоверности и ценности информации становится значительно сложнее. При помощи дезинформации и дипфейков, созданных нейросетями, можно эффективно манипулировать общественным мнением, провоцировать кризисы, подрывая доверие и стабильность общества.

Социальные риски несет чрезмерная зависимость от искусственного интеллекта. Для анализа медицинских данных и постановки диагнозов все активнее используется искусственный интеллект, вызывая опасность профессиональной деградации медиков, которые могут переставать принимать самостоятельные решения, полностью полагаясь на ИИ. В образовании искусственный интеллект ускоряет процесс анализа данных, поиска информации, написания текста, что может приводить к снижению навыков критического мышления, стимулировать потерю индивидуальности, творческого подхода.

Работа ИИ требует мощных компьютеров, хранилищ данных, сетевого оборудования, электроэнергии и других ресурсов, сопряженных с высокими затратами и недостаточной доступностью их внутри страны. Возможная зависимость искусственного интеллекта от зарубежных технологических платформ и сервисов может ограничивать независимость и безопасность страны.

Сотрудниками БГУИР был проведен опрос на тему применения искусственного интеллекта, в котором приняли участие порядка 530 топ-менеджеров компаний Беларуси. Большинство респондентов представляли сферы финансов и IT, где там наиболее активно внедряется ИИ. Согласно опросу топ-менеджеры белорусских компаний считают ключевым недостатком искусственного интеллекта «непредсказуемое поведение в нестандартных ситуациях». Некоторые отмечали возможность ИИ распространять ложную информацию и давать бизнесу неоднозначные рекомендации. В таблице 2 сведены данные о недостатках

Таблица 2 — Недостатки использования искусственного интеллекта

Недостатки использования искусственного интеллекта	Доля, %
1. Непредсказуемость в нестандартных ситуациях	42
2. Распространение ложной информации	13
3. Отсутствие ответственности	12
4. Невозможность управления вручную в особых случаях	10
5. Неоднозначный эффект в бизнесе	9
6. Утечка персональной информации	5

Примечание. Данные опроса сотрудников БГУИР.

использования искусственного интеллекта в бизнесе.

Анализ данных таблицы свидетельствует, что 42% опрошенных главным недостатком ИИ считают «непредсказуемое поведение в нестандартных ситуациях», 13% указали на распространение ложной информации, 12% респондентов — на отсутствие ответственности, 10% отмечали невозможность ручного управления в критических ситуациях, 9% — неоднозначный эффект в бизнесе, но только 5% респондентов обеспокоены утечкой личных данных.

Для защиты от непредсказуемости ИИ около 26% опрошенных считают необходимым использовать государственное регулирование. Однако в Беларуси пока нет отдельного закона об искусственном интеллекте. Недостаток законодательной и нормативной базы создает серьезную проблему, но работа в этом направлении ведется. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 года предоставляет право резидентам Парка высоких технологий осуществлять деятельность в сфере ИИ. В апреле 2025 года Межпарламентской ассамблеей СНГ одобрен проект модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта». При внедрении искусственного интеллекта не обойтись без государственного регулирования в связи с использованием нейросети в военной сфере и на стратегических объектах. Белорусский технический комитет по разработке стандартов внедрения искусственного интеллекта в ключевых секторах экономики в дополнение к профильному Модельному закону СНГ разработал глоссарий в сфере ИИ, включающий порядка 180 терминов. Проводится большая работа по созданию концепции развития искусственного интеллекта. В системе электронного правительства Республики Беларусь планируют ввести ИИ-ассистентов.

Анализ результатов опроса показывает, что наиболее перспективными для применения технологии искусственного интеллекта респонденты считают сферы развлечения, образования, финансов и здравоохранения. У 72% респондентов искусственный интеллект затрагивает до 10% бизнес-процессов в компаниях. В подобных исследованиях, проводимых в США, получены схожие результаты: среди всего бизнеса — 4–6%, среди IT-компаний — до 17%.

Преимущество ИИ отмечает большая часть респондентов: в возможности минимизации издержек — 51%, в учете максимально объема данных — 11%, в неэмоциональных бизнес-решениях — 9%.

Большинство респондентов уверены, что в ближайшем будущем ИИ будет составлять отчеты и планы, оценивать и прогнозировать финансовые показатели компании (таблица 3).

Необходимо отметить, что респонденты планируют «отдать» ИИ рутинные и креативные бизнес-процессы: начиная с документооборота — 58%, заканчивая аналитикой и прогнозированием развития компании — 17%.

Согласно Республиканскому опросу, проведенному Центром социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета, в апреле 2025 года белорусы считают, что цифровые технологии с элементами искусственного интеллекта, в первую очередь, необходимо внедрять в сфере здравоохранения (56,6%), образования (51,7), финансов (39,3), промышленности (40,2%). На рисунке 2 представлены приоритетные сферы для внедрения цифровых технологий, в том числе и технологий искусственного интеллекта.

Исследование показывает последовательную работу в Беларуси над решением вышепе-

Таблица 3 — Планируемые способы применения ИИ

Способы применения ИИ	Доля, %
1. Документооборот	58
2. Составление и визуализация отчетов и планов	56
3. Создание текстов и изображений	39
4. Статистика продаж и прогнозирование покупательского спроса	32
5. Оценка и прогноз финансовых показателей компании	17

Примечание. Данные опроса БГУИР.

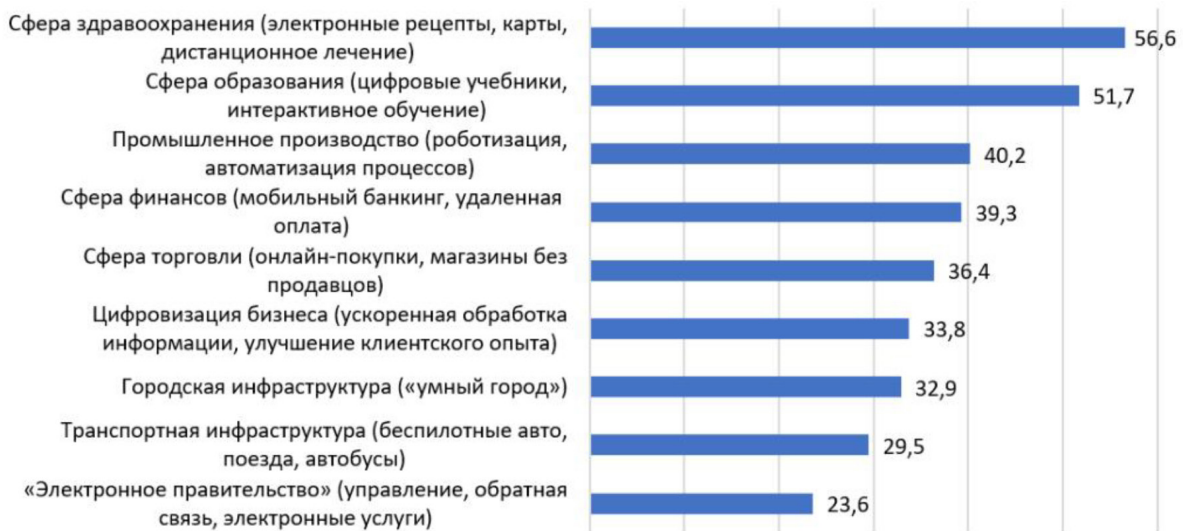

Рисунок 2 — Приоритетные сферы для внедрения цифровых технологий, в %*

Примечание. Центр социально-гуманитарных исследований БГЭУ.

речисленных проблем и созданием условий для внедрения ускоренного развития информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта.

В стране использование искусственного интеллекта бизнесом постепенно набирает обороты. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь использование искусственного интеллекта в организациях страны за последние 2 года увеличилось на 1,6 процентных пункта.

Двойственное влияние на экономику Беларуси искусственного интеллекта выражается: с одной стороны, в стимулировании роста высокотехнологичных секторов, с другой — угрозой стабильности традиционных отраслей. Несмотря на позитивные эффекты, сосредоточенные в IT-сфере, для предотвращения социальной напряженности необходимо расширять региональные программы

переподготовки, стимулировать внедрение ИИ в малый и средний бизнес.

При внедрении ИИ возникают следующие потенциальные проблемы:

- » недостаток квалифицированных кадров, способных работать с ИИ;
- » угрозы конфиденциальности и безопасности данных;
- » недоверие к искусственному интеллекту;
- » региональное и отраслевое неравенство.

Работа ИИ требует мощных компьютеров, хранилищ данных, сетевого оборудования, других ресурсов, высоких затрат, сопряженных с недоступностью их внутри страны. Возможная зависимость от зарубежных технологических платформ и сервисов может ограничивать независимость и безопасность страны.

В настоящее время в Беларуси отдельный закон об искусственном интеллекте находится

на стадии разработки и требует утверждения. Недостаток законодательной и нормативной базы создает серьезную проблему, но активная работа ведется в этом направлении. Создан технический комитет по разработке стандартов внедрения искусственного интеллекта в ключевые секторы экономики.

Искусственный интеллект уже вошел в деловой оборот и интеллектуальную сферу, его применяют в IT, образовании и рекламе, здравоохранении, промышленности, сельском хозяйстве и финансовом секторе.

ИИ становится все доступнее, сферы его применения постоянно расширяются, способствуют ускорению внедрения информационно-коммуникационных технологий в экономику и социальную сферу. Последовательное развитие инфраструктуры, подготовка квалифицированных кадров и участие в международных инициативах формируют прочную основу для устойчивого экономического развития страны.

Заключение. Аналогично мировой тенденции, в Республике Беларусь в настоящее время происходит рост использования ИИ, при этом влияя как положительно, так и отрицательно. С одной стороны стимулируется рост высокотехнологичных секторов, а с другой — создается угроза стабильности традиционных отраслей. Главные проблемы возникают на этапе внедрения: нехватка высококвалифицированных кадров и вычислительных мощностей, недостаток законодательной и нормативной базы, недоверие к ИИ, безопасности и конфиденциальности данных. Нейросети становятся доступнее, их сферы применения расширяются, вместе с ростом использования в предпринимательстве, что лишний раз подчеркивает: последовательное развитие инфраструктуры, подготовка квалифицированных кадров и участие в международных инициативах

формируют прочную основу для устойчивого экономического развития страны.

Литература

1. Искусственный интеллект в Беларуси: вызовы и возможности. — URL: <https://www.undp.org/ru/belarus/stories/iskusstvennyy-intellekt-v-belarusi-vyzovy-i-vozmogh> (дата обращения: 27.10.2025).
2. Поможет ли искусственный интеллект стать белорусам успешнее. — URL: https://www.bitrix24.by/press-release/investigations/pomozhet-li-iskusstvennyy-intellekt-stat-belorusam-uspeshnee.php?utm_source=myfin&utm_medium=cpv&utm_campaign=by_ai3 (дата обращения: 27.10.2025).
3. Использование цифровых технологий в организациях по территории Республики Беларусь. — URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10306000012> (дата обращения: 27.10.2025).
4. Нейросеть ставит диагноз? Рассказываем про новейшие разработки для белорусских медиков. — URL: <https://belta.by/tech/view/nejroset-stavit-diagnoz-rasskazyvaem-pro-novejshie-razrabotki-dlja-belorusskih-medikov-595680-2023/> (дата обращения: 27.10.2025).
5. В Беларуси ИИ внедряют в экономику ради снижения издержек. — URL: <https://rg.ru/2025/05/14/kod-myslej.html> (дата обращения: 27.10.2025).
6. Как ИИ меняет рынок труда: рост зарплат, новые профессии и страхи работников. — URL: <https://money.onliner.by/2025/05/16/kak-ii-menyat-rynok-truda-rost> (дата обращения: 27.10.2025).
7. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда: глобальные тенденции и специфика Беларуси. — URL: <https://apni.ru/article/11889-vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-rynok-truda-globalnye-tendencii-i-specifika-belarusi> (дата обращения: 27.10.2025).
8. Забродская, Н.Г. Влияние цифровизации, искусственного интеллекта на занятость и образование / Н.Г. Забродская // Бизнес. Образование. Экономика: V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4–5 апр. 2024 г.: сб. ст. / редкол.: Н.В. Манцура [и др.]. — Мн.: Ин-т бизнеса БГУ, 2024. — С. 50–53.
9. Забродская, Н.Г. Налогообложение, криптовалюта и цифровые деньги / Н.Г. Забродская // Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст. / Ин-т бизнеса БГУ. — Мн., 2025. — Вып. 11. — С. 95–101.

Поступила в редакцию 18.12.2026

УДК 159.944.4:378.244.1:612.01

Влияние экзаменационного стресса на различные сферы личности в аспекте биопсихосоциодуховной парадигмы

Крестьянинова Т.Ю., Морожанова М.М., Питкевич Э.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются проявления экзаменационного стресса в парадигме биопсихосоциодуховного подхода к структуре личности.

Цель публикации — изучить влияние экзаменационного стресса на различные сферы личности студентов в рамках биопсихосоциодуховной парадигмы, рассматривая стресс как динамическую целостность взаимосвязанных биологических, психологических, социальных и духовно-экзистенциальных процессов.

Материал и методы. *В исследовании приняли участие 63 студента Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (7 юношей, 56 девушек; средний возраст $19,73 \pm 1,3$ года). Применен комплексный методологический подход: (1) объективная оценка функционального состояния с помощью аппаратно-программного комплекса «Омега-М» (регистрация показателей variability сердечного ритма до и после экзамена); (2) сбор субъективных отчетов о переживаниях в период сессии с последующим тематическим анализом для реконструкции феноменологии стресса. Статистическая обработка количественных данных выполнена с использованием t-критерия Стьюдента для связанных выборок.*

Результаты и их обсуждение. *Выявлена асинхронная динамика восстановления: после экзамена психологические показатели (психическая стабильность и эмоциональная стабильность) нормализовались быстрее вегетативных — индекс напряжения оставался повышенным, что формирует «физиологический след» стресса и риск накопления напряжения при последовательных экзаменах. Качественный анализ раскрыл экзистенциальное измерение стресса, который может функционировать как ресурс синхронизации разошедшихся процессов восстановления: осмысление пережитого позволяет трансформировать физиологическое напряжение из угрозы в формирование стойкости.*

Заключение. *Экзаменационный стресс представляет собой целостный феномен, где биологическое, психологическое и духовное измерения неразрывно переплетены. Для эффективной поддержки студентов в период сессии необходима интеграция релаксационных практик (работа с телом) и пространства для экзистенциальной рефлексии (работа со смыслом), что способствует не просто снижению симптомов, но интеграции стрессового опыта.*

Ключевые слова: *биопсихосоциодуховный подход, личность, экзаменационный стресс, функциональное состояние, психофизиологическое состояние.*

The Impact of Exam Stress on Various Aspects of Personality in the Context of the Biopsychosocial and Spiritual Paradigm

Krestyaninova T.Yu., Morozhanova M.M., Pitkevich E.S.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article discusses the manifestations of exam stress in the paradigm of the biopsychosocial and spiritual approach to personality structure.

The aim of the study is to study the impact of exam stress on various areas of students' personality within the framework of the biopsychosocial and spiritual paradigm, considering stress as a dynamic integrity of interrelated biological, psychological, social, and spiritual existential processes.

Material and methods. *The study involved 63 students of Vitebsk State P.M. Masherov University (7 boys, 56 girls; average age 19.73±1.3 years). A comprehensive methodological approach was applied: (1) objective assessment of the functional state using the Omega-M hardware and software package (registration of heart rate variability before and after the exam); (2) collection of subjective reports on experiences during the session, followed by thematic analysis to reconstruct the phenomenology of stress. Statistical processing of quantitative data was performed using the Student's t-test for related samples.*

Findings and their discussion. *Asynchronous dynamics of recovery was revealed: after the exam, psychological indicators (mental stability and emotional stability) returned to normal faster than vegetative ones — the stress index remained elevated, which forms a "physiological trace" of stress and the risk of stress accumulation during consecutive exams. A qualitative analysis revealed the existential dimension of stress, which can function as a resource for synchronizing divergent recovery processes: understanding the experience allows you to transform physiological stress from a threat into the formation of resilience.*

Conclusion. *Exam stress is a holistic phenomenon where biological, psychological, and spiritual dimensions are inextricably intertwined. To effectively support students during the session, it is necessary to integrate relaxation practices (working with the body) and a space for existential reflection (working with meaning), which contributes not only to reducing symptoms, but also to integrating stressful experiences.*

Key words: *biopsychosocial and spiritual approach, personality, examination stress, functional state, psychophysiological state.*

Современная психологическая наука все чаще обращается к целостным, интегративным подходам для понимания сложных феноменов человеческого функционирования. Одним из таких подходов является психобиосоциодуховная парадигма, предлагающая рассматривать человека как единство четырех взаимосвязанных сфер: биологической, психологической, социальной и духовной. Структурно эти сферы голографически формируют «матрешку», где духовные потребности формируют ее внешний контур, ограничивающий, регулирующий цели и способы их достижения, а также масштабы контуров социальных, психологических и биологических [1]. Здоровье рассматривается как фундаментальный индикатор онтогенеза, отражающий уровень биологической и социальной адаптации индивида. Формирование состояния здоровья студенческой молодежи происходит в конкретных социально-экономических условиях, которые определяют специфику жизнедеятельности данной группы. Существенным фактором, влияющим на здоровье обучающихся, является сам процесс получения высшего образования, характеризующийся высокой интенсивностью интеллектуальной нагрузки и значительным количеством стрессогенных ситуаций. Психоэмоциональное напряжение студентов в период обучения в УВО обусловлено множеством

причин, среди которых ведущую позицию занимает экзаменационный стресс, выступающий одним из наиболее выраженных факторов дезадаптации. Период подготовки к экзаменационным испытаниям характеризуется совокупностью стрессогенных стимулов, оказывающих комплексное воздействие на психофизиологическое состояние обучающихся. К числу таких факторов относятся интенсивная когнитивная деятельность, сопровождающаяся значительным увеличением статической нагрузки при ограничении двигательной активности, нарушения режима сна и отдыха, а также эмоциональные переживания, связанные с возможными изменениями социального статуса студентов.

Современные исследования подтверждают, что экзаменационный стресс сопровождается достоверными физиологическими изменениями: изменяется функциональное состояние нервной, сердечно-сосудистой и иммунной систем обучающихся. Более того, выявлены данные о его потенциальной способности индуцировать нарушения в генетическом аппарате клеток, что коррелирует с повышением риска онкологических заболеваний [2]. Ю.В. Щербатых было показано, что так называемый академический стресс влиял на такие гематологические показатели, как число эритроцитов, процентное содержание в них гемоглобина, показатель

гематокрита и другие важные параметры крови [3, 4]. Согласно данным российских исследователей, в период экзаменационной сессии у студентов фиксируются выраженные нарушения механизмов вегетативной регуляции сердечно-сосудистой системы [3–5]. Продолжительное и интенсивное эмоциональное напряжение способно инициировать активацию как симпатического, так и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы, а также провоцировать переходные процессы, сопровождающиеся дисбалансом вегетативного гомеостаза и повышенной лабильностью сердечно-сосудистых реакций на стрессовые воздействия [4; 6]. После завершения экзаменационного испытания физиологические показатели не демонстрируют немедленного восстановления. Для нормализации параметров артериального давления и стабилизации функциональных систем организма, как правило, требуется несколько суток, что свидетельствует о пролонгированном характере воздействия экзаменационного стресса на физиологическое состояние студентов [3; 4].

В зарубежных работах последних лет доминирует когнитивно-поведенческий подход к пониманию экзаменационного стресса. Так, на психологическом уровне экзаменационный стресс может выражаться в виде когнитивных нарушений (трудности концентрации, забывчивости), эмоциональных реакций (тревога, страх неудачи, раздражительность, чувство безнадежности), поведенческих проявлений (прокрастинация, избегание подготовки, импульсивность). Исследования подчеркивают и роль оценочных процессов: восприятие экзамена как угрозы личности, а не как задачи, которую нужно решить, предсказывает более высокий уровень стресса [6]. Социальный контекст также влияет на проявления экзаменационного стресса, ключевыми факторами здесь выступают: поддержка со стороны преподавателей, семьи и сверстников, сравнение себя с другими студентами, что в конечном итоге сказывается и на психологическом благополучии студентов [7]. Рассмотренные выше подходы, несомненно, предоставляют ценные данные о распространенности и физиологических коррелятах экзаменационного стресса, упуская описание его глубинных, контекстуально специфических и духовно-экзистенциальных измерений в целостном переживании субъекта. Экзаменационный стресс может затрагивать и духовную сферу через: кризис смысла, потерю веры в собственные силы, диссонанс между личными ценностями и требованиями учебного процесса.

Таким образом, результаты большинства исследований свидетельствуют о том, что экзаменацион-

ный стресс представляет собой значимый фактор риска для здоровья студентов. Особая актуальность данной проблемы обусловлена ее массовым характером, ежегодно затрагивающим тысячи обучающихся в стране. Исходя из этого, целью данного исследования явилось изучение влияния экзаменационного стресса на различные сферы личности в аспекте биопсихосоциодуховной ее структуры, где стресс понимается не как сумма биологических, психологических и социальных факторов, а как их динамическая, контекстуально обусловленная целостность.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Было обследовано 63 студента, 7 юношей и 56 девушек в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст составил 19,73±1,3 года). Инструментарий эмпирического исследования состоял из совокупности методов, которые позволяют определить объективные и субъективные показатели экзаменационного стресса.

Для исследования изменений в биологической и психологической сфере личности использовали данные, полученные с помощью аппаратно-программного комплекса «Омега-М» («Динамика», г. Санкт-Петербург), а именно объективные показатели функционального и психоэмоционального состояния. Аппаратно-программный комплекс «Омега-М» позволяет в течение нескольких минут оценить состояние вегетативной и нейрогуморальной регуляции, адаптационные возможности и психоэмоциональное состояние и получить комплексную оценку функционального состояния на момент обследования, а при регулярных обследованиях контролировать эффективность различных методов терапии. С помощью комплекса «Омега-М» оценены следующие параметры: уровень адаптации организма (УАО); показатель вегетативной регуляции (ПВР); показатель центральной регуляции (ПЦР); психоэмоциональное состояние (ПЭС); интегральный показатель состояния (ИПС); средний RR-интервал; индекс вегетативного равновесия (ИВР); показатель адекватности процессов регуляции (ПАПР); вегетативный показатель ритма (ВПР); индекс напряжения (ИН); интегральные показатели центрального управления (D1, D2).

Определение функционального и психоэмоционального состояния студентов проводилось во временном интервале 8.00–14.00 дважды, непосредственно перед сдачей экзамена и сразу после него. Перед проведением исследования все участники были опрошены об имеющихся отклонениях,

связанных с кардиореспираторной системой, а также о каких-либо заболеваниях в острой форме. При наличии какой-либо подобной особенности студент не допускался к исследованию. Были соблюдены все возможные меры по стандартизации условий регистрации записи: время суток, занимаемое положение тела и окружающее пространство, наличие в лаборатории одного исследователя.

Ход исследования представлял собой регистрацию электрокардиограммы в I стандартном отведении в положении сидя с помощью программно-аппаратного комплекса «Омега-М». Оценка функционального состояния проводилась по данным вегетативного баланса [8]. Вегетативный баланс оценивался по показателям вариабельности сердечного ритма (ВСР). В работе использовался временный и спектральный анализ вариабельности сердечного ритма. Для обнаружения сдвига в показателях был использован критерий t-Стьюдента для связанных выборок.

Как уже отмечалось ранее, стресс не может быть адекватно описан через единственный уровень анализа. Широкий спектр проявления стресса на собственном психологическом, социальном и духовном уровнях выявлялся через анализ переживаний студентов, которые были получены посредством их субъективных отчетов. Феноменологическая уникальность переживания отражает смысловой контекст, который опосредует связь между биологическим возбуждением и поведенческими реакциями. Более того, активное конструирование реальности через описание переживаний позволяет реконструировать когнитивные схемы оценки студентами экзаменационной ситуации. Участникам исследования было предложено дать свободное описание: «Опишите ключевые переживания во время этой экзаменационной сессии, связанные с подготовкой к экзаменам или с самими экзаменами. Какие ощущения в теле, мысли и чувства Вы замечали в моменты наибольшего напряжения? Как это повлияло на Ваше состояние?» Для минимизации эффекта социальной желательности использовался принцип анонимности. В дальнейшем из полученных самоотчетов методом целевой выборки были отобраны респонденты, демонстрировавшие наибольшее разнообразие переживаний по критерию максимальной вариативности и содержательности (n-19), фрагменты которых используются в тексте. Анализ качественных данных производился с помощью тематического анализа [8] с ориентацией на биопсихосоциодуховную парадигму исследования. Первичные коды группировались в предварительные темы по принципу концептуального сходства,

при этом ключевым методологическим решением категоризации являлось использование биопсихосоциодуховной модели не как априорной схемы наложения, а как эвристического фильтра для выявления взаимосвязей между темами.

Результаты и их обсуждение. В ряде исследований, посвященных влиянию экзаменационного стресса на биологическую и психологическую сферу личности, с использованием аппаратно-программного комплекса «Омега-М» для регистрации изменений, было показано, что учебная нагрузка в первой и второй половинах учебного дня не приводит к заметным снижениям функциональных возможностей организма. Государственный экзамен по физиологии для студентов 2 курса в летней экзаменационной сессии к моменту его завершения в 13–14 часов снижает функциональный резерв организма на 30–50% по отношению к исходному до получения экзаменационного билета. Было отмечено достоверное снижение показателей психоэмоционального состояния, энергетического обеспечения организма к концу занятия отражается в понижении общего уровня функционального состояния [9].

Анализ динамики показателей средних значений до и после экзамена (таблица) выявляет характерную картину постстрессового расслабления с элементами неполной вегетативной перезагрузки.

Так, относительная динамика показателей указывает на то, что экзаменационная нагрузка вызвала у студентов двухфазную вегетативную реакцию. До экзамена: состояние вегетативной дисгармонии отражено сочетанием недомобилизации соматовегетативных систем (низкие УАО — 59,7%; ПВР — 59,6%) с избыточной парасимпатической активностью (ПАПР — 58,3%) и выраженным центральным напряжением (ИН — 164). Кроме этого, данный уровень характеризуется доминированием негативных мыслей и аффективных переживаний. Субъективные отчеты демонстрируют спектр переживаний от умеренной тревожности до выраженной паники и ощущения потери контроля: «Сердце колотится уже с утра. Даже если я знаю материал — в голове пустота. Кажется, что сейчас зайду в аудиторию и забуду все. Дышать тяжело... как будто грудную клетку сдавили», или «Я ночь не спал нормально. И вот сижу, руки влажные, в животе — “ком”, мысли путаются, как это унять, я не знаю». Часть респондентов описывала состояние как фоновое, но регулируемое: «У меня есть легкий мандраж»; «Переживаю, но это привычное состояние перед экзаменом. Как будто выходишь на старт, адреналин есть, но он помогает». Также

Таблица — Среднегрупповые данные показателей функционального и психоэмоционального состояния до и после экзамена

	УАО	ПВР	ПЦР	ПЭС	ИПС	RR	ИВР	ВПР	ПАПР	ИН	D1	D2
до экзамена	59,7	59,6	61,0	62,1	60,5	667,0	194,2	0,4	58,3	164,0	52,8	46,5
после экзамена	69,5	73,4	70,4	67,6	70,2	710,3	143,7	0,4	49,4	122,0	46,5	56,3
Норма	60–100%					600–1200	35–145	0,25–0,6	15–50	10–100	60–100%	

в отчетах ярко представлены соматические корреляты стресса, которые часто становились основным объектом жалоб респондентов на повышенное возбуждение и нарушения сна: «Сердце стучит чаще, даже когда просто сажусь за стол. Засыпаю по 2–3 часа, просыпаюсь среди ночи от собственных мыслей»; соматические симптомы и мышечное напряжение: «За неделю до экзамена начинает болеть желудок, пропадает аппетит. Шея и плечи каменные, к вечеру голова раскалывается»; «В день экзамена руки ледяные и потеют, а внутри все сжимается». Переживания также отражают изменения в паттернах повседневной активности, направленные на совладание со стрессом или, напротив, свидетельствующие о дезадаптации: «Я ухожу в учебу с головой, любое свободное время без дела усиливает тревогу». И противоположный паттерн: «Постоянно откладываю подготовку. Вместо чтения конспекта переставляю книги на полке, убираюсь, листаю ленту. Понимаю, что время уходит, и от этого еще хуже, но начать не могу». Изменения в социальном взаимодействии: «Становилось очень раздражительным, срываюсь на близких из-за мелочей. Потом жалко, но в момент не могу сдержаться»; «Ищу, с кем бы поговорить об экзамене, жаловаться или вместе повторять. Одиночество становится невыносимым». Следовательно, такая картина типична для «стресса ожидания» — тревожного антиципирования без адекватной физиологической подготовки.

После экзамена: восстановление УАО и ПВР до нормы, а также снижение высоких значений ИВР и ПАПР говорит о частичной нормализации регуляторных систем. Однако сохраняющееся превышение индекса напряжения (ИН-122) указывает на незавершенное восстановление — физиологические системы вышли из острого стресса, но не достигли базового уровня расслабления.

Следовательно, в рамках настоящего исследования можно сделать вывод, что экзаменационная нагрузка вызывает у студентов неполную после-стрессовую регуляцию: несмотря на снижение индекса напряжения и рост кардиоинтервалов, сохраняется дисбаланс вегетативной нервной системы (высокий ИВР, низкий ПАПР). Студенты отмечают, что «как только вышла — сразу заплакала. Не от обиды, а от облегчения. Села на лавочку, глубоко вдохнула»; «руки перестали дрожать. Даже голод появился — до экзамена есть не мог. Уже после, когда с друзьями шли в кафе, смеялись, шутили, стало проясняться в голове». Таким образом, период восстановления переживается не как смена мыслей, а как возвращение ощущения телесной целостности: студенты говорят, что «снова чувствуют свое дыхание», «сердце успокаивается», «тело становится своим». Именно через эти телесные ощущения они начинают осознавать, что напряжение прошло, и можно расслабиться: «Даже сердце еще колотилось, но как только понял — сдал, — сразу стало легко на душе»; «Руки дрожали еще минут десять, но мысль “я это сделал” перевесила все». Для них безопасность переживается, прежде всего на физиологическом уровне как прекращение внутреннего напряжения и возврат к ощущению контроля над собственным состоянием. Полученный результат также согласуется с исследованиями, утверждающими, что завершение экзамена изменяет первичную оценку ситуации с «угрозы» на «успешно преодоленный вызов», что запускает каскад позитивных эмоциональных и физиологических изменений [10]. Такая картина соответствует состоянию «вегетативного эха» стресса — физиологической готовности к новой нагрузке при недостаточном восстановлении, что требует применения релаксационных практик в межсессионный период.

Также в ходе тематического анализа текстовых самоотчетов студентов возникла центральная тема — «экзамен как ситуация, в которой академическая задача трансформируется в вопрос о собственной состоятельности». Эта тема сформировалась в процессе итеративного кодирования «от данных», что подтверждает ее эмпирическую валидность в рамках подхода, предложенного В. Браун и В. Кларк [8]. Первичное обращение к данным выявило повторяющиеся коды: «было бы стыдно перед собой», «стыдно не за оценку, а за то, кем я окажусь в глазах преподавателя», «как будто проверяют не знания, а мою способность быть психологом». Эти коды, сформулированные на языке самих респондентов, указывали на качественное отличие переживания от классической экзаменационной тревоги. На этапе кластеризации кодов в предварительные темы обнаружилась бинарная структура стыда: направленность «вовне» (стыд перед преподавателем как носителем профессионального идеала) и направленность «вовнутрь» (стыд перед собой, своими ценностями). Однако успешная сдача экзамена дает студенту не только уверенность в своих знаниях, но и глубокое переживание: «Я достоин быть здесь». Именно это переживание лежит в основе роста чувства контроля и самооценки: «Я справился с трудной задачей — значит, справлюсь и в следующий раз», и речь здесь идет не о когнитивной уверенности («я знаю, что смогу»), а об экзистенциальном ощущении внутренней опоры, возникшей через преодоление преграды («мне кажется, я стал сильнее»). Важно отметить тот факт, что респонденты описывали внутреннюю опору даже при сохранении физиологического напряжения, следовательно, духовный уровень можно представить как самостоятельный регулятор, способный компенсировать дисбаланс на других уровнях. Таким образом, качественный анализ позволяет реконструировать экзаменационный стресс не как одномерное переживание тревоги, а как целостный феномен, в котором аффективные, телесные и экзистенциальные измерения неразрывно переплетены. Игнорирование этого измерения ведет к редукции стресса до симптомокомплекса и утрате понимания его трансформационного потенциала.

Применение t-критерия Стьюдента для связанных выборок выявил достоверные различия ($p < 0,01$) по ключевым показателям вегетативной регуляции, что позволяет описать динамику стресс-реакции как многоуровневый процесс дезинтеграции и последующей неполной реинтеграции регуляторных систем. Достоверное снижение индекса

вегетативного равновесия ($t = -8,34; p < 0,001$) на фоне одновременного снижения индекса напряжения ($t = -7,89; p < 0,001$) отражает диссоциацию периферической и центральной регуляции в постстрессовый период. Такая диссоциация типична для «психофизиологического следа» стресса: тело начинает расслабляться, но психика продолжает функционировать в режиме тревожной готовности. Значимый рост показателей вегетативной (ПВР $t = 5,67; p < 0,001$) и центральной регуляции (ПЦР $t = 4,21; p < 0,001$) после экзамена демонстрирует мобилизацию адаптационных резервов в ответ на стрессовую нагрузку, то есть умеренный стресс также может выступать фактором раскрытия скрытых адаптационных ресурсов организма. Снижение показателя активности парасимпатической регуляции ($t = -3,84; p < 0,001$) при одновременном росте RR-интервалов ($t = 4,12; p < 0,001$) отражает активный восстановительный режим с сохранением вариабельности сердечного ритма (ВГР остался стабильным на уровне 0,4 с). Полученные в рамках настоящего исследования соответствуют модели «восстановительной вариабельности» [10], где парасимпатическая активность выступает не как пассивное торможение, а как динамический регулятор гомеостаза.

О психоэмоциональной стабилизации как результате успешного преодоления стресса говорит достоверный рост показателей эмоциональной ($t = 3,45; p < 0,01$) и психической стабильности ($t = 5,88; p < 0,001$). При этом рост ИПС (+9,7%) превышает изменения по физиологическим показателям, что указывает на приоритетность когнитивной оценки ситуации («я справился») над физиологическим состоянием в формировании субъективного ощущения благополучия. Также можно отметить, что значимые различия в динамике спектральных компонент — снижение D1 ($t = -4,02; p < 0,001$) и рост D2 ($t = 4,37; p < 0,001$) отражают переход от режима «стрессовой мобилизации» к режиму «восстановительной регуляции».

Таким образом, экзаменационный стресс запускает асинхронную динамику восстановления, где психологическая сфера демонстрирует более быструю нормализацию по сравнению с вегетативной регуляцией: студенты могут субъективно ощущать себя отдохнувшими и готовыми к следующей нагрузке, тогда как их вегетативная система остается в состоянии повышенного напряжения (ИН > 100). При последовательных экзаменах в рамках сессии такая асинхронность может привести к накоплению физиологического стресса при отсутствии субъективного сигнала тревоги — фактору риска для развития истощения и психосоматических

расстройств. Этот разрыв между тем, как человек себя ощущает, и тем, как функционирует его тело, создает некоторую уязвимость. Студент полагает, что готов к следующему экзамену, в то время как его организм еще не завершил восстановление. При плотном графике сессии такое накопление «невидимого» напряжения может привести к истощению.

Качественный анализ переживаний раскрывает иной аспект этой картины. В самоотчетах студентов обнаруживается измерение, которое не сводится ни к тревоге, ни к физиологическому напряжению, но пронизывает оба этих уровня — экзистенциальное пространство смысла. Здесь экзамен перестает быть проверкой знаний и становится моментом между внутренним состоянием и реальным поведением: «Смогу ли я остаться тем, кем себя считаю, даже когда страшно?» А успешное преодоление сопровождается не просто облегчением, а уверенностью в своих силах и себе. Именно в этом переживании раскрывается ресурсная функция духовного измерения. Респонденты описывали состояние, когда после экзамена они чувствовали напряжение в теле — дрожь в руках, тяжесть в груди — но уже не как угрозу, а как «пройденного пути». Физиологическое напряжение не исчезало мгновенно, но менялся его смысл: из сигнала тревоги оно превращалось в свидетельство собственной стойкости.

Заключение. Таким образом, количественные данные выявляют асинхронию в динамике восстановления после экзамена: в то время как психологические показатели (эмоциональная и психическая стабильность) быстро возвращаются к норме, вегетативная система сохраняет признаки напряжения, формируя своего рода «физиологический след» пережитого стресса. Этот разрыв между субъективным ощущением готовности к новой нагрузке и объективным физическим состоянием создает уязвимость — студент может последовательно проходить экзамены, не замечая накопления физиологического напряжения, что повышает риск истощения к концу сессии.

Качественные методы раскрывают проявления стресса на духовно-экзистенциальном уровне, который выступает как пространство смысловой интеграции, где физиологическое напряжение перестает быть угрозой и обретает значение «того, что я могу перенести, оставаясь собой». Отсюда следует практический вывод, выходящий за рамки традиционных рекомендаций, — релаксационные техники

и нормализация режима сна необходимы — они работают с телом, но этого не всегда достаточно. Не менее важно создавать условия для осмысления пережитого — возможность проговорить не только «как я волновался», но и «что этот экзамен открыл мне о себе». Именно такая рефлексия, как показывает качественный анализ, может стать местом соединения между разошедшимися уровнями восстановления, позволяя студенту не просто «отдохнуть», но интегрировать стрессовый опыт.

Литература

1. Карпов, А.М. Системная биопсихосоциодуховная профилактика радикализма, экстремизма и терроризма: монография / А.М. Карпов. — Казань: ИД «МеДДоК», 2018. — 172 с.
2. Соловьев, С.В. Функциональное состояние сердечно-сосудистой системы студенток 2 курса ХГМИ в условиях экзаменационного стресса / С.В. Соловьев, Е.Ю. Шаламова, Е.В. Хорошилова, Л.В. Прояева // ВЕСТНИК Курганского государственного университета. — 2009. — № 1. — С. 13–16.
3. Щербатых, Ю.В. Экзамен и здоровье / Ю.В. Щербатых // Высшее образование в России. — 2000. — № 3. — С. 53–56.
4. Щербатых, Ю.В. Экзаменационный стресс / Ю.В. Щербатых. — Воронеж, 2000. — 120 с.
5. Спицин, А.П. Особенности структуры сердечного ритма у лиц молодого возраста в зависимости от доминирующего типа вегетативной нервной системы / А.П. Спицин // Человек и его здоровье. — 2017. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-struktury-serdechnogo-ritma-u-lits-molodogo-vozrasta-v-zavisimosti-ot-dominiruyuschego-tipa-vegetativnoy-nervnoy-sistemy> (дата обращения: 24.12.2025).
6. Waterhouse, P. R. University Students' Coping Strategies to Manage Stress: A Scoping Review / P. Waterhouse, R. Samra // Educational Review. — 2025. — P. 1–41.
7. Фомина, Т.Г. Стресс в образовательной среде и его влияние на академическую успешность и психологическое благополучие обучающихся / Т.Г. Фомина, Е.В. Филиппова, А.В. Бурмистрова-Савенкова, В.И. Моросанова // Национальный психологический журнал. — 2024. — № 19(4). — С. 148–160.
8. Braun, V. Using thematic analysis in psychology / V. Braun, V. Clarke // Qualitative Research in Psychology. — 2006. — № 3(2). — P. 77–101.
9. Крестьянинова, Т.Ю. Показатели функционального состояния студентов специальностей спортивного и неспортивного профиля при адаптации к обучению в УВО / Т.Ю. Крестьянинова, Н.А. Тишутин, Э.С. Питкевич // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2022. — № 3. — С. 56–65.
10. Thayer, J.F. Claude Bernard and the heart-brain connection: Further elaboration of a model of neurovisceral integration / J.F. Thayer, R.D. Lane // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. — 2009. — № 33(2). — P. 105–116.

Поступила в редакцию 16.02.2026

Модель оценки оптико-пространственной функции у пациентов с нарушениями мозгового кровообращения

Лакутин А.А., Смычек В.Б., Авин А.И.

Республиканский научно-практический центр медицинской экспертизы и реабилитации

Диагностика с использованием нейропсихологических тестов постинсультных пространственных нарушений при наличии сопутствующей церебральной болезни мелких сосудов сопряжена с трудностями дифференциальной оценки первичных и вторичных нарушений оптико-пространственной функции (ОПФ) у пациентов с нарушениями мозгового кровообращения (НМК).

Цель статьи — разработать модель оценки ОПФ у пациентов с НМК.

Материал и методы. *Всего в исследовании приняли участие 124 (М/Ж=29 (23,4%)/95 (76,6%)) пациента вследствие перенесенного инфаркта мозга (пациенты в позднем восстановительном периоде и в периоде последствий перенесенного острого НМК) и хронических НМК, т.е. дисциркуляторной энцефалопатией. Средний возраст пациентов составил 73±7,67 года. В работе использовался клинико-нейропсихологический метод исследования (нейропсихологическое тестирование) и методы статистической обработки данных.*

Результаты и обсуждение. *Полученные результаты исследования показали, что применяемые в клинической практике тесты для оценки пространственных нарушений у пациентов с НМК обнаруживают чувствительность не только к нарушениям ОПФ, но и сопутствующим нарушениям лобно-регуляторной функции (ЛРФ). Указанные данные позволили разработать прогностически эффективную модель оценки ОПФ у пациентов с НМК в зависимости от суммарного балла по шкале оценки ЛРФ ($AUC=0,942$ (95% ДИ 0,893–0,992)), что дает возможность проводить оценку нарушений ОПФ независимо от нарушений ЛРФ.*

Заключение. *Результаты исследования свидетельствуют о том, что модель оценки ОПФ у пациентов с НМК является статистически обоснованным инструментом, который позволяет провести диагностику оптико-пространственных нарушений при сопутствующих, часто наблюдаемых у данной группы пациентов нарушениях ЛРФ.*

Ключевые слова: *нарушения мозгового кровообращения, дисциркуляторная энцефалопатия, лобно-регуляторная функция, оптико-пространственная функция, нейропсихологические тесты, инфаркт мозга.*

Model for Assessing Optical-Spatial Function of Patients with Cerebral Circulation Disorders

Lakutin A.A., Smychek V.B., Avin A.I.

Republic Scientific and Practical Center for Medical Expertise and Rehabilitation

Diagnosis using neuropsychological tests of post-stroke spatial disorders in the presence of concomitant cerebral small vessel disease is associated with difficulties in the differential assessment of primary and secondary disorders of visuospatial function (VF) of patients with cerebrovascular disorders (CVD).

The purpose of the article is to develop a model for assessing VF of patients with CVD.

Material and methods. *The study enrolled 124 patients with cerebrovascular disorders (M/F = 29 (23.4%) / 95 (76.6%)), including: patients after cerebral infarction (patients in the late recovery period and in the period of consequences of an acute cerebrovascular accident); patients with dyscirculatory encephalopathy. The average age of the patients was 73±7.67. A clinical neuropsychological research method (neuropsychological testing) and statistical data processing methods were used.*

Findings and their discussion. *The results showed that tests for assessing spatial impairments used in clinical practice are sensitive not only to impairments in frontal-regulatory function (FRF) but also to VF. These data made it possible to develop a prognostically efficient model for assessing VF of patients with CVD based on the total score on the FRF assessment scale ($AUC=0.942$ (95% CI 0.893–0.992)), which makes it possible to assess VF disorders independently of FRF disorders.*

Conclusion. *The results of the study showed that the VF assessment model of patients with CVD is a statistically valid tool that allows for the diagnosis of visuospatial disorders of patients with concomitant FRF disorders, which are frequently observed in this patient group.*

Key words: *cerebrovascular disorders, dyscirculatory encephalopathy, frontal-regulatory function, visuospatial function, neuropsychological tests, cerebral infarction.*

Пространственные нарушения могут возникнуть вследствие двух патогенетических вариантов развития сосудистых когнитивных нарушений (СКН). Первый вариант связан с болезнью мелких сосудов (БМС) головного мозга — наиболее

частой причиной подкорковой СКН и нарушений мозгового кровообращения (НМК) в целом [1; 2]. Второй вариант — в результате коркового инсульта или коркового варианта СКН, являющегося также распространенной причиной НМК

Таблица 1 — Нозологическая структура клинической группы (n=124)

Диагноз	Кол-во пациентов	Распределение пациентов по диагностическим категориям МКБ-10						
		I63.3	I63.4	I63.9	I69.3			
Инфаркт мозга	30 (24,2%)	2	1	6	21			
		I65.0	I67.2	I67.4	I67.8	G93.8		
ДЭ 1-й стадии	40 (32,2%)	1	16	3	16	4		
		F01.1	F01.3	I67.2	I67.4	I67.8	G93.8	G98.0
ДЭ 2-й стадии	43 (34,7%)	1	1	14	2	12	12	1
		F01.3	F01.8	I67.4	I67.8	G93.8		
ДЭ 3-й стадии	11 (8,9%)	6	1	1	1	2		

в Республике Беларусь по данным Министерства здравоохранения за 2020 год [3].

При подкорковом варианте СКН пространственные нарушения развиваются вследствие патологии церебральных мелких подкорковых сосудов, обеспечивающих трофическую функцию подкорковых базальных ядер, связанных функциональной сетью «лобные доли — базальные ганглии» [2]. В данном случае пространственные нарушения имеют вторичный характер, поскольку переработка и использование пространственной информации требует частую участия исполнительных функций [4].

В свою очередь при корковом варианте СКН в области заднетеменных отделов коры головного мозга возникают первичные пространственные нарушения [5]. Их специфика зависит от стороны поражения: при повреждении правого полушария возникает нарушение пространственного зрительного гнозиса, схемы тела, пространственного праксиса, при повреждении левого — добавляются трудности использования и понимания вербально-пространственных связей (семантическая афазия, нарушения счетных операций).

В обоих указанных случаях нарушение переработки пространственной информации обнаруживается в разных модальностях: гнозиса, речи, счета, праксиса.

Исходя из сказанного выше, диагностика с использованием нейропсихологических тестов постинсультных пространственных нарушений при наличии сопутствующей церебральной БМС сопряжена с трудностями дифференциальной оценки первичных и вторичных нарушений оптико-пространственной функции (ОПФ). Это нередко приводит к тому, что истинный характер и степень нарушений ОПФ остаются неверифицированными, что, в свою очередь, искажает

представление о реабилитационном потенциале пациента. Как следствие, лечебно-восстановительные мероприятия могут быть несвоевременными или неадекватными структуре дефекта, что не только снижает возможность восстановления данной функции из-за упущенного времени, но и препятствует выбору эффективной, патогенетически обоснованной стратегии нейрореабилитации.

Таким образом, актуальным представляется разработать модель оценки ОПФ у пациентов с НМК.

Цель исследования — разработать модель оценки ОПФ у пациентов с НМК

Материал и методы. Всего в исследовании приняли участие 124 (М/Ж=29 (23,4%)/95 (76,6%)) пациента вследствие перенесенного инфаркта мозга (пациенты в позднем восстановительном периоде и в периоде последствий перенесенного острого НМК) и хронических НМК, т.е. дисциркуляторной энцефалопатией (ДЭ). Средний возраст пациентов составил 73±7,67 года. В работе использовался клиничко-нейропсихологический метод исследования (нейропсихологическое тестирование) и методы статистической обработки данных.

Нозологическая структура клинической группы представлена в таблице 1.

Критериями включения являлись: подписанное информированное согласие на участие в исследовании, наличие инфаркта мозга и хронических нарушений мозгового кровообращения (ДЭ). Критерии исключения: неподписанное информированное согласие на участие в исследовании, наличие сенсорных и острых психотических нарушений (бред, галлюцинации), затрудняющих оценку когнитивных функций.

Всем респондентам выполнялось клиничко-нейропсихологическое исследование с использованием шкалы оценки лобно-регуляторной

функции (ЛРФ) ввиду ее высоких психометрических характеристик [6] и тестов для оценки пространственных нарушений [7; 8].

Набор респондентов осуществлялся в ГУЗ «Минский областной клинический госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны имени П.М. Машерова» и ГУ «РНПЦ психического здоровья». Каждый респондент в рамках участия в исследовании подписывал форму информированного согласия, одобренную по итогам заседания комиссии по вопросам медицинской этики и деонтологии (№ 1 от 17.01.2024).

В работе был использован клинико-нейропсихологический метод исследования с использованием тестовых заданий для оценки пространственных нарушений (ПН).

На основе содержательного анализа трудности и стимульного материала тестовых заданий был осуществлен отбор нейропсихологических тестов для оценки пространственных нарушений (ПН), направленных на диагностику семантической афазии, оптико-пространственной агнозии и пространственной апраксии. Нейропсихологические тесты для оценки акалькулии в данной работе не были использованы в силу того, что данное расстройство обычно отмечается вместе с семантической афазией.

С учетом предварительных оценок трудностей и характера стимульного материала был составлен перечень тестов для оценки ПН:

– тест «Перерисовка двумерных изображений» используется для оценки пространственного праксиса [7]. Данный тест выполнялся в конфигурации без поворота фигур. От испытуемого требовалось перерисовать двумерные изображения по зрительному образцу. Данный тест не требует проведения дополнительных операций, связанных с поворотом фигур, анализом глубины или представлением их в необычном ракурсе. Вероятно, указанный тест в большей мере обладает легкой степенью трудности или чувствительностью в отношении выраженных оптико-пространственных нарушений;

– тест «Ориентации линий» направлен на оценку оптико-пространственного гнозиса [8]. Испытуемому требуется показать, какая из линий (отрезков) соответствует линиям определенного наклона. Вероятно, указанный тест в большей мере будет соответствовать легкой степени трудности, в связи с тем, что не требуется использования дополнительных операции по преобразованию;

– тест «Речевая форма пробы Хеда» направлен на оценку понимания лево/правосторонних отно-

шений [8]. Указанный тест позволяет определить наличие семантической афазии, нарушения конструктивного праксиса. От пациента по вербальной инструкции требуется правой/левой рукой указать правую/левую часть тела. Например, указать левой рукой — правый глаз. Данный тест является вербальной формой пробы Хеда. Помимо вербальных указаний, в данном тесте в отличие от невербальной пробы Хеда, отсутствует необходимость пространственного сличения поз по зрительному образцу для избегания зеркальных ошибок. Следовательно, данный тест предположительно обладает легкой степенью трудности;

– тест «Понимание пространственных отношений» между предметами направлен на оценку наличия семантической афазии [8]. От испытуемого требуется расположить конкретные предметы в определенной позиции. Например, положить ручку перед книгой, книгу за ручкой, ручку под книгу, но над тетрадь. Данный тест включает использование одного или двух предлогов, что вероятно характеризует его степень трудности как среднюю;

– в тесте «Перерисовка объемных изображений» от испытуемого требуется перерисовать три трехмерные фигуры [7]. Учитывая, что помимо ориентации фигуры, требуется перенести пространственную глубину изображения, то данный тест предположительно имеет среднюю или более высокую степень трудности для пациентов с ОПФ. Данный тест направлен на оценку пространственного праксиса, пространственного гнозиса;

– тест «Воспроизведение соотносительного положения кистей двух рук» требует копировать позы рук по изображению или экспериментатора, расположенного напротив испытуемого [7]. Сложность данного теста состоит в мысленном вращении поз рук с целью избежать зеркальных ошибок. Указанный тест вероятнее всего имеет выраженную степень трудности. Направлен на оценку пространственного праксиса.

Таким образом, перечень заданий для оценки ПН у пациентов с НМК составили: тест «Перерисовка двумерных изображений», тест «Ориентации линий», тест «Речевая форма пробы Хеда», тест «Понимание пространственных отношений», тест «Перерисовка объемных изображений», тест «Воспроизведение соотносительного положения кистей двух рук».

Для классификации пространственных тестовых заданий был использован модульный подход в обработке здесь и далее — конвенциональной

Таблица 2 — Перечень тестов оценки ПН с учетом их предполагаемой трудности и типа задания

Перечень тестов для оценки ПН	Предполагаемая трудность	Тип задания
Перерисовка двумерных изображений	Легкая	Конвенциональный
Ориентации линий	Легкая	
Речевая форма пробы Хеда	Легкая	
Тест на понимание пространственных отношений	Средняя	Неконвенциональный
Копирование объемных изображений	Средняя	
Воспроизведение соотносительного положения кистей двух рук	Высокая	

и неконвенциональной информации [9]. Под конвенциональной понимается обычная, часто используемая информация, для обработки которой достаточно ограниченное количество хорошо усвоенных в памяти действий, не требующих дополнительных операций. Например, для зрительного предметного восприятия было отмечено, что пациенты могут правильно опознавать реалистичные объекты и/или их изображения в случае явных повреждений участков мозга вне затылочной коры. В этом отношении реалистичные предметы с точки зрения опознавания являются конвенциональной информацией. В свою очередь, неконвенциональная (необычная) информация для обработки требует использования расширенного набора характеристик, дополнительных операций по переработке. Данное положение означает, что при подаче неконвенциональной информации для ее обработки требуется вовлечение не только процессов, связанных с оптико-пространственной информацией, но и других функций, главным образом лобно-регуляторной. Например, было показано, что опознавание изображений с недостающими деталями нарушается как при повреждении затылочной коры, так и при повреждении заднетеменных и передних отделов головного мозга. В контексте данной работы при повреждении заднетеменных отделов коры мозга нарушается способность в переработки конвенциональной и неконвенциональной информации. Однако при использовании тестов для оценки ПН с неконвенциональным типом заданий ошибки могут возникать в случае нарушений ЛРФ, при интактности заднетеменных отделов коры головного мозга.

Статистические методы обработки данных. С целью сравнительного анализа двух выборок, характеризующихся частотой невыполнения тестовых заданий для оценки ОПФ, был использован точный критерий Фишера (ТКФ). Данный

критерий использовался в том случае, если частота встречаемости анализируемого признака в одной или двух выборках была менее 10. При частоте встречаемости анализируемого признака более 10, использовался критерий χ^2 Пирсона.

В представленной работе также был использован ROC-анализ с целью установить, какое значение (порог) выраженности нарушений ЛРФ позволяет дифференцировать испытуемых правильно и неправильно выполнивших тестовые задания для оценки ОПФ.

Сравнительный анализ четырех подгрупп по степени выраженности нарушений ЛРФ в зависимости от результатов выполнения тестов для оценки ПН проводился с помощью непараметрического однофакторного дисперсионного анализа Н-критерия Краскела–Уоллиса. Данный анализ позволяет обнаружить наличие статистически значимых различий ($p < 0,05$) средних рангов в четырех группах испытуемых.

Результаты и их обсуждение. Первоначально перечень отобранных тестов для оценки ПН был теоретически разделен на конвенциональные и неконвенциональные с точки зрения обработки информации и с учетом предполагаемой трудности стимульного материала. Данный перечень представлен в таблице 2. Согласно приведенным данным конвенциональным тестам соответствовала легкая степень трудности в силу отсутствия дополнительных операций по преобразованию связанных с исполнительными функциями (подробнее в разделе «материал и методы»). В свою очередь неконвенциональным — средняя и высокая степень трудности, т.к. в данных тестах имеются дополнительные операции по преобразованию.

Для оценки наличия или отсутствия ПН по результатам тестирования с использованием представленного перечня тестов для оценки ПН (таблица 2) также применен конвенциональный и неконвенциональный подход в обработке

Таблица 3 — Распределение групп пациентов с нарушением ЛРФ и наличием/отсутствием нарушения ОПФ в зависимости от результатов выполнения нейропсихологических тестов для оценки ПН с конвенциональным типом заданий

Пациенты с нарушением ЛРФ и отсутствием/наличием нарушения ОПФ	Конвенциональные тесты для оценки ПН		
	Копирование двумерных изображений	Ориентация линий	Речевая форма пробы Хеда
Отсутствие нарушений ОПФ (n=95)	1 (1%)	1 (1%)	2 (2,1%)
Наличие нарушений ОПФ (n=26)	10 (38,5%)	14 (53,8%)	15 (57,7%)

информации. Как было теоретически отмечено в разделе «Материал и методы», лобно-регуляторные нарушения, то есть не связанные «напрямую» с обработкой пространственной информации, при интактности заднетеменных отделов коры, позволяет пациентам верно выполнять тесты с конвенциональным типом заданий. В случае же повреждения заднетеменных отделов коры наиболее вероятно стоит ожидать ошибок в тестах с конвенциональным и неконвенциональным типом заданий.

Учитывая вышесказанное, критериями отсутствия нарушения ОПФ у пациентов с НМК являлись:

» правильное выполнение перечня тестов для оценки ПН конвенционального типа или легкой степени трудности;

» неправильное выполнение перечня тестов для оценки ПН конвенционального типа или легкой степени трудности, однако правильное выполнение тестов неконвенционального типа.

Критерием наличия нарушений ОПФ у пациентов с НМК являлось неправильное выполнении перечня тестов конвенционального и неконвенционального типа для оценки ПН, заметное увеличение латентного периода выполнения указанных тестов, жалобы на трудности ориентации в пространстве.

По результатам проведенного тестирования с использованием нейропсихологических тестов для оценки ПН с конвенциональным типом заданий (таблица 3) у пациентов с нарушением ЛРФ и без нарушений ОПФ сопоставлялись с данными результатов тестирования у пациентов с нарушением ЛРФ и вероятным нарушением ОПФ. Результаты тестирования указанных групп пациентов представлены в таблице 3. В ходе количественной оценки данных с использованием ТКФ отмечено, что в группе пациентов с нарушением ОПФ значимо превалирует ($p < 0,001$) процент

(38,5%) невыполнения теста «Копирование двумерных изображений» с конвенциональным типом задания, чем в группе пациентов без ОПФ (1%). Значимая статистическая разница ($p < 0,001$) по частоте невыполнения теста «Ориентация линий» отмечена между группами пациентов с нарушением ОПФ (53,8%) и без нарушений ОПФ (1%). Процент невыполнения теста «Речевая форма пробы Хеда» в группе с нарушением ОПФ (57,7%) также был значимо больше ($p < 0,001$), чем в группе пациентов без нарушений ОПФ (2,1%).

Представленные результаты демонстрируют, что нейропсихологические тесты с конвенциональным типом заданий позволяют выявить нарушения ОПФ у пациентов с нарушением ЛРФ. Стоит также отметить различную частоту невыполнения указанных тестов в группе с нарушением ОПФ. При этом общая частота невыполнения хотя бы одного 1 из 3 тестов для оценки ПН конвенционального типа в группе пациентов с нарушением ОПФ составила 20 случаев (77%). Следовательно, чтобы повысить вероятность обнаружения нарушений ОПФ по всей видимости следует использовать несколько, в данном случае три нейропсихологических теста для оценки ПН с конвенциональным типом заданий. Полученные данные также показывают, что указанные тесты можно проводить в независимости от степени выраженности нарушений ЛРФ. Это свидетельствует о том, что данные нейропсихологические тесты содержат стимульный материал или задания конвенционального типа.

Был проведен сопоставительный анализ результатов выполнения неконвенциональных тестов (таблица 4) для оценки ПН в группах пациентов с нарушением ЛРФ и наличием/отсутствием нарушения ОПФ. Распределение частоты невыполнения трех указанных тестов в двух группах пациентов представлены в таблице 4. Согласно

Таблица 4 — Распределение групп пациентов с нарушением ЛРФ и наличием/отсутствием нарушения ОПФ в зависимости от результатов выполнения неконвенциональных тестов для оценки ПН

Пациенты с нарушением ЛРФ и отсутствием/наличием нарушения ОПФ	Неконвенциональные тесты для оценки ПН		
	Понимание пространственных отношений	Копирование объемных изображений	Воспроизведение соотносительного положения кистей двух рук
Отсутствие нарушения ОПФ (n=95)	53 (55,8%)	34 (35,8%)	82 (86,3%)
Наличие нарушения ОПФ (n=26)	26 (100%)	25 (96,1%)	25 (96,1%)

представленным результатам в группе пациентов с нарушением ОПФ (100%) отмечается значимое превалирование ($\chi^2=25,81$; $p<0,001$) частоты невыполнения теста «Понимание пространственных отношений», чем в группе пациентов без нарушений ОПФ (55,8%). Значимая статистическая разница ($\chi^2=9,32$; $p=0,0023$) в процентном соотношении также отмечена в тесте «Копирование объемных изображений» между группой пациентов с нарушением ОПФ (69,2%) и без нарушения ОПФ (35,8%). В тесте «Воспроизведение соотносительного положения кистей двух рук» значимой статистической разницы в процентном соотношении в группах пациентов с нарушением ОПФ и без нарушения ОПФ обнаружено не было ($\chi^2=1,93$; $p=0,1647$).

Согласно полученным данным в обеих группах пациентов обнаруживаются ошибки при выполнении тестов для оценки ПН с неконвенциональным типом заданий. Ошибки при выполнении указанных тестов в группе пациентов без нарушений ОПФ наиболее вероятно связаны с наличием нарушения ЛРФ, в связи с тем, что данные тесты связаны с обработкой пространственной информации неконвенционального типа. Полученные результаты сравнительного анализа продемонстрировали более высокую частоту невыполнения тестов «Понимание пространственных отношений» и «Копирование объемных изображений» в группе пациентов с нарушениями ОПФ, за исключением теста «Воспроизведение соотносительного положения кистей двух рук». Также, учитывая данные частотного анализа, отсутствует разница в результатах выполнения всех неконвенциональных тестов в группе пациентов с нарушением ОПФ, что может указывать на возможность применения 1 из 3 данных тестов для оценки ПН.

Далее был проведен анализ взаимосвязи значений мер выраженности нарушений ЛРФ

и результатов выполнения нейропсихологических тестов для оценки ПН с неконвенциональным типом заданий. Для этой цели был использован статистический Н-критерий Краскала–Уоллиса. Категории 0 соответствовали пациентам с нарушением ЛРФ, правильно выполнившие все 3 теста с неконвенциональным типом заданий; категории 1 — выполнившие правильно 2 из 3 тестов; категории 2 — выполнившие правильно 1 из 3 тестов; категории 3 — не выполнившие правильно ни одного из 3 тестов. Сравнительный анализ показал наличие статистически значимых различий ($H=15,425$; $p<0,001$) средних рангов в четырех группах пациентов. Было определено, что в первой группе пациентов (категория 0) средний ранг выраженности нарушений ЛРФ принял значение $\bar{R}=22,14$; во второй группе (категория 1) — $\bar{R}=43,16$; в третьей группе (категория 2) — $\bar{R}=44,32$; в четвертой группе (категория 3) — $\bar{R}=62,00$. Полученные результаты показывают: чем больше выраженность нарушений ЛРФ, тем хуже пациенты справлялись с указанными тестами.

Затем был проведен анализ пороговых значений с целью установить, какое значение выраженности нарушений ЛРФ позволяет разделить пациентов, правильно выполнивших все 3 теста для оценки ПН с неконвенциональным типом заданий и не выполнивших от 1 до 3 указанных тестов. Оценка осуществлялась с использованием ROC-кривой. В качестве показателя чувствительности — пациенты с нарушением ЛРФ, не выполнившие от 1 до 3 тестов для оценки ПН с неконвенциональным типом заданий; в качестве показателя специфичности — пациенты с нарушением ЛРФ, выполнившие правильно все 3 данных теста. На рисунке 1 представлена ROC-кривая зависимости чувствительности от доли ложноположительных случаев (1-специфичность).

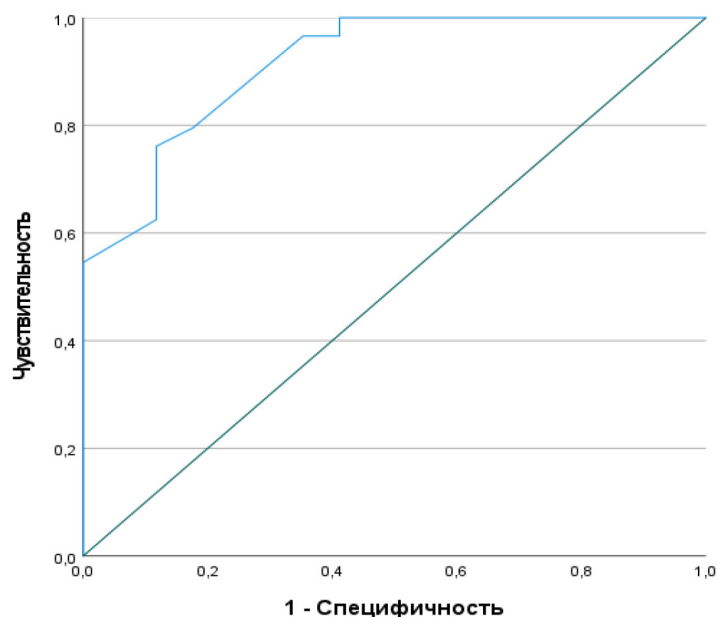

Рисунок 1 — ROC-кривая дифференцирующая пациентов, верно выполнивших 3 теста для оценки ПН и не выполнивших от 1 до 3 данных тестов

По результатам оценки показатель площади под кривой принял значение $AUC=0,942$ (95% ДИ 0,893–0,992). Согласно J-индексу Юдена ($J=0,738$) 6 баллов по шкале оценки ЛРФ являются оптимальным пороговым значением, которому соответствуют максимальные показатели чувствительности ($Se=0,761$) и специфичности ($Sp=0,997$). Среди группы пациентов, верно выполнивших указанные тесты, моделью были спрогнозированы следующие результаты: в 99,7% случаев пациенты, набравшие ≤ 6 баллов по шкале оценки ЛРФ, безошибочно будут выполнять указанные тесты; в 0,3% случаев при значении $7 \geq$ баллов пациенты также безошибочно будут выполнять данные тесты, однако моделью будут отнесены к категории «ложноположительные» случаи. При этом для группы пациентов, неверно выполнивших хотя бы 1 из 3 указанных тестов, моделью были спрогнозированы следующие результаты: в 76,1% пациенты, набравшие $7 \geq$ баллов, допустят ошибки по меньшей мере в 1 из 3 неконвенциональных тестов для оценки ПН; в 23,9% случаев при показателях ≤ 6 баллов по шкале оценки ЛРФ пациенты ошибочно выполнят хотя бы 1 из 3 указанных тестов и тем самым будут отнесены моделью к категории «ложноотрицательные» случаи.

Стоит отметить, что для данной модели более важным является показатель чувствительности,

повышение которого, позволит снизить частоту ложноотрицательных случаев, то есть увеличить уверенность модели в том, что пациенты, набравшие меньше порогового значения баллы по шкале оценки ЛРФ будут иметь более низкую вероятность ошибочного выполнения хотя бы 1 из 3 неконвенциональных тестов для оценки ПН. В случае наличия нарушений ОПФ и сопутствующих нарушений ЛРФ повышение чувствительности модели путем изменения порогового показателя позволит снизить вероятность того, что ошибки при выполнении указанных неконвенциональных тестов будут связаны с нарушениями ЛРФ, т.е. повысят дифференцирующую способность модели в оценке двух указанных конструктов.

Исходя из сказанного выше, оптимальным решением будет снизить пороговое значение до 4 баллов по шкале оценки ЛРФ, что позволит повысить чувствительность до 94,3% и снизить специфичность до 76,9%. Следовательно, в группе пациентов, неверно выполнивших хотя бы 1 из 3 данных тестов, моделью будет спрогнозировано следующие: в 94,3% случаях пациенты, набравшие $5 \geq$ баллов, допустят ошибки по меньшей мере в 1 из 3 неконвенциональных тестов, направленных на оценку ПН; в 5,7% случаев при показателях ≤ 4 баллов по шкале оценки ЛРФ пациенты ошибочно выполнят хотя бы 1 из 3 указанных тестов и тем самым будут отнесены

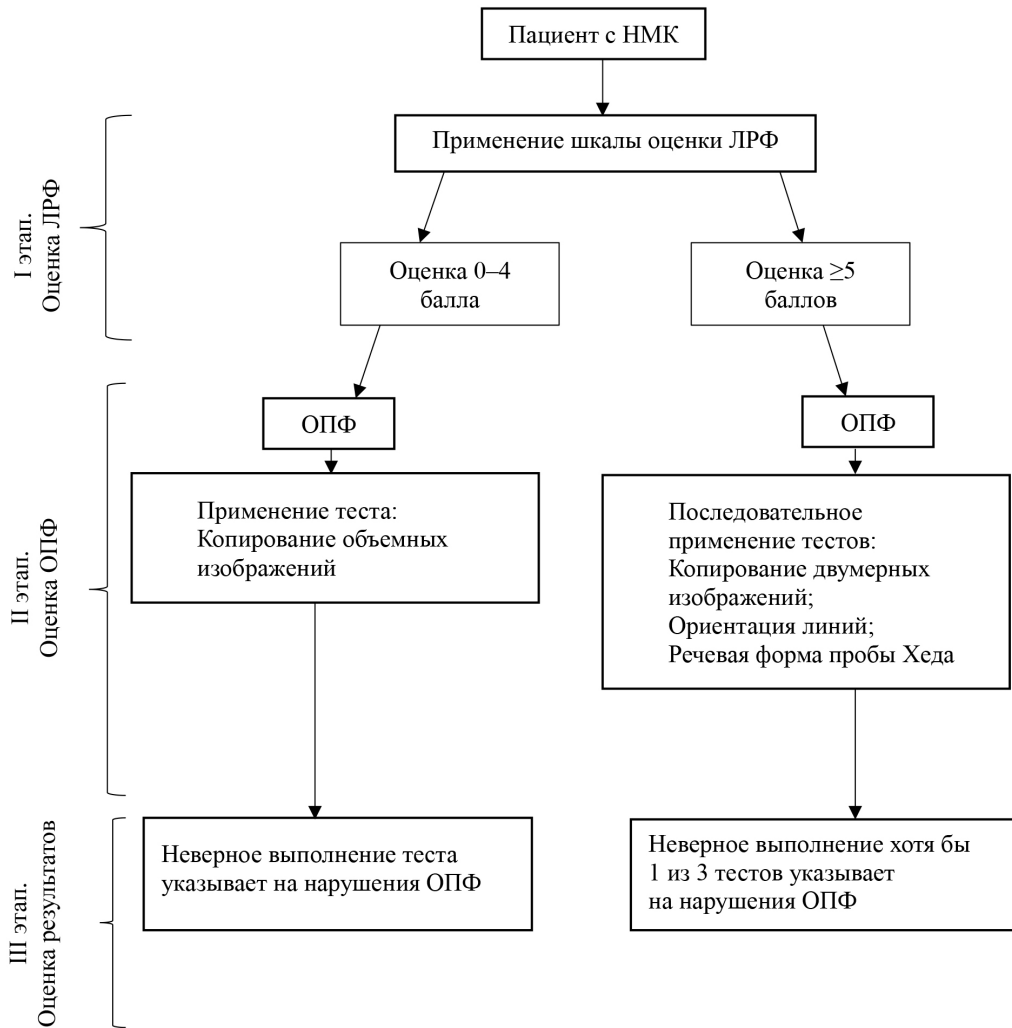

Рисунок 2 — Модель оценки ОПФ у пациентов с НМК

моделью к категории «ложноотрицательные» случаи. Несмотря на то, что последующее снижение еще больше повысит чувствительность, это ограничит «окно» возможностей для применения более чувствительных к незначительным и легким нарушениям ОПФ неконвенциональных тестов для оценки ПН у пациентов с сопутствующими нарушениями ЛРФ.

Полученные результаты позволили разработать модель оценки ОПФ у пациентов с НМК. Указанная модель представлена на рисунке 2. Согласно представленным на рисунке 2 данным на первом этапе реализации модели осуществляется оценка наличия и степени выраженности лобно-регуляторных нарушений пациента с НМК с помощью шкалы оценки ЛРФ. На втором этапе проводится оценка ОПФ с учетом полученных баллов по шкале оценки ЛРФ:

– при оценке 0–4 балла применяется неконвенциональный тест для оценки ОПФ «Копирование объемных изображений»;

– при оценке ≥ 5 применяются последовательно 3 конвенциональных теста для оценки ОПФ: «Копирование двумерных изображений»; «Ориентация линий»; «Речевая форма пробы Хеда».

На третьем этапе подводится оценка ОПФ с учетом выполненных на втором этапе тестов. Неверное выполнение хотя бы 1 из 3 конвенциональных тестов указывает на нарушение ОПФ. Ошибочное выполнении неконвенционального теста «Копирование объемных изображений» — на нарушение ОПФ.

Полученные результаты исследования показали, что применяемые в клинической практике для оценки ПН тесты у пациентов с НМК обнаруживают чувствительность не только к нарушениям

ОПФ, но и сопутствующим нарушениям ЛРФ, т.е. наличие и степень выраженность нарушений ЛРФ влияет на выполнение указанных тестов ($N=15,425$; $p<0,001$).

Теоретически обоснованное, а затем эмпирически подтвержденное, разделение тестов для оценки ПН на конвенциональные и неконвенциональные позволило разработать прогностически эффективную модель оценки ОПФ у пациентов с НМК в зависимости от суммарного балла по шкале оценки ЛРФ ($AUC=0,942$ (95% ДИ 0,893–0,992)), что дает возможность проводить оценку нарушений ОПФ независимо от нарушений ЛРФ.

Заключение. Результаты исследования показали, что модель оценки ОПФ у пациентов с НМК является статистически обоснованным инструментом, который позволяет провести диагностику оптико-пространственных нарушений при сопутствующих, часто наблюдаемых у данной группы пациентов нарушениях ЛРФ.

Исследуемая выборка пациентов с НМК характеризуется различными патогенетическими вариантами возникновения когнитивных нарушений, в том числе связанных с локализацией инфаркта мозга, что указывает на ее «когнитивную неоднородность». Для повышения валидности диагностики ОПФ в разработанной модели использовались пробы различной сложности (как конвенциональные, так и неконвенциональные). Учитывая, что выполнение сложных проб может страдать не только из-за первичных гностических дефектов, но и вследствие лобно-регуляторных нарушений, интерпретация результатов осуществлялась с поправкой на уровень сохранности ЛРФ. Это позволило «очистить» оценку от влияния регуляторных трудностей и обеспечить более точное определение степени тяжести именно оптико-пространственных расстройств.

Таким образом, на наш взгляд полученная модель оценки ОПФ может эффективно применяться при различных заболеваниях, вызывающих когнитивные нарушения.

Разработанная модель может использоваться для диагностики нарушений ОПФ медицинскими работниками, психологами в стационарных и амбулаторных условиях с целью повышения качества медицинской реабилитации.

Литература

1. Боголепова, А.Н. Сосудистые когнитивные нарушения / А.Н. Боголепова // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2022. — Т. 122, № 10. — С. 17–23.
2. Захаров, В.В. Диагностика и лечение сосудистых когнитивных нарушений / В.В. Захаров // Клиницист. — 2023. — Т. 17, № 3. — С. 12–21.
3. Усова, Н.Н. Постинсультные когнитивные нарушения / Н.Н. Усова, А.А. Горшкова // Коллекция гуманитарных исследований. — 2023. — Т. 2, № 35. — С. 48.
4. Буклина, С.Б. Нарушения высших психических функций при поражении глубинных и стволовых структур мозга / С.Б. Буклина. — 2-е изд. — М.: МЕДпрессинформ, 2017. — 312 с.
5. Яхно, Н.Н. Деменции: руководство для врачей / Н.Н. Яхно, В.В. Захаров, А.Б. Локшина. — 3-е изд. — М.: МЕДпресс-информ, 2011. — С. 80.
6. Лакутин, А.А. Психометрические показатели шкалы оценки лобно-регуляторной функции у пациентов с нарушениями мозгового кровообращения / А.А. Лакутин, В.Б. Смычек, А.И. Авин // Zenodo. — 2026. — С. 1–18. DOI: 10.5281/zenodo.18641884.
7. Вассерман, Л.И. Методы нейропсихологической диагностики: практическое руководство / Л.И. Вассерман, С.А. Дорофеева, Я.А. Меерсон. — СПб.: Стройлеспечать, 1997. — 360 с.
8. Бизюк, А.П. Компендиум методов нейропсихологического исследования: метод. пособие / А.П. Бизюк; под ред. И. Авидона. — СПб., 2005. — 397 с.
9. Тонконогий, И.М. Клиническая нейропсихология / И.М. Тонконогий, А. Пуантэ. — СПб.: Питер, 2007. — 528 с.

Поступила в редакцию 11.03.2026

Инклюзивная культура как системообразующий феномен в образовании: определение, структура, функции и индикаторы

Лауткина С.В.¹, Мухина В.А.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Государственное учреждение образования «Детский сад № 53 г. Витебска»

В статье проанализированы подходы к дефиниции и структурно-содержательным компонентам инклюзивной культуры. Дифференцированы близкородственные понятия: инклюзивная культура, инклюзивная готовность, инклюзивная компетентность. Описаны структура, функции, индикаторы инклюзивной культуры и диагностический инструментарий для измерения ее сформированности.

Цель исследования — представить определение, структуру, функции и индикаторы инклюзивной культуры.

Материал и методы. Теоретические методы (формально-логический анализ различных аспектов проблемы; логико-дедуктивный метод); обзор нормативно-правовых актов и статистических данных в области образования; передовой педагогический и психологический опыт.

Результаты и их обсуждение. Существует несколько подходов к определению инклюзивной культуры, включая ее понимание как части общей культуры индивида и общества, элемента организационной и корпоративной культуры, аспекта реализации инклюзии в образовательных учреждениях, составляющей профессиональной педагогической культуры и др.

Дана следующая дефиниция инклюзивной культуры: сложное интегральное поликультурное образование личности, включающее сформированные инклюзивные компетенции, развитое инклюзивное мышление, готовность и способность к работе в инклюзивном образовательном пространстве, характеризующееся высокой внутренней мотивацией, самоорганизацией, ценностной ориентацией, наличием профессионально значимых качеств (любовь к детям, толерантность, эмпатия).

Инклюзивная культура — системообразующий комплекс, слагаемыми которого являются компоненты: мотивационно-ценностный, информационно-коммуникативный, эмоционально-рефлективный и когнитивный. Сформулированы функции каждого из компонентов инклюзивной культуры, подобран диагностический инструментарий для ее измерения.

Заключение. Установлено, что инклюзивная культура — сложный и динамический феномен. Развитие инклюзивной культуры у специалистов должно основываться на ключевых принципах инклюзии: гуманизм, ненасилие, доступность, демократизм, защита, толерантность, информированность, поддержка разнообразия, индивидуальная помощь, активная включенность, сотрудничество всех участников образовательного процесса, педагогический оптимизм и уважение к человеческому разнообразию. Результаты исследования могут быть использованы в консультативной работе, при разработке и апробации образовательных программ по формированию инклюзивной культуры у будущих педагогов и психологов, для измерения ее сформированности у работающих специалистов системы образования.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное образование, принцип инклюзии в образовании, инклюзивная культура, инклюзивная готовность, инклюзивная компетентность, инклюзивное мышление, структура, компоненты, функции, индикаторы, особенности психофизического развития (ОПФР).

Inclusive Culture as a System-Forming Phenomenon in Education: Definition, Structure, Functions and Indicators

Lautkina S.V.¹, Mukhina V.A.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²State Education Establishment "Kindergarten № 53 of the City of Vitebsk"

The article analyzes approaches to the definition and structural and substantive components of inclusive culture. Closely related concepts are differentiated: inclusive culture, inclusive readiness, and inclusive competence. The structure, functions, indicators of inclusive culture, and diagnostic tools for measuring its development are described.

The purpose of the study is to present the definition, structure, functions, and indicators of inclusive culture.

Material and methods. Theoretical methods (formal-logical analysis of various aspects of the problem; logical-deductive method); review of regulatory acts and statistical data in the field of education; advanced pedagogical and psychological practices.

Findings and their discussion. Several approaches exist to defining inclusive culture, including its understanding as part of the general culture of the individual and society, an element of organizational and corporate culture, an aspect of implementing inclusion in educational institutions, a component of professional pedagogical culture, etc.

The following definition of inclusive culture is given: a complex, integrated, multicultural education of the individual, including developed inclusive competencies, developed inclusive thinking, readiness and ability to work in an inclusive educational environment, characterized by high intrinsic motivation, self-organization, value orientation, and the presence of professionally significant qualities (love for children, tolerance, empathy).

Inclusive culture is a system-forming complex, comprised of the following components: motivational-value, information-communication, emotional-reflexive, and cognitive. The functions of each component of inclusive culture are defined, and diagnostic tools for its measurement are selected.

Conclusion. *It has been established that inclusive culture is a complex and dynamic phenomenon. The development of inclusive culture among professionals should be based on key principles of inclusion: humanism, non-violence, accessibility, democracy, protection, tolerance, awareness, support for diversity, individual assistance, active involvement, collaboration among all participants in the educational process, pedagogical optimism, and respect for human diversity. The results of the study can be used in advisory work, in the development and testing of curricula for fostering inclusive culture among would-be teachers and psychologists, and for measuring its development among current education professionals.*

Key words: *inclusion, inclusive education, principle of inclusion in education, inclusive culture, inclusive readiness, inclusive competence, inclusive thinking, structure, components, functions, indicators, characteristics of psychophysical development (CPD).*

Инклюзия — одно из самых обсуждаемых понятий в социуме, политике и науке. Одним из ее ключевых аспектов является инклюзивная культура. Впервые активная риторика в области формирования инклюзивной культуры в учреждениях образования появилась после публикации практического руководства Т. Бута и М. Эйнскоу «Показатели инклюзии». По мнению авторов указанного пособия, именно инклюзивная культура меняет политику и практику образования [1, с. 16].

Дальнейшее обсуждение вопросов определения сущности данного феномена продолжено в публикациях зарубежных, российских и белорусских ученых. Так, инклюзивную культуру рассматривают как часть общей культуры индивида и общества (Т.А. Абрамовских, С.В. Алехина, С.А. Григорьева, А.С. Екушевская, Е.А. Кириллова, Л.Э. Панкратова, Н.Е. Судакова, О.С. Хруль, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.), корпоративной или организационной культуры (С.В. Алехина, А.С. Екушевская, Е.Л. Тихомирова, Е.В. Шадрова, А.Ю. Шеманов, Т. Маак, N. Pless и др.), педагогической культуры (Т.В. Емельянова, Е.И. Пономарева, В.В. Хитрюк и др.); как элемент реализации инклюзивного образования (Н.Г. Сигал, М.А. Колокольцева, Е.И. Попова и др.); как систему отношения к инклюзии субъектов образовательного процесса (Е.Л. Тихомирова, Е.В. Шадрова и др.).

В.А. Кудрявцев, С.Н. Каштанова, Е.А. Ольхина, Е.Ю. Медведева, Н.В. Карпушкина разводят понятия «инклюзивная культура» и «культура инклюзии». С их точки зрения, «культура инклюзии» — это сложный системный социокультурный феномен, предполагающий сформированные идеологию, стратегии, средства, формы, технологии реализации инклюзивного процесса; а «инклюзивная культура» — это организация общедоступного

и безбарьерного культурного пространства [2, с. 31–32]. В этой трактовке авторов феномен «культура инклюзии» несравненно шире «инклюзивной культуры».

В ряде публикаций конкретизировано понятие инклюзивной культуры (Р.М. Айсина, А.С. Брыкова, А.А. Нестерова, О.Ю. Светлакова, В.В. Хитрюк, А.Ф. Гох, Н.Е. Судакова и др.); сформулированы принципы инклюзивной культуры (Н.В. Бабарыкина, Ю.А. Макарова, Е.Л. Тихомирова, О.С. Хруль и др.); выделены структурные компоненты инклюзивной культуры (Н.А. Борисова, Т.В. Гудина, О.А. Денисова, О.Л. Леханова, В.Н. Поникарова, В.В. Хитрюк, О.Б. Янусова); разработаны модели формирования инклюзивной культуры педагогов и других специалистов, в том числе и будущих педагогов (А.П. Антропов, И.В. Возняк, Т.В. Жук, Л.В. Горюнова, В.З. Кантор, Т.В. Лисовская, О.Ю. Светлакова, И.Ю. Турченко, В.В. Хитрюк, О.С. Хруль и др.); описаны инклюзивные условия для различных нозологических групп детей с особенностями психофизического развития (ОПФР) (А.Я. Абкович, Л.В. Шаргородская и др.) и особенности создания для них образовательной среды (Н.Н. Баль, С. Гайдукевич, О.В. Карынбаева, А.С. Сунцова, Л.Г. Олтаржевская, В.А. Ясвин и др.); представлены модели сетевого взаимодействия между субъектами инклюзивного процесса (Т.Н. Байбардина, С.Л. Богомаз, В.Н. Голубовский, Н.В. Жигинас, А.И. Жук, Т.В. Жук, М.Б. Захарова, С.В. Лауткина, Л.Г. Логинова, Н.А. Мёдова, О.В. Огороднова, И.В. Патрушева, А.А. Пивоваров, А.С. Поддубная, Е.В. Самсонова и др.).

По справедливому мнению С.В. Алехиной, главным препятствием в формировании инклюзивной культуры и внедрении инклюзивных практик в образовании является слабая подготовка

и отсутствие квалифицированных специалистов психолого-педагогического профиля [3, с. 35]. Поэтому проблема формирования инклюзивной культуры специалистов, особенно на этапе подготовки к профессиональной деятельности в ходе обучения в учреждении высшего образования, является весьма актуальной. Требуют освещения и обсуждения вопросы планирования, реализации и контроля за формированием инклюзивной культуры у будущих специалистов, измерения ее сформированности уже у работающих в системе образования. Кроме того, необходима дифференциация близкородственных понятий к понятию «инклюзивная культура», таких как «инклюзивная готовность», «инклюзивная компетентность», «профессиональная культура» и др., что и составит предмет настоящего теоретического исследования.

Материал и методы. Теоретические методы (формально-логический анализ различных аспектов проблемы; логико-дедуктивный метод); обзор нормативно-правовых актов и статистических данных в области образования; передовой педагогический и психологический опыт.

Результаты и их обсуждение. В реализации идей интегрированного обучения и воспитания и инклюзивного образования ведущая роль принадлежит государственной политике. Так, Республика Беларусь имеет 30-летний опыт интегрированного обучения и воспитания на уровне дошкольного и общего среднего образования (с 1995 г.). Разработаны и реализованы важные для инклюзивной политики нормативно-правовые документы: Концепция развития инклюзивного образования лиц с ОПФР в Республике Беларусь и Программа по реализации задач Концепции (2015); Конвенция ООН о правах инвалидов (2016) и Национальный план действий по реализации Конвенции на 2017–2025 гг.; Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 гг., 2021–2025 гг.; Концепция развития педагогического образования на 2021–2025 гг.; Концепция развития системы образования до 2030 г. и ряд других.

Одной из ключевых инициатив в реализации принципа инклюзии в образовании стало создание в 2016 году Института инклюзивного образования на базе Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. С 2022 года в ряде университетов Республики Беларусь начата подготовка магистрантов по специальности «Специальное и инклюзивное образование», что свидетельствует о системном подходе к развитию данной области. Важным шагом стало введение в 2012 году в учебные

планы подготовки будущих педагогов непрофильных специальностей дисциплины «Теория и практика специального образования», а с 2022 года — новой дисциплины государственного компонента «Инклюзивная образовательная практика» на всех педагогических специальностях. Принцип инклюзии в образовании был юридически закреплен в новой редакции Кодекса об образовании Республики Беларусь (2022). Параллельно осуществляется подготовка, переподготовка и повышение квалификации педагогических работников, которые будут работать в системе общего, специального образования, а также в условиях интегрированного обучения и воспитания.

Одной из наиболее уязвимых групп в контексте реализации инклюзивной образовательной практики являются обучающиеся с ОПФР. В Республике Беларусь, включая Витебскую область, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению численности данной категории обучающихся, что соответствует общемировым трендам. Статистические данные (обновляются на 15 сентября текущего года) демонстрируют динамику роста: в 2018 году количество детей с ОПФР составляло 161 694, в 2019 — 166 186, в 2020 — 170 468, в 2021 — 176 290, в 2022 — 179 397, в 2023 — 183 158. При этом около 16 тысяч детей (8,7% от общего числа обучающихся с ОПФР) имеют инвалидность.

Согласно данным Центра коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОиР) Витебской области, за последние пять лет численность детей с ОПФР также увеличилась: с 18 880 человек в 2019 году до 19 570 в 2025 году, из них 2 033 ребенка (10,4% от общего числа) имеют инвалидность. Наиболее распространенными нарушениями являются речевые расстройства — 15 803 случая (80,7%), интеллектуальная недостаточность — 1 095 (5,6%), трудности в обучении — 1 406 (7,2%), расстройства аутистического спектра (РАС) — 639 (3,3%), тяжелые и множественные нарушения развития — 252 (1,3%), нарушения слуха — 102 (0,5%), нарушения зрения — 108 (0,6%), нарушения функций опорно-двигательного аппарата — 65 (0,3%), а также другие нарушения — 100 (0,5%).

Эти данные подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования системы специального образования, интегрированного обучения и воспитания, направленного на создание условий для успешной социализации и обучения всех категорий обучающихся, включая наиболее уязвимые группы.

Работа с детьми с ОПФР требует от специалистов, работающих с ними, высокой профессиональной подготовки, личностных и морально-нравственных качеств, широкого знания медико-биологических основ их развития и воспитания, сформированных профессиональных компетенций, гибкого мышления, высокой инклюзивной культуры.

Поскольку инклюзивная культура является сложным поликультурным феноменом, рассмотрим отдельные элементы, в него входящие. Так, *культура* интерпретируется как комплексный показатель уровня развития общества, отражающий творческий потенциал и способности индивида, которые воплощаются в различных формах организации жизнедеятельности, типах межличностных взаимодействий, а также в создаваемых материальных и духовных ценностях [4, с. 4]. Согласно точке зрения О.С. Хруль, культура представляет собой специфический механизм организации и эволюции человеческой деятельности, который находит свое выражение в продуктах материального и духовного производства, системе социальных норм и институтов, духовных ценностях, а также в совокупности отношений человека к природе, другим людям и самому себе [5, с. 9]. Культура трактуется как «способ деятельности» (В. Давидович, Ю. Жданов), «процесс и результат внеприродного существования человека» (А. Марков), что подчеркивает ее роль в качестве механизма регулирования, сохранения, воспроизводства и прогрессивного развития общества.

Рассматривая понятие культуры в реализации профессиональной деятельности личности, необходимо остановиться на понятии *профессиональная культура*. В толковом словаре русского языка «профессиональная культура» характеризуется как интегративное понятие, которое отражает уровень мастерства, достигнутый в процессе трудовой деятельности, включает творчески-созидательное отношение к труду, способность к принятию и оценке решений [6]. По мнению А.И. Кравченко, профессиональная культура представляет собой совокупность специальных теоретических знаний и практических навыков, непосредственно связанных с определенным видом трудовой деятельности [7, с. 30]. Сходную точку зрения высказывают Е. И. Пономарева и В.В. Хитрюк, которые профессиональную культуру определяют как сложное системное образование, которое включает в себя упорядоченную совокупность общечеловеческих идей, профессионально-ценностных

ориентаций и личностных качеств, а также универсальных методов познания. Данные компоненты способствуют высокой эффективности предметно-трудовой деятельности [8, с. 137].

Таким образом, при анализе сущности профессиональной культуры следует особое внимание уделить одному из ее ключевых показателей — *инклюзивной культуре*. В научной литературе данный феномен интерпретируется как: 1) особая мировоззренческая парадигма, предполагающая разделение ценностей инклюзивного образования и коллективную ответственность всех субъектов образовательного процесса; 2) неотъемлемый компонент организационной культуры образовательного учреждения, ориентированный на поддержку принципов инклюзии и повышение эффективности ее реализации; 3) специфическая социально-психологическая среда, характеризующаяся атмосферой доверия и партнерскими отношениями между семьей и школой, минимизирующая риски конфликтных ситуаций; 4) адаптивная образовательная экосистема, где инновационные методики органично интегрированы в учебный процесс при системной поддержке педагогического коллектива; 5) базис формирования инклюзивного социума, где ценность человеческого разнообразия становится нормой общественного сознания и практики [9, с. 73–74]. Перечисленные аспекты взаимодополняют друг друга. Такая многомерная трактовка инклюзивной культуры подчеркивает ее системообразующую роль в современном образовательном пространстве.

В настоящее время понимание инклюзивной культуры тесно связано с целями развития инклюзивного общества, которое стремится к созданию равных возможностей для всех его членов [10, с. 9]. Инклюзивная культура рассматривается как показатель уровня развития общества, характеризующийся гуманистическими и толерантными отношениями между людьми, поддержкой сотрудничества и развития всех участников образовательного процесса. В ее основе лежит признание ценности каждого человека, что способствует достижению общих успехов, а также формированию инклюзивных ценностей, разделяемых всеми участниками этого процесса [11, с. 342].

На сегодняшний день отсутствует единое определение понятия «инклюзивная культура». А.Ю. Шеманов и А.С. Екушевская, анализируя зарубежные подходы, подчеркивают, что инклюзия в образовании строится на основе формирования инклюзивной культуры образовательной организации, которая служит

фундаментом для инклюзивной политики и практики [12, с. 29]. К.Г. Багдужева, И.А. Гаджиев и Ф.Г. Гаджиева определяют инклюзивную культуру организации как систему принципов и ценностей, включающую: 1) внешнюю структуру: организацию образовательного пространства в соответствии с принципами доступности и безопасности, внедрение адаптированных образовательных программ; 2) внутреннюю структуру: систему представлений, правил, установок, ценностей и моделей поведения, общих для группы [10, с. 13–14].

Схожие взгляды разделяют В.Н. Поникарова и Е.Л. Андреева, которые рассматривают инклюзивную культуру как профессионально-личностную характеристику педагога. Она включает ценностное отношение к профессиональной деятельности, определенные паттерны поведения в сложных ситуациях, толерантность, способность регулировать эмоциональное состояние, фрустрационную выносливость и навыки преодоления стресса [4, с. 4]. По мнению О.Ю. Светлаковой, инклюзивная культура педагога — это совокупность социальных убеждений и установок, отражающих его отношение к инклюзии, принятие инклюзивных ценностей и готовность к профессиональной деятельности в условиях инклюзивной среды [11, с. 344].

С.В. Алёхина и А.Ю. Шеманов считают, что инклюзивная культура есть часть организационной культуры, способствующей достижению целей организации и созданию инклюзивной среды — общественного пространства, в котором участники разделяют ценности инклюзии (признание разнообразия и обеспечение участия) [3, с. 14; 12]. В.В. Хитрюк представляет инклюзивную культуру как профессиональную педагогическую характеристику, готовность и способность к работе в инклюзивном образовательном пространстве; элемент профессионально-педагогической культуры. В состав инклюзивной культуры, по мнению автора, входят три составляющих: *инклюзивная готовность, инклюзивная компетентность, инклюзивное мышление* [8, с. 138].

Таким образом, при более детальном рассмотрении элементов инклюзивной культуры особое внимание следует уделить понятию *готовность*. В толковом словаре русского языка этот термин определяется как: 1) согласие сделать что-либо; 2) состояние, при котором все подготовлено для выполнения чего-либо; 3) состояние человека, готового, способного и подготовленного к выполнению определенной задачи [6].

В контексте профессиональной деятельности педагога речь идет о *профессионально-педагогической готовности*, которая включает следующие аспекты: 1) внутренние силы и потенциал личности, влияющие на результативность деятельности; 2) особое личностное состояние, где ключевую роль играет осознание структуры действия и направленность на его выполнение; 3) синтез результатов подготовки и установка на достижение поставленных целей; 4) сложное личностное новообразование, представляющее собой многоуровневую структуру качеств, свойств и состояний, обеспечивающих успешное выполнение профессиональной деятельности [13, с. 77].

Таким образом, понятие готовности в профессиональном контексте трактуется как активное состояние личности, которое включает в себя не только внутренние ресурсы, но и установки на определенные действия. В.В. Хитрюк определяет готовность как «активно-действенное состояние личности, установку на определенное поведение, мобилизованность сил для выполнения задачи», подчеркивая ее роль как социальной установки, предшествующей конкретным действиям [13, с. 76]. Е.В. Кетриш расширяет это понятие, рассматривая готовность как общую черту личности, которая характеризуется определенным уровнем развития и способствует участию человека в различных процессах. Она также акцентирует внимание на том, что готовность специалиста включает наличие знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения профессиональных задач в соответствии с современными требованиями [14, с. 55–56].

Выделяются также и различные подходы к определению понятия *готовность к педагогической деятельности*. Эти подходы отражают многогранность данного феномена и включают следующие аспекты: 1) обобщенный результат профессиональной подготовки; готовность рассматривается как итог профессионального обучения и развития, включающий приобретенные знания, умения и навыки, необходимые для выполнения педагогических задач; 2) качество личности как регулятор педагогической деятельности; готовность трактуется как личностная характеристика, которая влияет на эффективность педагогической работы и включает такие качества, как ответственность, инициативность, толерантность и эмпатия; 3) разновидность установок; готовность понимается как социально-психологическая установка, которая предопределяет поведение педагога и его отношение к профессиональной

деятельности; 4) совокупность специальных знаний, умений и навыков; готовность предполагает набор профессиональных компетенций, обеспечивающих высокий уровень выполнения педагогической деятельности [13, с. 77].

В связи с этим особую актуальность приобретает рассмотрение *инклюзивной готовности педагогов*, которая понимается как: 1) системное интегральное качество субъекта профессиональной педагогической деятельности, определяющее профессиональный выбор, направленность (ориентацию), поведенческие стратегии и методы работы [13, с. 79]; 2) базовую социальную установку в рамках педагогической практики, регулируемую системой общественных отношений; 3) система ценностных ориентаций, подчеркивающих значимость личности ребенка, создание условий для его развития, социализации [13, с. 81]; 4) процесс освоения знаний о специфике детей с ОПФР и методов взаимодействия с ними, а также как развитие личностных качеств, которые поддерживают устойчивый интерес к этой деятельности [14, с. 53; 15, с. 87]; 5) целостное качество профессиональной деятельности педагога, проявляющееся через комплекс компетенций и определяющее стратегии поведения и коммуникации, а также методы работы в условиях образовательной инклюзии.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что *инклюзивная готовность — это целостное качество профессиональной деятельности педагога, проявляющееся через комплекс компетенций и определяющее его профессиональное направление, стратегии поведения и методы работы в инклюзивной образовательной среде*. Инклюзивная готовность может включать когнитивный, конативный, ценностный, деятельностный и рефлексивный компоненты. Формирование инклюзивной готовности педагога содержит: понимание теории социальной установки; знание концепций профессионально-педагогической готовности; осознание характеристик инклюзивного образовательного пространства; понимание особенностей профессиональной деятельности в условиях образовательной инклюзии [13, с. 104].

Таким образом, инклюзивная готовность рассматривается с различных точек зрения, что позволяет глубже понять ее многогранность и значимость для образовательной практики. В то же время важно отметить, что инклюзивная готовность тесно связана с понятием инклюзивной компетентности, которая также требует внимательного изучения. Так, в педагогике

компетентностный подход широко применяется в качестве основы общего и профессионального образования (Е.Я. Коган, А.А. Пинский, Е.И. Сахарчук, В.В. Сериков, И.Д. Фрумин, Б.Д. Эльконин и др.). Основной целью этого подхода является развитие и формирование ключевых компетенций на различных уровнях, которые в дальнейшем проявляются в профессиональной деятельности как компетентность [15, с. 86]. Компетентность понимается как: 1) уровень образованности, позволяющий человеку самостоятельно учиться, справляться с познавательными задачами и формулировать свою позицию [6]; 2) итог профессиональной подготовки, включающий целостную систему знаний, умений, способностей и личностных качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных задач [10, с. 207; 15, с. 85]. Таким образом, несмотря на различные подходы к пониманию компетентности, объединяющим аспектом остается ее неотъемлемая роль в формировании профессиональной деятельности.

Также важно отметить, что в российских и белорусских педагогических исследованиях широко используются термины «профессиональная компетентность» и «профессиональная компетентность педагога». Профессиональная компетентность является системным феноменом, представляющим собой многогранное личностное развитие, которое позволяет эффективно осуществлять профессиональную деятельность [15, с. 85]. Профессионально компетентный педагог обладает совокупностью знаний, умений и навыков, характеризующие уровень сформированности его педагогической деятельности, способности к педагогическому общению, а также личностные качества, включая ценностные ориентации, идеалы и педагогическое сознание.

В продолжение дискуссии о компетентности авторы отмечают, что *инклюзивная компетентность* представляет собой интегративное развитие личности, включающее профессиональные навыки, но и личностные качества, такие как готовность принимать всех детей с учетом их индивидуальных особенностей, учебных достижений, языка и культуры [16, с. 3]; составной элемент его профессиональной компетентности, комплекс ценностных установок, знаний, умений, методик и практического опыта, способность к рефлексии и анализу своей деятельности [17, с. 2]; важная составляющая профессиональной компетентности, содержащая знания и навыки, ценностные ориентации, инклюзивную культуру, которая отражает уровень развития общества и его отношения

Таблица — Инклюзивная культура педагога и психолога: компоненты, функции, индикаторы, диагностический инструментарий

Компонент	Функции	Индикаторы	Диагностический инструментарий
Мотивационно-ценностный	<p>Формирование позитивного отношения к инклюзии среди всех участников образовательного процесса.</p> <p>Развитие ценностных ориентаций, направленных на принятие разнообразия и равноправия.</p> <p>Стимулирование профессиональной и личностной мотивации педагогов и психологов к реализации инклюзивных практик</p>	<p>Осознание педагогами, психологами и обучающимися значимости инклюзивного образования.</p> <p>Наличие в образовательной организации ценностных установок на толерантность, эмпатию и социальную справедливость.</p> <p>Активное участие педагогов и психологов в инклюзивных проектах и инициативах</p>	<p>Методика «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир, модификация А. Реана).</p> <p>Методика диагностики профессиональной педагогической толерантности (Ю.А. Макаров).</p> <p>Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич)</p>
Информационно-коммуникативный	<p>Обеспечение доступности информации об инклюзивных подходах для всех субъектов образовательного процесса.</p> <p>Развитие навыков эффективной коммуникации между участниками инклюзивной среды.</p> <p>Создание условий для открытого диалога и обмена опытом в области инклюзии</p>	<p>Наличие информационных ресурсов (методических материалов, вебинаров, курсов) по инклюзивному образованию.</p> <p>Использование адаптированных коммуникативных стратегий (альтернативные средства общения, визуальная поддержка).</p> <p>Регулярное проведение мероприятий, направленных на повышение осведомленности об инклюзии (тренинги, семинары, конференции)</p>	<p>Методика «Коммуникативная толерантность» (В.В. Бойко).</p> <p>Методика «Профессиональная готовность» (А.П. Чернявская).</p> <p>Саморегуляция и успешность межличностного общения (В.Н. Куницына)</p>
Эмоционально-рефлексивный	<p>Развитие эмпатии и эмоциональной отзывчивости у педагогов, психологов и обучающихся.</p> <p>Формирование навыков саморефлексии и анализа собственных установок по отношению к инклюзии.</p> <p>Создание психологически безопасной среды, способствующей эмоциональному благополучию всех участников</p>	<p>Высокий уровень эмоционального интеллекта у педагогов, психологов и обучающихся.</p> <p>Наличие практик рефлексивного анализа педагогической и психологической деятельности (супервизии, обсуждение кейсов).</p> <p>Положительная динамика в психологическом климате образовательной организации</p>	<p>Уровень сформированности педагогической рефлексии (О.В. Калашникова).</p> <p>Тест эмоционального интеллекта (Д.В. Люсин).</p> <p>Опросник «Эмоциональное выгорание» (К. Маслач, С. Джексон, адаптация В.В. Бойко)</p>

Когнитивный	Обеспечение теоретической и методической подготовки педагогов и психологов в сфере инклюзивного образования Формирование у всех участников образовательного процесса знаний о специфике работы с детьми с ОПФР. Развитие критического мышления и способности адаптировать образовательные стратегии под индивидуальные потребности обучающихся	Наличие у педагогов и психологов компетенций в области специального и инклюзивного образования. Использование дифференцированных и индивидуализированных подходов в обучении Включение в учебные программы модулей по инклюзивной образовательной практике	Методика «Инклюзивная компетентность педагога» (С.В. Алехина). Методика «Понимание инклюзивной терминологии» (Белорусский государственный педагогический университет, 2020). Тест КОТ (Краткий ориентировочный, отборочный тест) (В.Н. Бузин, Э.Ф. Вандерлик)
-------------	--	--	---

к каждому участнику образовательного процесса [18, с. 314].

В контексте внедрения инклюзивного подхода в образование важно выделить особый тип педагогического мышления — инклюзивное мышление, которое выступает неотъемлемой частью инклюзивной культуры педагога [8, с. 138]. Под *инклюзивным мышлением* понимается интеллектуальная деятельность, обусловленная спецификой инклюзивного образовательного пространства. В процессе этой деятельности педагог осмысливает и творчески преобразует в своем сознании особенности образовательного процесса, проектируя его в соответствии с поставленными целями и задачами. Такое мышление проявляется в способности и готовности решать педагогические задачи с учетом индивидуальных образовательных потребностей всех обучающихся [19, с. 350].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что *инклюзивная культура специалиста* нами рассматривается как *сложное личностное системное поликультурное образование, состоящее из 4 компонентов (мотивационно-ценностный, информационно-коммуникативный, эмоционально-рефлексивный, когнитивный)*, с определенными функциональными характеристиками. Также мы выделяем индикаторы для каждого из компонентов. Индикаторы служат инструментом для диагностики и анализа состояния системы образования или сформированности инклюзивной культуры у его участников.

В контексте инклюзивной культуры индикаторы могут включать: 1) уровень готовности педагогов к работе с детьми с ОПФР; 2) степень сформированности толерантности и эмпатии в образовательной среде; 3) количество успешно реализованных инклюзивных программ; 4) степень удовлетворенности участников образовательного процесса (учителей, родителей, учащихся) и др. Для измерения сформированности компонентов инклюзивной культуры специалистов была подобрана батарея методик (таблица).

И конечно же формирование инклюзивной культуры у специалистов, работающих или готовящихся к реализации инклюзивной образовательной практики, предполагает принятие гуманистических норм, ценностей, принципов инклюзии, в том числе уважение прав человека, открытости и принятия разнообразия в обществе, равноправное участие лиц с ОПФР во всех аспектах жизни, взаимное обучение каждого из участников образовательного процесса на основе межкультурного диалога и др. [20, с. 6].

Заключение. В современном образовательном контексте *инклюзивность* становится важным приоритетом, способствующим созданию стремящихся к разнообразию и равенству условий для всех участников образовательного процесса. Сегодня наблюдается прогресс в разработке и внедрении инклюзивных образовательных практик. Однако по-прежнему в реализации инклюзивной образовательной практики остаются

недостаточно решенными вопросы организации и подготовки специалистов высших учебных заведений. Это тем более важно, так как инклюзивную практику в образовательных учреждениях (например, в школах) реализуют именно команда специалистов, куда включаются не только педагоги и психологи, но и педагоги других специальностей (особенно это актуально на этапах второй и третьей ступени общего среднего образования).

Анализ современной литературы показал, что нет единого мнения относительно определения понятия «инклюзивная культура». Ученые отмечают, что инклюзивная культура является важным аспектом современного общества, становясь стимулирующим фактором интеграции и взаимодействия людей с различными культурными, социальными, языковыми, национальными, профессиональными, личностными и другими особенностями.

Существует несколько ключевых подходов к определению сущности инклюзивной культуры. Первый подход рассматривает ее как элемент общей культуры личности и общества. Второй — трактует ее как частный случай организационной или корпоративной культуры. Третий — связывает ее с реализацией инклюзии в рамках образовательного учреждения. Четвертый — выделяет ее как компонент профессиональной педагогической культуры. Пятый — определяет инклюзивную культуру как особую систему взаимодействия всех участников образовательного процесса, включая администрацию, сотрудников, обучающихся, их родителей и социальных партнеров.

Изучив различные подходы к определению понятия «инклюзивная культура», мы предлагаем под *инклюзивной культурой* понимать *сложное интегральное поликультурное образование личности, включающее сформированные инклюзивные компетенции, развитое инклюзивное мышление, готовность и способность к работе в инклюзивном образовательном пространстве, характеризующееся высокой внутренней мотивацией, самоорганизацией, ценностной ориентацией, наличием профессионально значимых качеств (любовь к детям, толерантность, эмпатия)*, т.е. готовность педагога и психолога к инклюзивной деятельности предполагает не только наличие профессиональных знаний и навыков, но и внутреннюю мотивацию, личностные качества и установки, которые позволяют эффективно работать в условиях инклюзивной образовательной среды. Этот аспект является

важным компонентом инклюзивной культуры и способствует ее успешной реализации.

Инклюзивная культура — сложный, многокомпонентный конструкт, требующий конкретных измеримых параметров для эмпирического исследования. Индикаторы позволяют перевести абстрактные принципы (равенство, уважение, участие) в наблюдаемые и измеряемые переменные. Если речь идет об индикаторах инклюзивной культуры педагогов и психологов, то здесь важно учитывать специфику их профессиональной деятельности, которая связана с образованием, поддержкой и развитием лиц с разными образовательными потребностями. Индикаторы помогают оценить, насколько эффективно специалисты внедряют принципы инклюзии в свою работу.

Выделение функций инклюзивной культуры необходимо для создания среды, где каждый человек, независимо от своих особенностей, чувствует себя принятым, уважаемым и способным реализовать свой потенциал.

Таким образом, развитие инклюзивной культуры специалистов становится фундаментом для формирования инклюзивного общества. В таком обществе ценят и поддерживают разнообразие образовательных и иных потребностей каждого человека вне зависимости от его индивидуальных особенностей. Оно создает условия для достижения образовательных целей, сохраняя при этом атмосферу принятия, сотрудничества и постоянного профессионального роста как педагогического и психологического сообщества, так и общества в целом.

Литература

1. Бут, Т. Показатели инклюзии: практ. пособие / Т. Бут, М. Эйнскоу; под ред. М. Вогана; пер. с англ. И.М. Аникеев. — М.: Перспектива, 2007. — 124 с.
2. Кудрявцев, В.А. Культура инклюзии как стратегический ориентир в построении общества равных возможностей / В.А. Кудрявцев, С.Н. Каштанова, Е.А. Ольхина[и др.] // Развитие инклюзии в высшем образовании: сетевой подход. — М.: МГППУ, 2018. — С. 30–40.
3. Алехина, С.В. Философские и методологические основы инклюзивного образования: учеб. пособие для вузов / С.В. Алехина, А.Ю. Шеманов. — М.: Изд-во «Юрайт», 2023. — 268 с.
4. Поникарова, В.Н. Инклюзивная культура педагогов. Аспекты формирования: монография / В.Н. Поникарова, Е.Л. Андреева; под ред. В.Н. Поникаровой. — Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. — 134 с.
5. Хруль, О.С. Формирование инклюзивной культуры у участников образовательного процесса / О.С. Хруль, Т.Л. Лещинская, Е.В. Рахманова, Т.Н. Юрок. — Мн.: Нац. ин-т образования, 2022. — 240 с.

6. Толковый словарь русского языка. — URL: <https://ozhegov.slovaronline.com> (дата обращения: 04.03.2025).
7. Кравченко, А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов / А.И. Кравченко. — 3-е изд. — М.: Акад. Проект, 2002. — 496 с.
8. Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность [Текст]: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 нояб. 2013 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А.В. Никишова (гл. ред.), А.В. Прадун, А.А. Селезнёв (отв. ред.) [и др.]. — Барановичи: РИО БарГУ, 2014. — 338 с.
9. Сигал, Н.Г. Инклюзия как вектор гуманизации образования и общества: зарубежный опыт / Н.Г. Сигал // Вопросы педагогики и психологии: теория и практика: сб. материалов Междунар. науч. конф., Москва, 26–28 июня 2014 г.; под ред. В.И. Писаренко. — Киров: МЦНИП, 2014. — С. 73–79.
10. Основы инклюзивной культуры: учеб. пособие / Н.А. Борисова, Д.А. Букин, И.А. Букина, Г.М. Галактионова [и др.]; под общ. ред. О.А. Денисовой; сост. О.Л. Леханова. — Череповец: ЧГУ, 2021. — 14 с.
11. Светлакова, О.Ю. Инклюзивная культура учреждения образования: понятие, структура / О. Ю. Светлакова // Инклюзивное образование: направления, проблемы, решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Бэлць, 18 окт. 2019 г. / Бэлц. гос. ун-т им. А. Руссо, Фак. педагогики, психологии и искусств; редкол.: И. Гажим [и др.]. — Бэлць, 2019. — С. 342–346.
12. Шеманов, А.Ю. Формирование инклюзивной культуры при реализации инклюзивного образования: вызовы и достижения / А.Ю. Шеманов, А.С. Екушевская // Современная зарубежная психология. — 2018. — Т. 7, № 1. — С. 29–37. DOI:10.17759/jmfp.2018070103.
13. Хитрюк, В.В. Инклюзивная готовность педагога: генезис, феноменология, концепция формирования: монография / В.В. Хитрюк. — Барановичи: БарГУ, 2015. — 276 с.
14. Кетриш, Е.В. Готовность педагога к работе в условиях инклюзивного образования: монография / Е.В. Кетриш. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. — 120 с.
15. Карпович, Т.Н. К вопросу о формировании инклюзивной компетентности педагогических работников учреждений профессионального образования / Т.Н. Карпович // Мастерство online, 2018. — 3(16). — URL: <http://ripo.unibel.by/index.php?id=3543> (дата обращения 09.02.2025).
16. Хафизуллина, И.Н. Формирование профессиональной компетентности педагога общеобразовательной школы к работе с детьми с особыми образовательными потребностями / И.Н. Хафизуллина // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, 2011. — Т. 17. — С. 83–88.
17. Турченко, И.А. Инклюзивная компетентность как предмет исследования / И.А. Турченко // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. — 2012. — № 4. — С. 27–31.
18. Максимова, Н.А. Проблема формирования профессиональной компетентности педагога в области инклюзивного образования / Н.А. Максимова // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.; гл. ред. С.В. АLEXИНА. — М.: МГППУ, 2017. — С. 312–320.
19. Хитрюк, В.В. Основы инклюзивного образования: учеб.-метод. комплекс / В.В. Хитрюк, Е.И. Пономарёва. — Барановичи: РИО БарГУ, 2014. — 372 с.
20. Жук, Т.В. Научно-методическое обеспечение процесса формирования инклюзивной культуры у участников образовательного процесса / Т.В. Жук, Т.В. Лисовская // Профессиональное образование. — 2023. — № 1. — С. 3–12.

Поступила в редакцию 09.03.2026

Феномен профессиональной идентичности в современной психологической науке

Ховайло О.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлен комплексный теоретико-методологический анализ феномена профессиональной идентичности в контексте современной психологической науки. Рассмотрена эволюция понятия от классических психоаналитических концепций до современных отечественных и зарубежных интерпретаций. Проанализированы структурные компоненты, типология статусов и роль профессиональной идентичности в процессе становления личности специалиста. Определены ключевые компоненты структуры и статусы профессионального самоопределения, включая когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Установлено, что профессиональная идентичность представляет собой динамичное психосоциальное образование, выступающее регулятором взаимоотношений специалиста с профессией и обществом.

Цель исследования — провести анализ понятия «профессиональная идентичность» в современной психологической науке.

Материал и методы. Материалом исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области изучения профессиональной идентичности. Фундаментом для проблематизации исследуемого вопроса явился синтез теоретических положений, разработанных в школах российской и мировой психологии. Методологический инструментарий включал процедуры аналитико-синтетической переработки информации, моделирование психологических конструктов и сравнительный анализ различных научных парадигм.

Результаты и их обсуждение. В ходе работы выявлены три доминирующих подхода к пониманию профессиональной идентичности: личностно-ориентированный, социально-ориентированный и системный. Установлено, что структура профессиональной идентичности включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Классифицированы статусы профессиональной идентичности (достигнутая, мораторий, преждевременная, диффузная, псевдоидентичность), отражающие динамику профессионального самоопределения. Обосновано, что профессиональная идентичность выступает регулятором взаимоотношений профессионала с профессией, обществом и самим собой.

Заключение. Профессиональная идентичность представляет собой сложное динамичное психосоциальное образование, формирующееся в процессе профессионализации. Она не сводится к подвиду личностной идентичности, а предполагает осознанное принятие группового членства и профессиональных ценностей. Результаты исследования имеют теоретическую значимость для психологии труда и практическую ценность для разработки программ психологического сопровождения профессионального становления студентов и специалистов.

Ключевые слова: идентичность, профессиональная идентичность, профессия, студент, исследование.

The Phenomenon of Professional Identity in Modern Psychological Science

Khovailo O.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article presents a comprehensive theoretical and methodological analysis of the phenomenon of professional identity in the context of modern psychological science. The evolution of the concept from classical psychoanalytic concepts to modern domestic and foreign interpretations is considered. The structural components, the typology of statuses and the role of professional identity in the process of personality maturation of a specialist are analyzed. The key components of the structure and statuses of professional self-identification, including cognitive, emotional and behavioral aspects, are identified. It has been established that professional identity is a dynamic psychosocial education that acts as a regulator of a specialist relationship with the profession and society.

The purpose of the study is to conduct a theoretical and methodological analysis of the concept of professional identity.

Materials and methods. The study draws on the work of Russian and international scholars in the field of professional identity. The foundation for addressing the issue under study was a synthesis of theoretical propositions developed in Russian and international schools of psychology. The methodological tools included analytical and synthetic information processing procedures, modeling of psychological constructs, and a comparative analysis of various scientific paradigms.

Findings and their discussion. The study revealed three dominant approaches to understanding professional identity: personality oriented, socially oriented and systemic. It has been established that the structure of professional identity includes cognitive, emotional and behavioral components. The statuses of professional identity (the achieved, the moratorium, the premature, the diffuse, pseudo-identity) which reflect the dynamics of professional self-identification are classified. It is proved that professional identity acts as a regulator of a professional's relationship with the profession, society and himself.

Conclusion. *Professional identity is a complex, dynamic psychosocial education that develops in the process of professionalization. It is not limited to a subtype of personal identity, but involves a conscious acceptance of group membership and professional values. The results of the study have theoretical significance for labor psychology and practical value for the development of programs for psychological support of professional development of students and specialists.*

Key words: *identity, professional identity, profession, student, research.*

Актуальность исследования профессиональной идентичности обусловлена ее ключевой ролью в процессе профессионального становления личности. В условиях динамично изменяющегося рынка труда и трансформации профессиональных стандартов проблема формирования устойчивой профессиональной идентичности приобретает особую значимость как для отдельного специалиста, так и для профессиональных сообществ в целом. Актуальность статьи заключается в том, что в последние годы в Республике Беларусь в должной мере не освещается тема профессиональной идентичности индивида.

В профессиональной сфере осуществляется развитие личности и совершенствование индивидуумом своего «Я». Индивид реализует свои потребности, раскрывает в себе разнообразные способности, утверждает себя как индивидуальную личность и развивается благодаря профессиональной деятельности, так как она составляет основную форму его активности. Цель исследования — провести анализ понятия «профессиональная идентичность» в современной психологической науке.

Материал и методы. Материалом исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области изучения профессиональной идентичности. Фундаментом для проблематизации исследуемого вопроса явился синтез теоретических положений, разработанных в школах российской и мировой психологии. Методологический инструментарий включал процедуры аналитико-синтетической переработки информации, моделирование психологических конструктов и сравнительный анализ различных научных парадигм.

Результаты и их обсуждение. В профессиональной сфере осуществляется развитие личности и совершенствование индивидуумом своего «Я». Индивид реализует свои потребности, раскрывает в себе разнообразные способности, утверждает себя как индивидуальную личность и развивается благодаря профессиональной деятельности, так как она составляет основную форму его активности.

Операционализация понятия «идентичность» в современных лексикографических источниках трактуется через призму тождественности и ответственности. Термин «идентичность» в переводе с латинского *identicus* — тождественный, употреблен в науке в 70-х годах XX века и охватывает процессы узнавания, опознания и глубокого внутреннего отождествления субъекта с определенными социальными ролями или группами [1–4].

В психологических кругах ученый Э. Эриксон [5] данный термин впервые внес в психологический лексикон для определения личностной идентичности. Благодаря его работе было сформировано понимание личностной идентичности как самопринадлежности и внутренней целостности, прогрессирующей на протяжении всей жизни человека.

Проблематику идентичности начали разрабатывать Дж. Мид и Ч. Кули. В своих работах они используют более традиционный термин — «самость» (Self), идентичность рассматривается этими авторами и как результат социальной интеграции. Под идентичностью Дж. Мид понимает способность человека воспринимать свое поведение и жизнь в целом как связанное, единое целое [4; 7; 8; 9].

Дж. Мид, заложивший теоретический фундамент исследования культурной детерминации личности, аргументировал тезис о том, что социальная структура обладает высокой степенью субъективности, будучи зависимой от символического наполнения персональной среды индивида. Поведение человека осуществляется через символическую коммуникацию. Ключевым вкладом Мида является рассмотрение самосознания как динамического процесса, зарождающегося исключительно в ходе интеракции с другими людьми, где инструментом установления контакта и рефлексии служат вербальные и невербальные символы.

Профессиональная идентичность — это сложная система представлений о мире профессий и о себе как о профессионале в конкретной сфере деятельности. Гибкость и адекватность профессиональной идентичности являются реализацией

субъекта труда в выбранной профессии. Также профессиональная идентичность представляет собой психологическую категорию, при которой происходит осознание принадлежности к определенному профессиональному сообществу [6–9].

На современном этапе развития науки выделяют три направления изучения профессиональной идентичности: личностно-ориентированное (Ю.П. Поваренков [10; 11]), которое рассматривается через форму личностного образования и принятия профессиональных ценностей; социально-ориентированное (Н.Л. Иванова, Е.В. Конева [12]), где важна групповая принадлежность к профессиональному сообществу; системное (Е.П. Ермолаева [13; 14]), которое рассматривает идентичность в системе «человек–профессия–общество». Когнитивно-поведенческий подход Л.Б. Шнейдер отражает классическую триаду психологических процессов: познание–эмоции–поведение, а также соответствует структуре Я-концепции в психологии личности. Динамический подход Дж. Марсия отражает этапность профессионального становления.

Профессиональная идентичность охватывает три основных компонента: эмоциональный, поведенческий и когнитивный. На эмоциональном уровне происходит формирование эмоционального отношения к профессиональным убеждениям и знаниям, а также к самому себе в профессиональном контексте. На поведенческом уровне профессиональная идентичность проявляется в конкретных действиях, связанных с решением профессиональных задач. Особое внимание уделяется когнитивным аспектам, таким как восприятие социальной среды и самооценка в профессиональном сообществе. Исследования показывают, что профессиональная идентичность формируется взаимодействием когнитивно-мотивационных и ценностных компонентов личности [10].

В международной литературе о профессиональной идентичности также освещаются различные аспекты и подходы к этому явлению. Зарубежные страны начали исследование профессиональной идентичности гораздо раньше, и, следовательно, в психологической науке есть более обширный опыт в определении этого понятия. Например, М. Аргайл считает, что взаимодействие с другими членами профессионального сообщества является основным компонентом профессиональной идентичности. По мнению Дж. Соненфилда, идентичность возникает и меняется в процессе профессионального развития [15].

В современной психологической науке профессиональная идентичность признается большинством ученых сложным и целостным феноменом. Под этим термином понимается совокупность специфических черт, позволяющих человеку успешно ориентироваться в мире труда, а также эффективно раскрывать свои личные и профессиональные возможности [16].

Подходы к определению данного термина варьируются в зависимости от позиции исследователя. Так, Ю.П. Поваренков [10; 11] трактует профессиональную идентичность как искреннее принятие человеком системы профессиональных ценностей и ориентиров. Этот процесс может происходить на социальном и психологическом уровнях (через призму ценностных и этнических установок и через внутренние структуры личности).

Однако данная точка зрения не является единственной. В своей работе Н.Л. Иванова и Е.В. Конева [12] подвергают критике взгляд Ю.П. Поваренкова, согласно которому профессиональная идентичность выступает лишь формой «личностного образования». Авторы предлагают альтернативную концепцию, утверждая, что этот феномен следует относить прежде всего к категории социальной идентичности, связанной с самоопределением индивида внутри определенной социальной группы. По их мнению, профессиональная идентичность формируется параллельно с личностным и профессиональным ростом и существенно влияет на различные аспекты жизни человека. Структура этого явления, согласно их данным, включает в себя мотивационный, ценностный, эмоциональный и когнитивный компоненты. Таким образом, исследователи смещают фокус внимания, рассматривая профессиональную идентичность как многогранное социально-личностное явление, играющее ключевую роль в жизнедеятельности социальной группы.

Наиболее широкое толкование термина предлагает Е.П. Ермолаева [13; 14]. Рассматривая проблему в системе взаимосвязей «человек–профессия–общество», она определяет профессиональную идентичность как фундаментальную психосоциальную структуру. В ней концентрируются главные отношения специалиста внутри этой триады. Фактически, Е.П. Ермолаева помещает данное понятие в центр всей психологии труда. Согласно ее позиции, профессиональная идентичность представляет собой системное качество, отражающее соответствие между субъектом, его деятельностью и обществом. Это гармоничное отождествление проявляется в трех

плоскостях: с самой деятельностью (инструментальный уровень), с окружающим социумом (внешний уровень) и с собственным «Я» (внутренний уровень).

В трактовке Е.П. Ермолаевой профессиональную идентичность образуют три компонента:

- » индивидуальный (профессиональная самоидентификация, или Я-концепция);
- » инструментальный (профессиональные знания, умения, навыки);
- » социальный (соответствие социальному заказу).

Л.Б. Шнейдер [4; 7; 8; 9] рассматривает профессиональную идентичность, которая отражает осознание человеком своей причастности к определенной профессии и определенному профессиональному сообществу. Согласно ее точке зрения, данный феномен представляет собой обращение к уникальности собственного «Я» — как в функциональном, так и в экзистенциальном плане. Это процесс самоопределения через профессиональное служение, где подчеркивается неповторимость личных и профессиональных качеств индивида при условии его реального включения в социальную и профессиональную среду.

Структура профессиональной идентичности, по мнению исследователя, складывается из нескольких важнейших элементов:

- » смыслы и хронотопы, которые служат фундаментом для самоопределения и внутренней организации личности;
- » прототипы, выступающие основой для становления индивидуальности (персонализации);
- » ценности, формирующие базис образа «Я».

С содержательной стороны проявление этой структуры выражается в трех главных характеристиках личности: ее тождественности самой себе, четкой определенности и внутренней целостности.

Профессиональная идентичность, по Л.Б. Шнейдер, может быть построена через некоторые составляющие, которые в «Я-концепции» определяются, как совокупность установок «на себя»: профессиональные знания и профессиональные умения; эмоционально-оценочное отношение к профессиональным убеждениям и знаниям, к самому себе как «деятелю»; поведенческая составляющая, где имеется соответствующая реакция, которая, в частности, может выражаться в поведении.

По аналогии со взглядами Дж. Марсия, Л.Б. Шнейдер выделяет статусы (виды) профессиональной идентичности: достигнутая

(позитивная), мораторий, преждевременная, диффузная (размытая) идентичность. Она выделяет пятый тип идентичности — псевдоидентичность, под которой подразумевает «стабильное отрицание своей уникальности или, напротив, ее амбициозное подчеркивание с переходом в стереотипию, а также нарушение механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности, нарушения временной связи жизни, ригидность «Я-концепции», болезненное неприятие критики в свой адрес, низкая рефлексия».

Также и Л.Б. Шнейдер рассматривает статусы идентичности:

1. Достигнутая идентичность. Феномен достигнутой идентичности интерпретируется нами как высший статус самоопределения личности, формирующийся в результате сознательного выбора и интериоризации экзистенциально значимых целей, ценностных ориентаций и убеждений. Проявление установленной идентичности отражается в положительном отношении к себе, в положительной оценке собственных качеств и устойчивой связи с обществом, а также в гармоничном взаимодействии механизмов идентификации и индивидуализации. Внешним маркером сформированной идентичности выступает позитивная Я-концепция, характеризующаяся адекватной самооценкой, устойчивой социальной интеграцией и динамическим равновесием между механизмами идентификации (уподобления группе) и индивидуализации (обособления).

2. Мораторий. В состоянии моратория (кризиса выбора) человек осознает свои проблемы с выбором профессии и активно исследует возможности в поисках подходящей карьеры, но пока еще не нашел идеального варианта. А профессиональная идентичность, сформированная путем осознанного и самостоятельного решения, означает, что человек определился с профессиональными планами.

3. Преждевременная идентичность. «Преждевременная идентичность» проявляется в высокой склонности к авторитарности и отсутствию опыта самостоятельности. Это состояние возникает, когда у человека личностное самоопределение подменяется внешними установками и он не осознает своей идентичности. Скорее всего, это форма навязанных сценариев других людей.

4. Диффузная идентичность. Диффузная идентичность представляет собой состояние, при котором личность пребывает в неопределенности, где отсутствуют четкие цели, ценности и убеждения, и нет активных попыток

их формировать. Человек с «диффузной идентичностью» может перейти через стадию «моратория» к «зрелой идентичности». Однако он также может навсегда остаться на уровне «несформированной идентичности», отказавшись от активного выбора и самоопределения, или идти по пути расплывчатости.

Критериями диффузной (размытой) идентичности являются:

» средняя степень неудовлетворенности собой и своими возможностями, сомнение в способности вызвать у других уважение;

» сомнение в ценности собственной личности, отстраненность, граничащая с безразличием к собственному «Я», потеря интереса к своему внутреннему миру;

» ригидность Я-концепции — нежелание меняться на фоне общего положительного отношения к себе;

» представление о том, что своя личность, характер и деятельность способны вызвать презрение, непонимание, осуждение;

» наличие внутренних конфликтов личности, сомнений, несогласий с собой, заниженная самооценка, что приводит к сомнениям в своей способности что-то изменить или предпринять;

» самообвинение, готовность поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки ярко выражены. При таком статусе идентичности нарушены хронотопы — в будущем и настоящем существует на неосознанном уровне неопределенность ситуации, бессознательно прошлое как бы «оказывает давление» на настоящее и будущее. Обострено осознание отчужденности.

Также можно отметить существенные различия в стиле общения и взаимоотношениях между молодыми людьми и девушками.

5. Псевдоидентичность. Псевдоидентичность — это состояние, когда человек постоянно отрицает свою уникальность или, наоборот, ярко выделяет ее, превращаясь в стереотип. Также это может быть нарушение механизмов идентификации и стремление быть слишком амбициозным, нарушение временной связности в жизни, уязвимость критики, недостаток саморефлексии. В некоторых случаях псевдоидентичность можно считать результатом полного «растворения» статусом, ролью, работой, при этом индивид начинает зависеть от внешней роли, что может нарушить доверительные и гибкие связи с обществом.

Заключение. Сравнительное изучение понятия «профессиональная идентичность» позволяет выявить существенное единство во взглядах иссле-

дователей. Большинство авторов трактуют данный феномен, как осознанное чувство принадлежности индивида к профессиональному сообществу. Профессиональную идентичность нельзя считать просто частью или подвидом общей личностной идентичности. Ее специфика заключается в принятии членства в профессиональном сообществе и формировании позитивного отношения к выбранной профессии и профессиональному сообществу.

Сравнительное изучение теоретических подходов позволяет сформулировать несколько ключевых выводов. Исследование показывает, что профессиональная идентичность — это сложное и постоянно меняющееся состояние человека в период обучения и в период профессионального становления. Профессиональная идентичность развивается постепенно в ходе профессионального роста и становления как специалиста. В структуре этого явления неразрывно связаны три компонента: знания и представления о профессии, эмоциональное отношение и система ценностей, а также реальные действия и поступки в рабочей среде.

В научной литературе существуют различные подходы к пониманию профессиональной идентичности. Например, подходы Э. Эриксона и Ю.П. Поваренкова, которые рассматривают ее через призму внутреннего мира человека, а Н.Л. Иванова и Е.В. Конева акцентируют внимание на месте человека в социальной группе. И как системного явления: Е.П. Ермолаева предлагает наиболее широкий взгляд, анализируя идентичность в системе взаимосвязей «человек–профессия–общество». Особое значение имеет выделение статусов профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер, позволяющее узнать степень сформированности профессионального самосознания: от диффузной и преждевременной до достигнутой идентичности.

Профессиональная идентичность не может анализироваться только в рамках личностного подхода, рассматривающего профессиональную идентичность как разновидность самоидентичности, которая определяется степенью тождественности идеального и реального образов специалиста. Профессиональная идентичность — осознанная индивидом его принадлежность к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным компетенциям и профессиональной культуре, а также включенности в профессиональную группу. Полученные результаты представляют важное теоретическое и практическое значение для профессионального образования, кадров, психологии труда.

Литература

1. Ховайло, О.В. Профессиональная идентичность будущих специалистов профессий помогающего типа / О.В. Ховайло, Т.Е. Косаревская // *Право. Экономика. Психология*. — 2021. — № 1(21). — С. 85–88.
2. Ховайло, О.В. Профессиональная идентичность личности будущего врача ветеринарной медицины / О.В. Ховайло // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3, Філасофія. Педагогіка. Псіхалогія*. — 2023. — № 1. — С. 132–138.
3. Ховайло, О.В. Профессиональная идентичность будущих психологов / О.В. Ховайло, Т.Е. Косаревская // *Психологическая студия: сб. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодежи исследователей кафедры прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова / Витеб. гос. ун-т; редкол.: С.Л. Богомаз (гл. ред.) [и др.]*. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. — 276 с.
4. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. — М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2007. — 128 с.
5. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ.; ред. и авт. предисл. А.В. Толстых. — 2-е изд. — М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. — 352 с.
6. Малютина, Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты / Т.В. Малютина. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-ee-struktura-i-komponenty> (дата обращения: 18.09.2022).
7. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: монография / Л.Б. Шнейдер. — М.: МОСУ, 2001. — 272 с.
8. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учеб. пособие / Л.Б. Шнейдер. — М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2004. — 600 с.
9. Шнейдер, Л.Б. Психология карьеры: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Л.Б. Шнейдер, З.С. Акбиева, О.П. Цариценцева. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2018. — 187 с.
10. Поваренков, Ю.П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности. Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества / Ю.П. Поваренков // *Сборник научных трудов*. — Ярославль: ЯГПУ, 2003. — С. 154–163.
11. Поваренков, Ю.П. Психологическое содержание профессиональной идентичности / Ю.П. Поваренков. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soderzhanie-professionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 09.02.2021).
12. Иванова, Н.Л. Социальная идентичность и проблемы образования: монография / Н.Л. Иванова. — Ярославль: ЯГПУ, 2001. — 228 с.
13. Ермолаева, Е.П. Принцип превентивной оценки профессиональной идентичности специалистов в процессе обучения и переподготовки / Е.П. Ермолаева. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-preventivnoy-otsenki-professionalnoy-identichnosti-spetsialistov-v-protssesse-obucheniya-i-perepodgotovki> (дата обращения: 18.09.2022).
14. Ермолаева, Е.П. Психология социальной реализации профессионала / Е.П. Ермолаева. — М.: Ин-т психологии РАН, 2008. — 347 с.
15. Грязнова, Е.В. Проблема определения понятия «профессиональная идентичность» в психологии / Е.В. Грязнова, А.Г. Гончарук, М.А. Блохина // *Азимут научных изданий: педагогика и психология*. — 2019. — Т. 8, № 3(28). — С. 323–325.
16. Эмильбекова, А.Э. Проблема профессиональной идентичности в психологии / А.Э. Эмильбекова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. — 2017. — № 1(770). — С. 47–54.

Поступила в редакцию 09.03.2026

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакционная коллегия и учредитель научно-практического журнала

«ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ»

выражают Вам огромную благодарность за то,
что на протяжении многих лет Вы остаетесь с нами.

Напоминаем Вам, что уже идет подписка
на второе полугодие 2026 года.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписные индексы издания:

для индивидуальных подписчиков — 00259;

для ведомственной подписки — 002592.

Авин Александр Иванович — заведующий лабораторией медицинской экспертизы и реабилитации при психических и поведенческих расстройствах Республиканского научно-практического центра медицинской экспертизы и реабилитации, кандидат медицинских наук.

Барышев Владимир Алексеевич — старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Бекиш Евгений Иванович — доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат сельскохозяйственных наук, доцент.

Василевич Дмитрий Григорьевич — доцент кафедры биолого-экономических дисциплин Университета Национальной академии наук Беларуси, кандидат юридических наук.

Гришанова Светлана Сергеевна — доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат технических наук, доцент.

Забродская Наталья Георгиевна — доцент кафедры менеджмента Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, кандидат экономических наук, доцент.

Золотарева Ольга Александровна — профессор кафедры экономического развития и менеджмента Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор экономических наук.

Киселева Людмила Алексеевна — старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Крестьянинова Татьяна Юрьевна — доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат биологических наук, доцент.

Лакутин Антон Андреевич — научный сотрудник лаборатории медицинской экспертизы и реабилитации при психических и поведенческих расстройствах Республиканского научно-практического центра медицинской экспертизы и реабилитации.

Лауткина Светлана Владимировна — доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Любутский Олег Михайлович — студент 3-го курса факультета компьютерного проектирования Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Морожанова Мария Михайловна — руководитель социально-педагогической и психологической службы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук.

Мухина Владислава Андреевна — учитель-дефектолог ГУО «Детский сад № 53 г. Витебска», магистр педагогических наук.

Питкевич Эдуард Сергеевич — доктор медицинских наук, профессор.

Побяржина Татьяна Павловна — заведующий кафедрой экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат экономических наук, доцент.

Сакович Мария Сергеевна — студентка 3-го курса факультета компьютерного проектирования Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Смычек Василий Борисович — директор Республиканского научно-практического центра медицинской экспертизы и реабилитации, доктор медицинских наук, профессор.

Тозулева Александра Сергеевна — аспирант 2-го года обучения кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета.

Ховайло Оксана Владимировна — преподаватель кафедры социально-педагогической работы ВГУ имени П.М. Машерова, магистр психологических наук.

Шабeka Владимир Леонидович — доцент кафедры «Транспортные системы и технологии» Белорусского национального технического университета, аттестованный Госокмимуществом Республики Беларусь оценщик стоимости машин, оборудования и транспортных средств, докторант кафедры экономики промышленных предприятий факультета экономики и менеджмента Белорусского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Avin Aleksander Ivanovich — Head of the Laboratory of Mental and Behavioral Disorders Medical Assessment and Rehabilitation National Science and Practice Center for Medical Assessment and Rehabilitation, PhD (Medicine).

Baryshev Vladimir Alekseyevich — Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law.

Bekish Evgueni Ivanovich — Assistant Professor of Vitebsk Branch of International University MITSO Department of Economics and Information Technologies, PhD (Agricultural Sciences), Assistant Professor.

Vasilevich Dmitri Grigoryevich — Associate Professor of University of the National Academy of Sciences of Belarus Department of Biological and Economic Disciplines, PhD (Law).

Grishanova Svetlana Sergeevna — Assistant Professor of International University “MITSO” Vitebsk Branch Department of Economics and Information Technologies, PhD (Technical Sciences), Assistant Professor.

Zabrodskaya Nataliya Georgiyevna — Associate Professor of Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics Department of Management, PhD Economics), Associate Professor.

Zolotareva Olga Aleksandrovna — Professor of Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus Department of Economic Development and Management, Dr.Sc. (Economics).

Kiseleva Liudmila Alekseyevna — Senior Lecturer of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus Department of Civil and Economic Law.

Krestyaninova Tatyana Yuryevna — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Biology), Assistant Professor.

Lakutin Anton Andreyevich — Researcher at the Laboratory of Mental and Behavioral Disorders Medical Assessment and Rehabilitation of the National Science and Practice Centre of Medical Assessment and Rehabilitation.

Lautkina Svetlana Vladimirovna — Associate Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Associate Professor.

Liubutski Oleg Mikhailovich — third-year student of the Faculty of Computer-Aided Design of Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics.

Morozhanova Maria Mikhailovna — Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Social-Pedagogical and Psychological Department, PhD (Psychology).

Mukhina Vladislava Andreyevna — correctional teacher of Kindergarten No 53 of the City of Vitebsk, Master of Education.

Pitkevich Eduard Sergeevich — Dr.Sc. (Medicine), Professor.

Pobiarzhina Tatyana Pavlovna — Head of International University MITSO Vitebsk Branch Department of Economics and Information Technologies, PhD (Economics), Assistant Professor.

Sakovich Maria Sergeevna — third-year student of the Faculty of Computer-Aided Design of Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics.

Smychek Vasili Borisovich — Head of the National Science and Practice Centre of Medical Assessment and Rehabilitation, Dr.Sc. (Medicine), Professor.

Toguleva Aleksandra Sergeevna — second year postgraduate student of Belarusian State Economic University Department of Civil and Legal Disciplines.

Khovailo Oksana Vladimirovna — Teacher of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Social and Pedagogical Work, Master of Psychology.

Shabeka Vladimir Leonidovich — Assistant Professor of Belarusian National Technical University Department of Transport Systems and Technologies, Doctoral Student of Belarusian State Economic University Faculty of Economics and Management Department of Economics of Industrial Enterprises, PhD (Economics), Assistant Professor.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1; 2]. Список литературы оформляется в со-

ответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров — не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлекцией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal “Law. Economics. Psychology” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Material and methods”;
- section “Findings and their discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “Material and methods” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “Findings and their discussion” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “Conclusion” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1; 2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author’s phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews — at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 21.05.2026. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 10.36. Тираж 73 экз. Заказ 55.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.